

Российская Академия Наук

ISSN (print) 0131-6117

ISSN (online) 3034-5928

Рус- R U S S I A N СЛОВА S P E E C H РЕЧЬ

2025

НОЯБРЬ—
ДЕКАБРЬ

НАУКА
— 1727 —

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Заместители главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Заведующая редакцией: М. А. Пузина
Заведующие отделами: С. В. Дьяченко, О. В. Антонова

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.	Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь» Телефон: +7 495 637-27-35 E-mail: rus-rech@mail.ru, rusrech@pran.ru Сайт: http://russkayarech.ru/, http://slavras.ru	© Российская академия наук
Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).		

Российская Академия Наук

ISSN (print) 0131-6117

ISSN (online) 3034-5928

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

2025

NOVEMBER—
DECEMBER

НАУКА
— 1727 —

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrew A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru, rusrech@pran.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>, <http://slavras.ru>

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... В. А. Белов, Шао Мань, В. М. Белова. Проблема семантической деривации слова «естественно»

25..... Л. Е. Кругликова. Особенности отражения новой лексики в неологических словарях XXI в.

41..... Е. О. Кузьминых, Н. Б. Бугакова, С. А. Скуридина. Труд в русской языковой картине мира

54..... Е. М. Мельникова. *Это мне откликается*: новое управление?

67..... О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова. Неодериваты с формантом *-инг* в языке современных российских медиа

Из истории русского языка

81..... Ю. Г. Захарова. Неологизация русского языка второй половины XIX в.: об истории некоторых отвлеченных существительных

96..... М. О. Новак. Латинские вкрапления в славянских версиях «Церковных анналов» Цезаря Барония (XVII век)

Язык художественной литературы

111..... Ф. Н. Двинятин, Б. В. Ковалев. Стилистические сходства и различия русских межвоенных романов через призму наиболее частотной лексики

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7 *Vadim A. Belov, Shao Man, Valentina M. Belova.* The Problem of Semantic Derivation of the Word “Естественно” (‘Naturally’)
- 25 *Lyudmila E. Kruglikova.* New Vocabulary in the Neological Dictionaries of the 21st Century
- 41 *Elena O. Kuz'minykh, Nadezhda B. Bugakova, Svetlana A. Skuridina.* Labor in the National Picture of the World of the Russian
- 54 *Ekaterina M. Melnikova.* *Eto Mne Otklikayetsya*: New Verb Control?
- 67 *Olga A. Mikhailova, Julia N. Mikhailova.* Neoderivatives with the Formant *-ing* in the Language of Modern Russian Media

From the History of the Russian Language

- 81 *Yuliya G. Zakharova.* Neologization of the Russian Language in the Second Half of the 19th Century: on the History of Some Abstract Nouns
- 96 *Maria O. Novak.* Latin Inclusions in Slavic Versions of Caesar Baronius “Ecclesiastical Annals”

The Language of Fiction

- 111 *Fyodor N. Dviniatin, Boris V. Kovalev.* Stylistic Similarities and Differences of Russian Interwar Novels Through the Prism of the Most Frequent Words

Проблема семантической деривации слова «естественно»

Вадим Алексеевич Белов¹, Шао Мань², Валентина Михайловна Белова³,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, Санкт-Петербург)^{1,2},
Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (Россия, Санкт-Петербург)³,
belov.vadim.a@gmail.com¹, shao.man@yandex.ru², belova.valentina.m@gmail.com³

DOI: 10.31857/S0131611725060014

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена семантической деривации слова «естественно», которое в русском языке может выполнять функции вводного слова, наречия, прилагательного, предикатива и частицы. Целью работы является анализ семантических и функциональных изменений при семантической деривации слова «естественно». Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, а также сведения словарей русского языка. Гипотезой исследования является положение, что семантическая деривация слова «естественно» связана с усилением модусного содержания единицы и способности к диалогизации.

В работе описаны семантические и синтаксические характеристики употребления слова в функции каждой части речи. По результатам исследования делается вывод, что в современной речи подавляющее большинство употреблений приходится на вводное слово. Семантическая деривация происходит за счет редукции пропозициональной группы в вводную конструкцию. Данная трансформация мотивирована усилением субъективного начала в речи и расширением функций в дискурсе. Употребление слова «естественно» выражает уверенность говорящего, основанную на знании типичного поведения в этой ситуации, которое также есть у слушателя. Данное слово является средством ведения непрямого диалога со слушателем. Семантическая деривация этого слова является следствием изменения неканонической

(нарративной) коммуникативной ситуации, которая приобретает диалогические черты. Показателем семантической деривации является резкое увеличение частотности слова во второй половине XX века, в период развития средств массовой коммуникации, интерактивного общения и пр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическая деривация, дискурсивные слова, диалогизация, дискурсивизация, корпус, прагматические функции, лингвоспецифичные слова

для цитирования: Белов В. А., Шао Мань, Белова В. М. Проблема семантической деривации слова «естественно» // Русская речь. 2025. № 6. С. 7–24. DOI: 10.31857/S0131611725060014.

благодарности: Авторы статьи выражают благодарность профессору Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Т. В. Шмелевой и анонимным рецензентам за ценные рекомендации, которые позволили значительно улучшить статью.

Issues of Modern Russian Language

The Problem of Semantic Derivation of the Word “Естественно” (‘Naturally’)

Vadim A. Belov¹, Shao Man², Valentina M. Belova³, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia, Saint-Petersburg)¹⁻², HSE University (Russia, Saint-Petersburg)³,
belov.vadim.a@gmail.com¹, shao.man@yandex.ru², belova.valentina.m@gmail.com³

ABSTRACT: The article is devoted to the semantic derivation of the word “естественно” (‘naturally’), which in Russian can perform the functions of an introductory word, an adverb, a predicative and a particle. The aim of the work is to analyze the semantic and functional changes in the semantic derivation of the word “естественно” (‘naturally’). The material for the study was the data of the National Corpus of the Russian Language, as well

as the information from Russian language dictionaries. The hypothesis of the study is that the semantic derivation of the word "естественно" ('naturally') is associated with the strengthening of the modus content of the unit and the ability to dialogize.

The work describes the semantic and syntactic characteristics of the word utilize as different parts of speech. Based on the results of the study, it is concluded that in modern speech the word naturally is mostly used as an introductory word. The semantic derivation occurs due to the reduction of the propositional group into an introductory construction. This transformation is motivated by the strengthening of the subjective principle in speech and the expansion of functions in discourse. The use of the word "естественно" ('naturally') expresses the speaker's confidence, based on the knowledge of typical behavior in this situation, which the listener also has. This word is a means of conducting an indirect dialogue with the listener.

The semantic derivation of this word is a consequence of the change in the non-canonical (narrative) communicative situation, which acquires dialogic features. An indicator of semantic derivation is the sharp increase in the frequency of word "естественно" ('naturally') in the second half of the 20th century, the period of development of mass media, the development of interactive communication, etc.

KEYWORDS: semantic derivation, discourse words, corpus, dialogization, discursivization, pragmatic functions, language-specific words

FOR CITATION: Belov V.A., Shao M., Belova V.M. The Problem of Semantic Derivation of the Word «Естественно» ('Naturally'). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 7–24. DOI: 10.31857/S0131611725060014.

ACKNOWLEDGEMENTS: The authors of the article would like to express their gratitude to Prof. T. V. Shmeleva of Yaroslav the Wise Novgorod State University and the anonymous reviewers for their valuable recommendations, which significantly improved the article.

1. Введение

Русское слово *естественно* происходит от прилагательного *естественный* и существительного *естество*, которые в свою очередь этимологически связаны с корнем *есть*. Само слово *естественно* также многозначное, однако словари расходятся в количестве значений этого слова. Так, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940] и МАС [Евгеньева 1999]

выделено два значения, в словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] — три значения. Обобщим разные значения этого слова:

Первое значение: наречие от слова *естественный* (в первом значении «Принадлежащий природе (земной поверхности, климату, животному и растительному миру и т.д.); созданный природой; природный» [Евгеньева 1999]).

Второе значение: вводное слово; «разумеется, по вполне понятным причинам» [Евгеньева 1999].

Третье значение: предикатив (категория состояния); «оценка какой-либо ситуации, чьих-либо действий как представляющихся обычными, нормальными, обусловленными общим ходом вещей» [Ефремова 2000].

Четвертое значение: частица, употребляется при выражении подтверждения чего-либо; соответствует по значению словам *да, конечно* [Ефремова 2000].

Таким образом, это слово может быть представлено наречием, предикативом (категорией состояния), частицей и вводным (модальным) словом¹. В задачи нашего исследования не входит обсуждение сложных вопросов о свойствах и границах частей речи, а мы постараемся сконцентрироваться только на семантических свойствах анализируемой единицы².

2. Методология исследования

Цель работы — анализ семантических и функциональных изменений при семантической деривации слова *естественно*. Исследование базируется на данных основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Гипотезой исследования является положение, что семантическая деривация (то есть образование новых значений) слова *естественно* связана с усилением оценочно-эмоционального содержания единицы и способности к диалогизации. Актуальность исследования определяется тем,

¹ В задачи настоящей статьи не входит обсуждение места модальных слов в системе частей речи русского языка. Однако очевидно, что вводная функция, характерная для модальных слов, является основанием для выделения их в отдельный лексико-грамматический разряд.

² Важно отметить точку зрения С. М. Кузнецовой: она относит слово *естественно* в отдельный разряд слов на -о с общими свойствами (туда также относятся слова *очевидно, ясно, конечно* и пр.). Исследователь рассматривает разные частеречные употребления как позиционные варианты одной единицы [Кузнецова 2017].

что лексема *естественно* достаточно частотна в русской речи, а для современного употребления характерно развитие дискурсивных функций, связанных с организацией текста и ведением диалога с читателем. При этом семантические свойства слова *естественно* практически не описывались в отечественной науке, вместе с тем эта единица обладает достаточно уникальными свойствами. По словам А. Д. Шмелева, единицы, подобные лексеме *естественно*, относятся к лингвоспецифичным словам, для которых трудно найти лексические аналоги в других языках [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

3. Результаты исследования

3.1. Наречные и адъективные употребления

Формальным признаком наречия *естественно* является сочетание с личным глаголом. В этой паре семантически главным словом оказывается глагол. В примере (1) наречие *естественно* в данном случае характеризует образ действия.

- (1) *Сопоставление двух миров происходило [как?] естественно* [НКРЯ: «Известия», 2003].

Отметим, что существуют разные точки зрения на проблему частеречной отнесенности подобных единиц: так, М. В. Панов рассматривал наречные употребления как прилагательные, при этом называя предикативы (категорию состояния) безличными прилагательными [Панов 2004]. Вполне обоснованно трактовать слово *естественно* как прилагательное в сочетаниях с глагольной согласуемой связкой (*было*), так как в этих случаях семантика слова *естественно* связана с характеристикой всей ситуации, а не действия (см. пример (2), где анализируемое слово употребляется как краткое прилагательное). В этих случаях окончание *-о* указывает на согласование по роду. Косвенным доказательством этого является возможность следующей трансформации: *изумление его было совершенно естественно* (М. А. Булгаков, 1929–1940) — *изумление его было совершенно естественным*. В основном корпусе 210 подобных употреблений, что составляет 1 % всех употреблений слова *естественно*.

- (2) *Дочка поехала с ней. Это было естественно. А я остался с матерью и Глашей* (С. Довлатов, 1983).

Таким образом, о функции наречий можно говорить в сочетаниях с полнозначным глаголом, а при сочетании с глагольной связкой слово *естественно* следует понимать как прилагательное.

3.2. Предикативные употребления

Основной синтаксической функцией предикатива (слова состояния) является сказуемое, а семантические признаки связаны с описанием состояния человека или ситуации (положения дела). Предикатив *естественно* может употребляться в составе простого и сложного предложения. Так, в современном употреблении распространенной является конструкция *естественно, что*, на которую приходится большинство употреблений предикатива *естественно*.

Семантические признаки слова связаны, во-первых, с тем, что предикатив является семантически главным в предложении, по смыслу подчиняя находящийся, как правило, в постпозиции личный глагол при его наличии. Во-вторых, предикатив вносит особую оценку высказывания, которая связана «не с прямым восприятием, а с аналитическим мышлением, знанием, мнением» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 159]; это передает особый вид информации «о позиции говорящего или другого субъекта оценки в отношении того или иного явления» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 159]. В-третьих, предикатив *естественно* употребляется в безличных, односоставных предложениях, чаще всего сочетаясь с инфинитивом; ср. пример (3), где анализируемое слово в двусоставном предложении сочетается с личным глаголом и характеризует действие, и высказывание (4), где эта единица в безличной конструкции сочетается с инфинитивом и описывает всю ситуацию в целом. Для образования прошедшего времени предикатив употребляется вместе со связкой *было* (пример (5)), эту схему следует отличать от адъективного употребления в двусоставном предложении (см. (2)).

- (3) *Современники Островского ее читали и видели в театре. Сопоставление двух миров происходило **естественно*** (О. Романцова, «Известия», 2003).
- (4) *И, казалось бы, **естественно** предположить, что почетное первое место в литературе позапрошлого века должны занимать утопии о крестьянском рае* (Е. Харитонов, «Знание — сила», 2020).
- (5) *Поэтому было **естественно**, что у каждого из нас есть родственники, которые что-то собой представляют* (Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы, 2015).

В употреблении предикатива подчеркивается неактивный, рассудочно-аналитический характер сообщения [Ломтев 1972]. С. М. Кузнецова отмечает, что слово *естественно* в функции предикатива в рамочной конструкции с союзом *что* выражает абсолютную уверенность в сообщении

[Кузнецова 2017]. Однако не все подобные употребления реализуют высокую степень уверенности. Проанализируем пример (6) из НКРЯ: в этом случае не совсем корректно говорить о семантике уверенности, а следует говорить о аналитической гипотезе о знании слушающего. Для подтверждения заменим слово на синоним, который имеет более явное значение уверенности, — *несомненно* (см. пример (6а)). При замене теряется важный смысл исходного сообщения, что посещение театра — важная (обязательная) часть досуга: подобные знания, по замыслу говорящего, являются фоновыми для слушающего.

(6) *Естественно, что обойти театр как форму досуга мы не могли* (Н. Шагрова, «Экран и сцена», 2004).

(6а) *?Несомненно, что обойти театр как форму досуга мы не могли.*

Так как предикатив является синтаксическим и смысловым центром предложения, его невозможно удалить без нарушения грамматической структуры предложения (см. примеры (4–5)).

Достаточно часто употребляются конструкции с инфинитивом, которые относятся к односоставным безличным предложениям: частотность конструкций *естественно* + *инфинитив* составляет в основном корпусе около 1200 примеров (7% всех употреблений слова *естественно*); примеры представлены в (4). Употребление с инфинитивом усиливает «постфактумный, ретроспективный характер» ситуации [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 155].

Следует проанализировать сочетания с инфинитивными подлежащими (по модели, обсуждаемой А. А. Шахматовым, *кататься весело*): *бояться естественно*. Частеречная характеристика слов в таких конструкциях неоднократно обсуждалась в отечественной лингвистике. Однако подобные сочетания для слова *естественно* крайне низкочастотны: в основном корпусе НКРЯ представлено 150 подобных употреблений, что составляет менее 1% всех употреблений этой лексики в этом корпусе. Большинство контекстов приходится на распространенные предложения (часто с выраженной связкой *было, должно* и пр.), единичны примеры употребления в нераспространенных предложениях (клаузах) (см. пример в (7)). Как представляется, в подобных примерах можно увидеть реализацию схемы *Inf Cop Adj f* с прилагательным *естественно* [Белошапкова 1989]. Однако этот вопрос требует дальнейшего обсуждения, что не входит в задачи настоящей работы.

(7) *Бояться естественно, но еще больше рекомендовано бояться убивающих душу, в чем куда успешнее вовсе не «Идущие», а производители литмерзотины* (М. Соколов, «Известия», 2002).

Трудность грамматического разбора связана с тем, что примеры предикативного употребления сложно разграничить от наречного употребления: в обоих случаях синтаксическая связь осуществляется без формальных показателей связности.

3.3. Употребления в функции частицы

Как частицу *естественно* можно рассматривать в рамках ограниченных синтаксических конструкций, где слово *естественно* является ответом на вопрос; пример реализации представлен в (8). Как отмечает С. М. Кузнецова, семантические свойства ответной реплики такие же, что и характеристики вводного (рамочного, дискурсивного) употребления: «Выражается субъективная точка зрения говорящего, однако перед нами не просто уверенное суждение, а отклик на ту ситуацию, о которой сообщается в диалоге, либо же реакция на истинностное значение суждения» [Кузнецова 2017: 14]. В диалоге частица *естественно* выражает согласие с собеседником, часто становясь маркером обратной связи [Добрушина 2000]. Частица *естественно* может быть заменена с потерей некоторых смысловых компонентов словом *да*.

- (8) — *То есть вы считаете, что вступление этих стран в НАТО — это один из этапов подготовки к войне с Россией?*
— *Естественно. Они боятся, что мы объединимся с Азией, с Китаем* (Беседа в Новосибирске, 2004).

3.4. Употребления в функции вводного слова

Наиболее частотно употребление слова *естественно* в функции вводного слова. В таком случае слово синтаксически автономно, то есть оно не является членом предложения, не имеет грамматической связи с другими словами, может занимать практически любое место в предложении. Формальными признаками синтаксической независимости является возможное искусственное удаление, которое не приводит к нарушению грамматической структуры: это не изменит общий смысл высказывания, а только модифицирует некоторые модальные характеристики.

В словаре дискурсивных слов указывается, что употребление слова *естественно* характерно для явлений, «которые можно рассматривать как заложенные в природе вещей» [Киселева, Пайар 1998: 364]. Это слово описывает некоторое положение вещей, которое не зависит «от мнений, убеждений, точек зрения участников коммуникации», известно «обоим собеседникам», понимается и не предполагает «разных взглядов на природу вещей» [Киселева, Пайар 1998: 364]. О дискурсивном слове *естественно*

можно говорить в тех случаях, когда оно употребляется как вводное слово или как частица.

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» это вводное слово входит в синонимический ряд *конечно, разумеется, естественно, безусловно, несомненно, бесспорно* и выражает, по мнению авторов, «категорическую уверенность в том, что некая ситуация имеет место, исключая все остальные возможности» [Апресян 2003: 474]. Среди признаков этого слова на фоне синонимических единиц выделяются высокая уверенность, большая степень информированности говорящего и объективный характер информации. В диалоге оно может выражать немного пренебрежительный характер, однако этот оттенок пропадает в нарративном режиме [Апресян 2003: 474].

Говоря о других синонимах анализируемой единицы, следует рассмотреть слова *натурально* и *реально*, которые низкочастотны в вводной позиции для современной речи (в НКРЯ частотность леммы *натурально* как вводного слова — 402 употребления (IPM — 1,03), частотность леммы *реально* как вводного слова — 12 употреблений (IPM — 0,03))³. Эти слова в большей степени ориентированы на семантику подтверждения: говорящий пытается подтвердить, что ситуация развилась именно таким образом, несмотря на сомнения слушающего, о которых говорящий может догадываться. Если при употреблении слова *естественно* развитие ситуации соответствует ожиданиям слушающего, то семантика слов *натурально* и *реально* предполагает прогнозируемое несоответствие обычным представлениям. См. пример (9), где описывается не совсем типичная ситуация:

- (9) *Тут опять про себя недобрым словом помянули Михаила Александровича: все столики на веранде, **натурально**, оказались уже занятыми, и пришлось оставаться ужинать в этих красивых, но душных залах* (М. А. Булгаков, 1929–1940).

Таким образом, слово *естественно* употребляется в ситуациях, когда уверенность в сообщаемом исходит из знания типичной, нормальной деятельности. Подобные знания следует назвать «данным» в понимании У. Чейфа: «Это то знание, которое, по предположению говорящего, находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания» [Чейф 1982: 281]. У говорящего ощущение уверенности приходит из понимания (знания), как обычно, «естественно» развиваются события:

³ Для сравнения в функции вводного слова лемма *естественно* употребляется 14 700 раз (IPM — 37,75). Обычно считается, что пороговым для признания леммы низкочастотной является значение IPM, равное 5.

см. пример (10)⁴. Этот оттенок значения позволяет развивать и другие особенности употребления: во-первых, создание диалогизации с читателем/слушателем: в этих случаях говорящий апеллирует к фоновым знаниями (фрейму) адресата о типичной ситуации (см. характерный пример (11)); во-вторых, иногда некоторую пренебрежительную интонацию, основанную на том, что адресат не разобрался должным образом в ситуации (см. (12)).

- (10) *Но, естественно, процесс слияния не мог не потребовать времени* (Computerworld, 2004).
- (11) *Естественно, этого самого отца, как и бывало в подобных случаях, немедленно посадили* (С. Н. Есин, 2008).
- (12) ... а венцом оказывалось столкновение с широкой железной грудью быкадора, он, *естественно*, и не думал уступать дорогу, а шел напролом, как ледокол прорывался сквозь людские айсберги (Улья Нова. Инка, 2004).

Отметим, что достаточно часто граница между разными частями речи неочевидна. Рассмотрим предложение (13), где сложно определить частеречную принадлежность слова (предикатив или вводное слово). С одной стороны, предикативная функция для слова *естественно* определяется описанием некоторого состояния, что более наглядно проявляется в измененном авторами исследования примере (13а). С другой стороны, слово *естественно* синтаксически независимо и может быть удалено без изменения общего смысла высказывания.

- (13) *Естественно, такая пестрая толпа, как поддержавшие восстание, не могла бы долго сохранять единство* (Запись LiveJournal, 2004).
- (13а) *Было естественно, что такая пестрая толпа, как поддержавшие восстание, не могла бы долго сохранять единство.*

В письменной речи дискурсивное употребление слова *естественно* предполагает выделение запятыми с двух сторон. Однако, как показывают корпусные данные, в речи пунктуационные знаки часто пропускаются, поэтому они не могут быть надежным показателем вводного слова. В устной речи признаком является соответствующая интонация.

⁴ «Данное» в трактовке У. Чейфа можно сравнить с прагматической пресуппозицией: то, что в высказывании говорящий считает известным слушателю.

4. Обсуждение результатов

4.1. Направление семантической деривации

Для вводных конструкций характерно ослабление участия в пропозициональном значении предложения⁵ [Кустова, Швелидзе 2020]: это ослабление (редукция) объясняет трансформацию пропозициональной группы в вводную конструкцию. Семантическая деривация слова *естественно* также развивается с помощью редукции: *Естественно предположить (подумать), что он уехал* → *Естественно, что он уехал* → *Естественно, он уехал*. В первом примере наречие сочетается с ментальным глаголом, во втором — слово *естественно* является предикативом и формирует односоставное предложение (клаузу); в третьем — единица *естественно* становится вводным (дискурсивным) словом, утрачивая участие в пропозициональном содержании всего высказывания и одновременно развивая модусную (субъективную) семантику. Данная трансформация вызвана не только стремлением к экономии, но и усилением субъективного начала в речи, так как предикативная форма препятствует субъективной модальности [Падучева 2019]. С. М. Кузнецова отмечает, что для употребления в функции наречия (в терминах автора припредикативной позиции) уверенность в сообщаемом лишена субъективности, напротив, функция вводного слова выделяет эгоцентрическое начало [Кузнецова 2017]. Е. В. Падучева называла вводные слова типа *естественно* вторичными (мягкими) эгоцентриками [Падучева 2019].

Е. Курилович разграничивал синтаксическую и семантическую деривацию: первый тип изменений происходит «внутри одного и того же лексического значения» [Курилович 1962: 62–63]; второй процесс связан с изменением лексического значения, но с сохранением синтаксической функции [Курилович 1962: 63]. В данном случае можно говорить о двух процессах одновременно, так как благодаря синтаксической деривации изменяется и лексическое значение единицы (которая, кроме выражения уверенности, приобретает диалогическую семантику). В рамках современной функциональной и когнитивной лингвистики деривацию, характерную для слова *естественно*, можно связать с процессами экономии языковых усилий и ритуализации общения (частотные единицы в речи формируют новые модели употребления и грамматики) (см. [Givon 2002]). Подобные синтаксические и семантические переходы первоначально возникают благодаря взаимодействию с контекстом, а по мере употребления

⁵ Пропозициональным в лингвистике называется основное содержание предложения, связанное с обозначением некоторой ситуации действительности (например, *мать спит, Иван купил телефон* и пр.). Пропозициональное содержание выражается с помощью подлежащего, сказуемого и обязательных участников ситуации (прежде всего прямого дополнения).

изменения стабилизируются и оказываются независимы от контекста [Levinson 2000]. Учитывая современные положения лингвистики, следует рассматривать синтаксическую и семантическую деривацию анализируемой единицы как разные аспекты одного процесса. Таким образом, благодаря этому переходу усиливается модусная (субъективная, эгоцентрическая) семантика слова *естественно*, а пропозициональная семантика редуцируется.

4.2. Субъектная организация семантики слова

Важно обсудить проблему субъектности. Е. В. Падучева, рассматривая эту проблему для вводных слов, выделяет подразумеваемого говорящего в предложении «Иван, возможно, придет», который дает оценку вероятности событий («говорящий допускает возможность прихода Ивана»). При этом Е. В. Падучева говорит о слушателе как о втором участнике речевой ситуации для некоторых конструкций. Например, эта фигура проявляется в конструкциях сослагательного наклонения типа *казалось бы*: «Говорящий приглашает слушающего разделить с ним точку зрения. Так что *казалось бы* выражает мнение, которое говорящий предполагает общим у него и у слушателя» [Падучева 2011: 16]. При употреблении слова *естественно* также важна фигура слушателя: см. пронизательное замечание Т. В. Шмелевой о семантике этого слова: в невопросительных предложениях оно используется «для отведения сомнений не говорящего, а слушателя» [Шмелева 1983: 76]. Например, проанализируем высказывание (14) с вводным словом *естественно* и предложение-трансформацию (14а) без него. Второе предложение повествует о прошедшем событии без каких-либо сомнений в достоверности этого факта, а в первом высказывании, напротив, говорящий пытается убедить слушающего в правильности своих действий, оперируя к его фоновым знаниям о типичном поведении человека в этих ситуациях.

(14) *И, естественно, приехав в Россию, всем будет сообщать, что он работает профессором в университете* (Форум, 2008–2011).

(14а) *И приехав в Россию, всем будет сообщать, что он работает профессором в университете.*

На основании анализа подобных примеров, можно сделать вывод о диалогической (метатекстовой) природе подобных единиц, так как «введение *естественно* означает скрытый диалог с читателем» [Шмелева 1983: 76]. Употребление этого слова предполагает стремление говорящего установить контакт с читателем/слушателем текста, убедившись в правильности понимании смысла. Эти рассуждения хорошо согласуются с зарубежными работами о прагматических маркерах (дискурсивных словах): например, в работах [Foolen 2012; Fraser 1996] показывается, что

они помогают интерпретировать текст и сигнализируют о коммуникативных интенциях говорящего.

Условно можно выделить два типа коммуникативной ситуации: каноническую ситуацию (в терминах Е. В. Падучевой), где происходит непосредственный контакт говорящего и слушателя, и неканоническую (нарративную) ситуацию, где говорящий не вступает в прямой контакт с адресатом [Падучева 2019]. Однако для современной речевой ситуации характерно размывание границ между выделенными моделями ситуации, в результате которой нарративный режим приобретает черты диалогической речи с усилением фигуры слушающего. Этот процесс, вызванный социокультурными факторами (бурное развитие средств массовой коммуникации, разных форм интерактивного общения и пр.), в литературе называется диалогизацией (то есть имитацией прямого диалога говорящего и слушателя) и/или дискурсивизацией (выделением процесса создания текста и его «привязкой» к коммуникативной ситуации) [Дымарский 2001; Китайгородская 1993; Прохвятилова 2020]. Одним из языковых проявлений этого процесса является расширение функционала так называемых вторичных эгоцентриков (Е. В. Падучева), которые имитируют диалогический режим коммуникации.

4.3. Изменение частотности слова «естественно»

Важным доказательством происходящей «перенастройки» слова *естественно* является резкое увеличение частотности употребления в функции вводного слова. По данным Национального корпуса русского языка, многократный рост употреблений вводного слова *естественно* начинается в текстах с 1960 г.: пик употреблений приходится на период с 1995 по 2011 гг.⁶: см. схему 1 из НКРЯ. При реализации других частей речи не наблюдается подобного резкого роста употребления: количество употреблений по годам достаточно выровнено.

Вторым доказательством расширения семантики слова *естественно* служат данные о частотности частеречной реализации леммы *естественно*. В работе проанализирована частотность в четырех корпусах НКРЯ с использованием грамматической разметки корпуса. Подробные цифровые данные представлены в таблице 1. Стоит обратить особое внимание на газетный корпус и корпус социальных сетей, где представлены более диалогические формы общения: в этих текстах доминирует употребление слова *естественно* в роли вводного слова.

Используя данные основного корпуса НКРЯ, мы самостоятельно сделали частеречный анализ 1000 употреблений в современных текстах:

⁶ Некоторое снижение частотности в последние годы объясняется особенностями пополнения корпуса: современные тексты могут загружаться в корпус с опозданием.

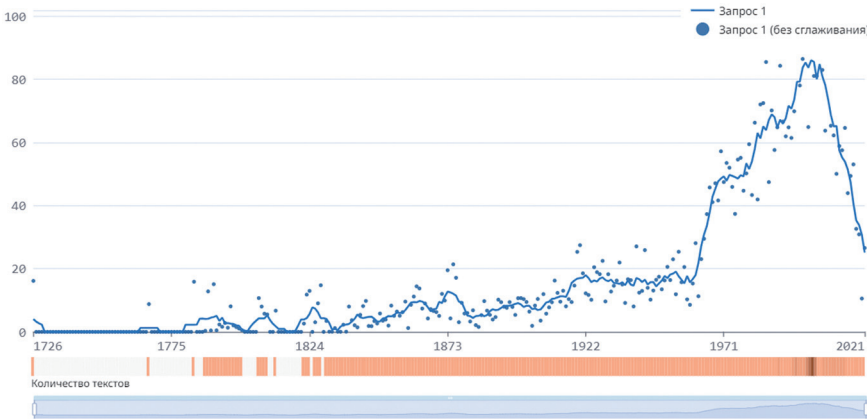

Схема 1. Частотность употребления вводного слова *естественно* по временной шкале в Национальном корпусе русского языка (основной корпус)

Diagram 1. Frequency of use of the discourse word “natural” on a time scale in The Russian National Corpus (main corpus)

этот расчет был проведен для того, чтобы реконструировать корпус текстов, с которыми встречается современный носитель языка, и чтобы избежать возможных ошибок в грамматической разметке корпуса, которая проводится автоматически. Цифровые данные также представлены в таблице 1.

Таблица 1. Частотность частеречной реализации слова *естественно* (основной корпус НКРЯ)

Table 1. Frequency of the part-of-speech realization of the word “naturally” (main corpus of The Russian National Corpus)

	Вводное слово	Наречие	Предикатив	Частица
Грамматическая разметка НКРЯ: основной корпус	14 340 (62%)	4711 (20%)	4079 (18%)	4 (0,01%)
Грамматическая разметка НКРЯ: газетный корпус	43 722 (86%)	2479 (5%)	4567 (9%)	0
Грамматическая разметка НКРЯ: русская классика	69 (10%)	403 (57%)	237 (33%)	0
Грамматическая разметка НКРЯ: социальные сети	10 511 (99%)	105 (1%)	0	0
Авторский анализ 1000 современных текстов	710 (71%)	221 (22%)	52 (5%)	18 (2%)

Заключение

Как показывают результаты этого исследования, в современных текстах возрастает частотность употребления модального (вводного) слова *естественно*, что демонстрирует расширение функционала единицы. В. В. Виноградов, говоря об изменениях в частях речи, прежде всего обращал внимание на образование категории состояния, куда переходят «отошедшие от категории прилагательных краткие формы» [Виноградов 1986: 44]. Однако, как показал наш анализ, переход в категорию состояния — это только промежуточная стадия деривации для лексемы *естественно*, которая сейчас чаще всего функционирует как вводное слово. В дальнейшем важно обсудить теоретические вопросы, связанные с выделением модальных (вводных) слов в отдельную категорию, так как их частотность в современном русском языке увеличивается.

Описанный процесс семантической деривации является следствием серьезной перестройки неканонической (нарративной) ситуации, которая приобретает более выраженные черты диалогичности и/или дискурсивизации. В философско-историческом аспекте проблему диалогичности обосновал М. М. Бахтин, а в последнее время под влиянием социокультурных факторов эти процессы ускорились.

Литература

- Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
- Белошапкова В. А. (отв. ред.). Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Добрушина Н. Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 135–140.
- Дымарский М. Deus ex textu, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 1–25.
- Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. Т. 1. А–Й. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 05.10.2025).
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 2004. 544 с.
- Киселева К., Пайр Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Азбуковник, 1998. 447 с.
- Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 65–89.
- Кузнецова С. М. Системно-синтаксическое описание отаждективных модусных транспозитивов на -о: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2017. 23 с.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.
- Кустова Г. И., Швелидзе Н. Б. Системные свойства апеллятивных вводных конструкций (по данным Национального корпуса русского языка) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2020. № 9. С. 27–35.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Издательство МГУ, 1972. 199 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.06.2024).
- Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Языки славянской культуры, 2019. 440 с.
- Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
- Прохватилова О. А. Внутренняя диалогичность современной медиаречи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 150–158.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. Электронная версия: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 05.10.2025).
- Чейф У. Данное, контрастивность, определённоопределённость, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
- Шмелева Т. В. Мысли В. В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучении этой семантической категории // Zbornik radova instituta za strane jezike i knjievnosti. Sveska 5. Нови Сад, 1983. С. 73–81.
- Foolen A. Pragmatic markers in a sociopragmatic perspective // Pragmatics of Society / Ed. by G. Andersen, K. Aijmer. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2012. P. 217–242.
- Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. № 2. P. 167–190.
- Givón T. Bio-linguistics: The Santa Barbara lectures. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. 383 p.
- Levinson S. Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature. Cambridge: MIT Press, 2000. 480 p.

References

- Apresyan Yu. D. (ed.). *Novyi obyasnitelnyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Moscow, 2003. 1488 p.
- Beloshapkova V. A. (ed.). *Sovremennyy russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989. 800 p.
- Chafe W. [Given, contrastiveness, definiteness, subject, topics and point of view]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XI. Moscow, Progress Publ., 1982, pp. 277–316. (In Russ.)
- Dobrushina N. R. [Research of means of expressing feedback in American linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2000, no. 1, pp. 135–140. (In Russ.)
- Dymarskii M. [Deus ex texto, or the secondary discursivity of the Nabokov model of narrative]. *V. V. Nabokov: pro et contra*: in 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute named after Fyodor Dostoevsky Publ., 2001, pp. 1–25. (In Russ.)
- Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. Available at: <https://www.efremova.info> (accessed 05.09.2025).
- Evgen'eva A. P. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. 4th ed., ster. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. 702 p.
- Foolen A. Pragmatic markers in a sociopragmatic perspective. *Pragmatics of Society*. Ed. by G. Andersen, K. Aijmer. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 2012, pp. 217–242. (In Eng.)
- Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, 1996, no. 1, pp. 167–190. (In Eng.)
- Givón T. *Bio-linguistics: The Santa Barbara lectures*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, 2002. 383 p.
- Kiseleva K., Pajr D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 447 p. (In Russ.)
- Kitajgorodskaya M. V. [Alien speech in a communicative aspect]. *Russkii yazyk v ego funkcionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning: the communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 65–89. (In Russ.)
- Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike: Sbornik statei* [Essays on linguistics: Collection of articles]. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1962. 456 p.
- Kustova G. I., Shvelidze N. B. [Systemic properties of appellative introductory constructions (according to the National Corpus of the Russian Language)]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2. Informatsionnyye protsessy i sistemy*, 2020, no. 9, pp. 27–35. (In Russ.)
- Kuznetsova S. M. *Sistemno-sintaksicheskoe opisaniye otad'yektivnykh modusnykh transpozitivov na -o*. Avtoref. diss. ... kand. filol.nauk [Systemic-syntactic description of adjectival modal transpositives in -o: philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2017. 23 p.

- Levinson S. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MIT Press, 2000. 480 p.
- Lomtev T. P. *Predlozheniye i yego grammaticheskiye kategorii* [Sentence and its grammatical categories]. Moscow, Publ. House of the Moscow State Univ., 1972. 199 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 12.06.2024).
- Paducheva E. V. [Egocentric valences and deconstruction of the speaker]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russ.)
- Paducheva E. V. *Egotsentricheskiye yedinit'sy yazyka* [Egocentric units of language]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2019. 440 p.
- Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku* [Works on General Linguistics and the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 568 p.
- Prokhvatilova O. A. [Internal dialogicality of modern media speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 150–158. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. [Vinogradov's thoughts on modality and further study of this semantic category]. *Zbornik radova instituta za strane yjezike i knjievnosti*. Sveska 5. Novi Sad, 1983. pp. 73–81. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: in 4 vols. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935–1940. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 05.09.2025).
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Russian language (Grammatical teaching about the word): Textbook for universities]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1986. 640 p.
- Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 544 p.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2004. 544 p.

Особенности отражения новой лексики в неологических словарях XXI в.¹

Людмила Евгеньевна Кругликова, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), lekhospb@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725060026

АННОТАЦИЯ: В центре нашего внимания будут неологические справочники, создаваемые в Институте лингвистических исследований РАН. В статье сопоставляются ежегодники, появившиеся в новом тысячелетии, с теми, которые вышли в XX в.

Анализ ежегодников с новациями XXI в. показал, что они отражают неологизмы лишь публицистического стиля. За пределами рассмотрения оказалась художественная литература. Несмотря на значительное увеличение числа источников для отбора материала, расширение временного периода анализа источников до всего календарного года, неологизмов в этих справочниках намного меньше, чем в ежегодниках XX столетия.

В результате отказа от продолжения работы над десятилетником нулевых годов нового тысячелетия прервалась традиция издания словарей, фиксирующих узусные новообразования в русском языке каждого десятилетия, начало которой было положено Н. З. Котеловой.

Неологические справочники, в частности десятилетники, изначально задумывались как дополнения к толковым словарям. В новом тысячелетии не появилось неографических изданий, которые могли бы служить подспорьем для составителей толковых словарей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неологизм, неология, неография, словари новых слов, русский язык

¹ Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

для цитирования: Кругликова Л. Е. Особенности отражения новой лексики в неологических словарях XXI в. // Русская речь. 2025. № 6. С. 25–40. DOI: 10.31857/S0131611725060026.

Issues of Modern Russian Language

New Vocabulary in the Neological Dictionaries of the 21th Century

Lyudmila E. Kruglikova, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), lekhospb@mail.ru

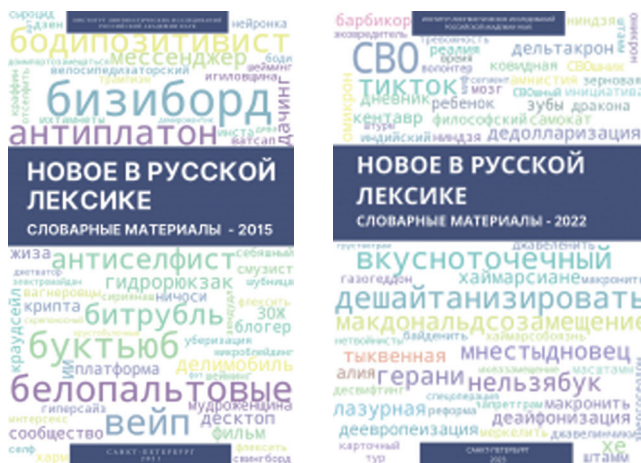
ABSTRACT: The paper focuses on the neological reference books created at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The article compares the yearbooks that appeared in the new millennium with those that came out in the 20th century.

An analysis of the yearbooks of the 21st century has shown that they reflect only the neologisms of a journalistic style. Fiction was outside the scope of consideration. Despite the significant increase in the number of research material sources and the extension of the time period for analyzing sources to the entire calendar year, there are far fewer neologisms in these reference books than in the yearbooks of the twentieth century.

As a result of the refusal to continue work on the decade-long dictionary of the 2000s of the new millennium, the tradition of publishing dictionaries recording the usual new formations in the Russian language of each decade, which was initiated by N. Z. Kotelova, was interrupted.

Neological reference books, in particular decade-long dictionary, were originally conceived as supplements to explanatory dictionaries. In the new millennium, there were no neographic publications that could serve as a help for compilers of explanatory dictionaries.

KEYWORDS: neologism, neology, neography, dictionaries of new words, Russian language

Как отмечают в своей статье «Фактор новизны как стимул развития лексикографии», опубликованной в 2016 г., В. А. Козырев и В. Д. Черняк, «безусловным флагманом отечественной неологии явилась серия словарей новых слов и значений, реализующая уже на протяжении полувека концепцию Н. З. Котеловой» [Козырев, Черняк 2016: 87]. Именно эти словари, созданные сотрудниками Института лингвистических исследований РАН, будут в центре нашего внимания.

Как известно, Н. З. Котеловой были предложены 3 типа неологических словарей, отражающих новую лексику за определенный период: ежегодники (за 1 год), десятилетники (за десять лет) и тридцатилетники (за 30 лет). Все они получили реализацию в XX в. В XXI в. два последних типа лексикографических справочников еще не созданы. Поэтому приходится ограничиваться рассмотрением неологических ежегодников, продолжающих выходить под рубрикой «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (далее — НРЛ). Таковых 8. Они отражают лексические новшества 2015–2022 гг.

Неологические словари задумывались как издания, дополняющие толковые словари, прежде всего «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах [Чернышев 1948], в создании которого принимали участие Н. З. Котелова (до 1965 г.) и Ю. С. Сорокин (до 1961 г.), под редакцией которых вышел первый неологический словарь: «Новые слова и значения 60-х гг.» [Котелова, Сорокин 1971]. В предваряющем его разделе «От издательства» читаем: «Словарь-справочник “Новые слова и значения” (по материалам прессы и литературы 60-х годов) представляет собой опыт издания, дополняющего толковые словари русского языка словами, значениями слов и выражениями, появившимися или ставшими активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50–60-е годы XX в. или несколько ранее» [Котелова, Сорокин 1971: 3]. В предисловии к этому словарю, написанном Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокиным, отмечается: «К сожалению, сектор не имел возможности использовать электронно-вычислительные машины для сплошного обследования текстов за большой период времени (например, за 10 лет). Последовательно и исчерпывающе была обследована по специально разработанной программе пресса и литература за 1965, 1966 и 1967 гг.» [Котелова, Сорокин 1971: 6]. Этот словарь вышел в 1971 г.

Работа над следующим десятилетником происходила не так быстро. Н. З. Котелова поясняет в предисловии к НРЛ-1977: «Большой и разнобразный материал, при этом материал новый, требует значительного времени для его обработки; широкий круг привлекаемых при подготовке словарей новых слов источников периодической печати (насчитывающий около пятидесяти названий) обуславливает необходимость учета нормативного аспекта. В результате интервал между выходом первого и второго словарей новых слов приближается к десяти годам» [Котелова (ред.) 1980: 3–4]. По этой причине было принято решение о создании словарей-ежегодников под рубрикой «Новое в русской лексике», по поводу которых Н. З. Котелова пишет следующее: «Особенностью этого издания является то, что в нем ставится задача представить новый лексический материал, извлеченный из сравнительно небольшого списка источников по ограниченному синхронному срезу, **с возможной объективностью и максимальной полнотой** (выделено нами. — Л. К.), делается попытка показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии» [Котелова (ред.) 1980: 4].

Ежегодники включают в себя и то, что обычно не попадает в толковые словари: слова разового употребления (окказиональные и индивидуально-авторские образования), а также производные от собственных имен, аббревиатуры, числительные, сложные слова с дефисным написанием

и некоторые другие [Котелова (ред.) 1980: 4–5]. Именно по такому принципу создавались ежегодники в XX в. (их вышло 18). Они отражают неологизмы, которые пополняли русский язык ежегодно, начиная с 1977 г. по 1994 г.

В ежегодниках, в отличие от десятилетников, источников, из которых брался материал, меньше. Так, в отношении первого ежегодника (НРЛ-1977) читаем: «Список источников насчитывает 10 наименований: Правда, Известия, Комсомольская правда, Литературная газета, Неделя, Огонёк, Крокодил, Юность, Новый мир, Октябрь. Принимался во внимание общий, не специализированный характер этих изданий, относительно одинаковое их отношение к разным областям общественной жизни, науки, техники, спорта, искусства и др. Журнал “Крокодил”, так же как и сатирические страницы “Литературной газеты”, “Недели” и др., привлекался в качестве письменного источника, отражающего новинки устной речи, а также некоторых видов неологизмов разового употребления в речи (каламбурных, экспрессивных и других новообразований» [Котелова (ред.) 1980: 6]. Такое же количество источников находим и в большинстве следующих выпусков ежегодников XX в. Выбранные источники, несмотря на их малое количество, отражали разные пласты лексики современного русского языка, что позволяло показать по возможности в полном объеме картину развития языка, а не только те изменения, которые происходили в публицистическом стиле литературного языка.

В таблице 1, с одной стороны, частично показаны принципы отбора материала для ежегодников (количество источников, временной интервал отбора материала из источников), с другой — количество неологизмов в них.

Таблица 1. Принципы отбора материала для ежегодников и количество слов в них

Table 1. Principles of selection of material for yearbooks and the number of words in them

Год, описываемый в ежегоднике	Количество источников	Временной интервал отбора материала из источников	Количество языковых единиц
1977	10	3 месяца	2 400
1978	10	4 месяца	3 000
1979	10	4 месяца	3 750
1980	10	4 месяца	3 700
1981	10	4 месяца	4 100
1982	10	4 месяца	6 841
1983	32	Выборочное обследование в течение всего 1983 г. ²	611

Окончание табл. 1

Год, описываемый в ежегоднике	Количество источников	Временной интервал отбора материала из источников	Количество языковых единиц
1984	10	4 месяца	4 200
1985	10	4 месяца	4 500
1986	10	4 месяца	4 600
1987	10	4 месяца	3 179
1988	40	12 месяцев	4 650
1989	10	Не указан	3 300
1990	19	3 месяца сплошь и 2 месяца выборочно	6 100
1991	76 названий газет, журналов, отдельных книг или сборников	«не покрывают все месяцы 1991 г.»	4 928
1992	42	Не указан	2 410
1993	59	Не указан	Около 3 000
1994	68 газет и журналов, а также все представленные в неологической картотеке книги года	4 месяца	2 975
XXI век			
2015	Электронная неологическая база данных (ЭНБД)	12 месяцев	476
2016	ЭНБД	12 месяцев	450
2017	ЭНБД	12 месяцев	372
2018	ЭНБД	12 месяцев	387
2019	ЭНБД	12 месяцев	360
2020	ЭНБД	12 месяцев	3 558
2021	ЭНБД	12 месяцев	1 848
2022	ЭНБД	12 месяцев	867

² Жирным шрифтом выделен количественный рекорд и антирекорд в ежегодниках XX в.

Количество новообразований в каждом из ежегодников XX в. как минимум приближается к 3 000. Исключение составляет лишь 1983 г. — 611 единиц. Но к ним надо добавить «отобранные по такой же, свободной, программе дополнения к выпускам “Новое в русской лексике. Словарные материалы-80, -81, -82”, подготовленные в свое время по обычной программе», как отмечается в предисловии этого ежегодника [Котелова (ред.) 1987: 3]. Мы насчитали 157 единиц за 1980 г., 189 — за 1981, 169 — за 1982. Таким образом, всего в НРЛ-83 содержится 1 126 единиц.

Как видим, простое увеличение количества источников и временного интервала отбора материала привело не к увеличению, а к уменьшению отраженных в ежегоднике неологизмов. Что это — случайность или закономерность? Не приводит ли увеличение количества источников к менее тщательному, выборочному их обследованию, результатом чего является сокращение числа найденных новообразований?

Вот только один факт. Проведенный нами анализ новых наименований поколений в современном русском литературном языке показал, что в период с 2015 по 2022 г. появилось 12 языковых единиц [Кругликова 2023; Кругликова 2024]. Что же касается их отражения в словарях, то в НРЛ-18 наличествует лексема *зумер*, обозначающая представителя поколения Z, а в НРЛ-2019 образованное от нее презрительное наименование *зумерок*. И это все.

Заметим, что имеется и положительный опыт работы с увеличенным числом источников. Так, созданный привычными методами десятилетник НСЗ-90 был доработан с привлечением интернет-ресурсов, в том числе базы «Интегрум». Использование компьютерных технологий привело к значительному увеличению его объема. В таблице 2 приводится количество единиц в четырех вышедших десятилетниках.

Таблица 2. Количество неологизмов в вышедших десятилетниках
Table 2. Number of neologisms in published decade-long dictionaries

НСЗ-60	НСЗ-70	НСЗ-80	НСЗ-90
Около 3 500 слов и значений	Около 5 500 снабженных толкованиями слов, значений слов, сочетаний и выражений	Более 6 000 лексических единиц	16 600 словарных статей

Получается, что в среднем ежегодно в 90-е гг. русский язык пополнялся 1 383 узуальными единицами.

Сравним с ежегодниками, изданными в XXI в. (НРЛ-2015–НРЛ-2022). В них содержится 8 318 единиц за 8 лет, т. е. в год примерно 1 040 единиц,

что несколько меньше. Это при том, что значительную их часть составляют слова однократного употребления.

Т. Н. Буцева пишет: «Инновационный пласт русского языка 80-х гг. XX в. был описан с помощью двух типов лексикографических изданий, сделанных по разным временным срезам и имеющих разную степень охвата различных лексических явлений. Это НСЗ 80-х и 10 выпусков “Новое в русской лексике. Словарные материалы” (НРЛ-80–НРЛ-90). Впечатляет результат сопоставления количественных данных материалов десятилетника и относящихся к этому десятилетию ежегодников: если в НСЗ 80-х описывается более 6 тыс. лексических единиц, то ежегодники, фиксирующие на синхронном срезе новообразования данного десятилетия, содержат около 53 тыс. единиц описания!» [Буцева 2006: 101]. Как видно, в ежегодниках единиц больше чуть ли не в 8 раз, что вполне естественно.

Если бы составлялся десятилетник с использованием изданных в XXI в. ежегодников, то какого бы он был объема при среднем количестве 1 040 новообразований за год? Предположительно 10 400 неологизмов за 10 лет. С учетом того, что в десятилетник не включаются единицы однократного употребления, в нем было бы около 1300 единиц — ср. с вышеприведенной таблицей, где отражается число единиц в изданных десятилетниках, над которыми, за исключением последнего, работали без использования интернет-ресурсов.

Интересно сопоставить данные о количестве единиц в НРЛ-2015–НРЛ-2022 и в не вышедших в свет по экстралингвистическим причинам, но подготовленных ежегодниках, отражающих новую лексику первых лет XXI в. Т. Н. Буцева отмечает, что «выпуски за 2001, 2002 и 2003 гг. содержат около 8 тыс. лексических инноваций русского языка» [Буцева 2006: 120–121]. Восемь тысяч единиц за 3 года — это почти столько же, сколько новых образований за 8 лет в 8 выпусках ежегодников XXI в.: 8 318.

Неизданные ежегодники первых трех лет XXI в. дают примерно 2 666 единиц в год. Эта цифра уже сопоставима с числом единиц в ежегодниках XX в. Незначительное сокращение объяснимо: интернет-ресурсы позволяли отместить те единицы, которые хотя и не были зафиксированы ранее, но появились не в первые годы XXI в. Если бы был создан десятилетник нулевых годов³, то гипотетически он содержал бы примерно 3 333 узуальные единицы⁴. Но стали издаваться ежегодники, отражающие

³ Работа над ним была начата под руководством Т. Н. Буцевой, см. [Буцева 2016].

⁴ Учитывая, что неизданные ежегодники первых трех лет XXI в. дают примерно 2 666 единиц в год, за 10 лет имеем 26 660 единиц. Исходя из того, что соотношение единиц в десятилетниках и ежегодниках 1 к 8, получаем 3 332,5 единицы.

новации 2015 г. и последующих лет. Они создавались авральным способом. Зачем была нужна такая спешка, которую подтверждают сами авторы этих справочников («ввиду оперативного характера издания авторы были вынуждены ввести некоторые ограничения при описании материала» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 10])?

В настоящее время лексические новшества первых пятнадцати лет нового тысячелетия в описании группы новых слов ИЛИ РАН так и не стали достоянием общественности. При этом изданные в XXI в. ежегодники (НРЛ-2015–НРЛ-2022) дают несколько искаженную картину происходящего в русском языке.

Н. З. Котелова обосновывала расширение представленного в ежегодниках материала по сравнению с толковыми словарями тем, что оно «подчинено задаче объективного и полного отражения всего разнообразия языковых явлений, характеризующих лексику в ее движении» [Котелова (ред.) 1980: 5]. М. Н. Приемышева в разделе о неографии в недавно вышедшей коллективной монографии, посвященной современному этапу развития научных школ Института лингвистических исследований РАН, пишет прямо противоположное: «Фиксация речевой неологии не является единственной и главной целью выпусков (большое количество новаций различных сфер употребления по объективным причинам может находиться за пределами возможностей поиска лексикографов): ежегодники должны, в первую очередь, отразить наиболее значимые и важные тенденции словообразовательных изменений, языковой, стилистической, тематической языковой динамики, происходящих в русской речи под влиянием как общественной, социальной, экономической, культурной жизни, так и под влиянием различных социолингвистических процессов в русском национальном языке в целом» [Приемышева 2024: 69]. На наш взгляд, ежегодники не могут отразить наиболее значимые и важные тенденции. Они только фиксируют лексические новации. Тенденции обнаруживаются на значительно большем материале и отрезке времени. Как говорят сами авторы ежегодников, «традиционно словарь-ежегодник только регистрирует новое слово (сочетание) или значение, обнаруженное в российских массмедиа и ранее не зафиксированное в словарях и фундаментальных текстовых базах данных, и подтверждает такую регистрацию одной (зачастую — единственной) цитатой из источника» [Приемышева (отв. ред.) 2021: 10]. Лишь тогда, когда эти единицы будут зафиксированы неоднократно, можно будет сделать соответствующие выводы о развитии языка.

Не случайно в тех выпусках, где во вступительной части имеется раздел «Характеристика материалов выпуска» (НРЛ-2018, НРЛ-2020, НРЛ-2021,

НРЛ-2022), составители, говоря о тенденциях, лишь отмечают, благодаря каким событиям, произошедшим в тот или иной год в общественно-политической жизни, появились те или иные образования. Например, в НРЛ-2018 читаем: «Словник выпуска отразил основные события, которые произошли в России и в мире в 2018 г. и во многом определили динамические процессы в лексике и семантике». Далее перечисляются эти события и приводятся примеры соответствующих новообразований [Козловская (отв. ред.) 2020: 11].

В каждом ежегоднике XXI в. содержится указание на следование традициям неологических изданий XX в. При этом в НРЛ-2015 отмечается, чем новые справочники отличаются от ежегодников XX в.: 1) первая письменная фиксация неологизма уточняется по определенному алгоритму, что позволяет включать в ежегодник только те новообразования, которые относятся к данному году; 2) обследуются источники за весь календарный год; 3) исследуются только русскоязычные СМИ, исключаются русскоязычные зарубежные издания; 4) если раньше корпус «Интегрум» использовался лишь частично, то для новых ежегодников он является основным источником материала; 5) более четко структурирована словарная статья, введены две новые зоны; 6) названия источников даются без сокращений, а в том виде, как они представлены в «Интегруме»; 7) имеются некоторые различия, отраженные в разделе «Как пользоваться словарем» [Левина (отв. ред.) 2020: 4]. Это же повторяется в НРЛ-2017, НРЛ-2019.

Как видим, здесь нет и намек на изменение подхода к тому, что понимается под лексическими новшествами. Но в НРЛ-2022 вдруг изменяется объект описания. При незначительном числе единиц в ежегодниках XXI столетия несколько странно читать в предисловии к НРЛ-2022 следующее: «Ввиду невозможности охвата безграничного медийного пространства и полной выборки речевой неологии приоритетной целью авторов словаря является фиксация собственно неологизмов — слов, обозначающих новые реалии, а также тех речевых новаций, зафиксированных в СМИ и интернете, которые отражают наиболее очевидные динамические тенденции периода в области лексики, семантики и словообразования» [Павлова, Приемышева, Ридецкая (ред.) 2023: 3]. Если руководствоваться этим высказыванием, то несколько искажается само понятие неологизма, принятое за исходное при работе над неологическими словарями. Н. З. Котелова в статье «Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов» указывала на ограниченность определения неологизма как языковой единицы, обозначающей новые реалии, отмечала значительное место в языке новообразований, явившихся результатом внутриязыковых процессов [Котелова 1978: 12–13]. В качестве

примеров были приведены следующие единицы: *ежедекадно, безадресный, исповедальность, инфарктник, автодорога, автопроисшествие, гидроресурсы, асоциальный, оборачиваемость, общеукрепляющий, интеллектуалка, околонаучный, деревенщик, оптимизировать, инвалюта, ориентационный, банк (знач.), галопировать (знач.), вирус (знач.), бегунок (знач.), телега (знач.), обжигалка, пионерный, точка отсчета (перен.), метод проб и ошибок (перен.)* [Котелова 1978: 7].

Надо заметить, что неполнота фиксации материала оговаривается и во вступительной части других ежегодников XXI в., см., например, [Приемышева (отв. ред.) 2021: 14].

Ограничения, введенные в ежегодниках XXI в., затронули и отбор источников. С одной стороны, количество источников увеличилось, а с другой — они стали отражать только то, что происходит в публицистическом стиле. Основным источником материала стал корпус текстов «Интегрум». Т. Н. Буцева справедливо замечает, что «расширение электронной базы за счет литературных источников (в информационно-поисковой системе сетевого информационного агентства “Интегрум” она сравнительно невелика) могло бы много дать для уточнения данных неографии» [Буцева 2006: 120]. Важность обращения к художественной литературе подчеркивает и А. А. Бурыкин, который пишет: «Анализ материала показывает, что источником новых слов является не только газетно-журнальная периодика. В ряде случаев газетные фиксации НСЗ-60 опережаются текстами молодых популярных писателей 1960-х гг., которые, возможно, создают прецедент словоупотребления для журналистов» [Бурыкин 2016: 15]. Не случайно десятилетники имеют подзаголовок «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы...».

В изданных в XXI в. ежегодниках мы не нашли цитат из произведений художественной литературы. В результате не только утрачена преемственность, но и неполно отражается нынешнее состояние языка.

Иногда непонятен использованный в предисловии к ежегодникам XXI в. принцип описания состава словника. Если в ежегодниках XX в. на первом месте всегда стояли образования на базе собственных ресурсов русского языка (что естественно, т. к. их большинство), то, например, в НРЛ-2021 на этом месте оказываются заимствования [Козловская, Павлова (отв. ред.) 2022: 10]. Это при том, что, вопреки кажущемуся засилью, заимствования составляют лишь небольшой процент среди новых слов. Так, в словаре-справочнике «Новые слова и значения 60-х гг.», по свидетельству Н. З. Котеловой, их 7,5% [Котелова 1978: 19]. Мы подсчитали число заимствований в последнем неографическом издании — НРЛ-2022. Их оказалось 7,3%.

Е. В. Маринова в рецензии на НСЗ-90 пишет: «Однако, как показывают материалы Словаря, основной источник неологизмов всё-таки не заимствование, а создание новых слов за счёт внутренних ресурсов литературного языка. Большой пласт неологической лексики — словообразовательные неологизмы. Именно этот пласт демонстрирует активизацию словообразовательного механизма русского языка, а также наиболее востребованные в современной речи способы словопроизводства» [Маринова 2015: 253].

Подведем итоги. Почти четверть века нового тысячелетия не получила достойного лексикографического описания неологизмов. Временные границы сбора материала для ежегодников увеличены до года, количество источников возросло в разы. Но в результате имеем резкое сокращение числа лексических новшеств, отражаемых в ежегодниках. Несмотря на большую работу, проделанную составителями, ежегодники XXI в. неполно отражают нынешнее состояние русского языка, давая представление фактически только о том, что происходит в одном из его стилей — публицистическом.

Неологические справочники изначально задумывались как дополнения к толковым словарям, но те, которые появились в новом тысячелетии, не могут выполнять данную функцию и служить подспорьем для составителей толковых словарей.

Сокращения

НРЛ-... — Новое в русской лексике. Словарные материалы-... (далее указывается отражаемый в справочнике год).

НСЗ-... — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы... (далее указывается отражаемое в справочнике десятилетие).

Литература

- Бурыкин А. А. Лексический материал словарей «Новые слова и значения» в контексте новых лексикографических источников // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 13–15.
- Буцева Т. Н. Инновационная лексическая служба русского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 3. С. 99–123.

- Буцева Т. Н. Иллюстрирование в словарях новых слов // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) / Ред. Т. Б. Радбиль. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 273–281.
- Буцева Т. Н., Левашов Е. А. (ред.). Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Кожевников А. Ю. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2017. СПб.: Б. и., 2019. 138 с.
- Козловская Н. В. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2018. СПб.: Б. и., 2020. 104 с.
- Козловская Н. В., Павлова А. С. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2021. СПб.: Б. и., 2022. 318 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Фактор новизны как стимул развития лексикографии // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сб. ст. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 86–91.
- Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н. З. Котелова. Л.: Наука, 1978. С. 5–26.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. М.: Русский язык, 1980. 176 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-83. М.: Русский язык, 1987. 190 с.
- Котелова Н. З., Сорокин Ю. С. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 543 с.
- Кругликова Л. Е. Новые наименования поколений в современном русском литературном языке // Неология. Неография. 2022: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 98–111.
- Кругликова Л. Е. Как называют поколения нынешних детей и их родителей // Неология. Неография. 2023: Сб. ст. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 191–204.
- Левашов Е. А. (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 903 с.
- Левина С. Д. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2016. СПб.: Б. и., 2018. 122 с.
- Левина С. Д. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2015. СПб.: Б. и., 2020. 106 с.
- Маринова Е. В. [Рец.] Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, Т. II, III // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2. С. 251–256.

- Павлова А. С., Приемышева М. Н., Ридецкая Ю. С. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2022. СПб., Б. и., 2023. 254 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020. СПб.: Б. и., 2021. 486 с.
- Приемышева М. Н. Историческая лексикография новейшего времени – неогрфия // Научные школы Института лингвистических исследований РАН. Коллективная монография, посвященная 300-летию Российской академии наук / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., Б. и., 2024. С. 64–76.
- Ридецкая Ю. С. (отв. ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-2019. СПб.: Б. и., 2021. 110 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.) Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

References

- Burykin A. A. [Lexical material of the dictionaries “New words and meanings” in the context of new lexicographic sources]. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. (K 50-letiyu nauchnogo napravleniya)* [Neology and neography: current status and prospects. (On the 50th anniversary of the scientific direction)]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2016, pp. 13–15. (In Russ.)
- Butseva T. N. [Innovative Lexical Service of the Russian Language]. *Acta linguistica Petropolitana*. St. Petersburg, Nauka Publ, 2006, vol. 2, part 3, pp. 99–123. (In Russ.)
- Butseva T. N. [Illustrating new words in dictionaries]. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznaniya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina)* [The scientific legacy of V. N. Golovin in light of current problems of modern linguistics (on the 100th anniversary of V. N. Golovin's birth)]. N. Novgorod, DEKOM Publ., 2016, pp. 273–281. (In Russ.)
- Butseva T. N., Levashov E. A. (eds.). *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: V 3 t.* [New words and meanings: a dictionary of press materials and literature of the 90s of the 20th century: In 3 vol.] St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009–2014.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1–17* [Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 1–17]. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948–1965.
- Kozhevnikov A. Yu. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2017* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2017]. St. Petersburg, 2019. 138 p.
- Kozlovskaya N. V. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2018* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2018]. St. Petersburg, 2020. 104 p.
- Kozlovskaya N. V., Pavlova A. S. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2021* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2021]. St. Petersburg, 2022. 318 p.

- Kozyrev V. A., Chernyak V. D. [The factor of novelty as a stimulus for the development of lexicography]. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. (K 50-letiyu nauchnogo napravleniya)* [Neology and neography: current status and prospects. (On the 50th anniversary of the scientific direction)]. St. Petersburg, Nestor-History Publishing House, 2016, pp. 86–91. (In Russ.)
- Kotelova N. Z. [The first attempt at lexicographic description of Russian neologisms]. *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 5–26. (In Russ.)
- Kotelova N. Z. *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-77* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-77]. Moscow, Russian Language Publ., 1980. 176 p.
- Kotelova N. Z. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov* [New words and meanings. Dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 70s]. Moscow, Russian Language Publ., 1984. 808 p.
- Kotelova N. Z. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-83* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-83]. Moscow, Moscow, Russian Language Publ., 1987. 190 p.
- Kotelova N. Z., Sorokin Yu. S. (eds.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov* [New words and meanings. Dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 60s]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1971. 543 p.
- Kruglikova L. E. [New names of generations in modern Russian literary language]. *Neologiya. Neografiya. 2022: Sbornik nauchnykh statei* [Neology. Neography. 2022: Collection of scientific articles]. Ed. N. V. Kozlovskaya. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 2023, pp. 98–111. (In Russ.)
- Kruglikova L. E. [What are the names of the generations of today's children and their parents?]. *Neologiya. Neografiya. 2023: Sbornik nauchnykh statei* [Neology. Neography. 2023: Collection of scientific articles]. St. Petersburg, 2024, pp. 191–204. (In Russ.)
- Levashov E. A. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov* [New words and meanings. Dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 80s]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 903 p.
- Levina S. D. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2016* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2016]. St. Petersburg, 2018. 122 p.
- Levina S. D. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2015* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2015]. St. Petersburg, 2020. 106 p.
- Marinova E. V. [Review: New words and meanings: dictionary-reference book based on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: In 3 vol. Eds. T. N. Butseva, E. A. Levashov; Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., vol. II, III]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, no. 2, pp. 251–256. (In Russ.)
- Pavlova A. S., Priemysheva M. N., Ridetskaya Yu. S. (eds.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2022* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2022]. St. Petersburg, 2023. 254 p.

- Priemysheva M. N. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2020* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2020]. St. Petersburg, 2021. 486 p.
- Priemysheva M. N. [Historical lexicography of modern times — neography]. *Nauchnye shkoly Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 300-letiyu Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific Schools of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. Collective monograph dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, 2024, pp. 64–76. (In Russ.)
- Ridetskaya Yu. S. (ch. ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-2019* [New in Russian vocabulary. Dictionary Materials-2019]. St. Petersburg, 2021. 110 p.

Труд в русской языковой картине мира

Елена Олеговна Кузьминых¹, Надежда Борисовна Бугакова²,
Светлана Анатольевна Скуридина³, Воронежский государственный технический
университет (Россия, Воронеж), eleshka-82@yandex.ru¹, ya_witch@mail.ru², saskuridina@yandex.ru³

DOI: 10.31857/S0131611725060032

АННОТАЦИЯ: Лексема *труд* выражает одно из базовых нравственных и ценностных понятий любой культуры, являясь важной составляющей языкового сознания нации, транслируемого в пословицах и поговорках. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что *труд* в картине мира русского народа — это необходимость, представляющая собой значимую часть жизни. Он не является внутренней потребностью человека, а обусловлен внешними причинами. Основная характеристика *труда* — тяжесть, при этом степень удовольствия от получения благ прямо пропорциональна вложенным усилиям. Тяжелый труд часто также воспринимается как благо, поскольку способствует искуплению первородного греха и тем самым приближает человека к Богу. В этом значении он противопоставлен лени, имеющей дьявольскую природу. Признаком ленивого человека является пристрастие к праздным разговорам, бесцельному лежанию и созерцанию чужого труда. Последнее приносит удовлетворение. Оценка количества трудовых усилий амбивалентна: осуждается как лень, так и излишнее рвение. Баланс труда и отдыха регулируется природными ритмами и церковными праздниками. Отношение к труду определяет моральные качества человека, степень его честности. Награда за труд, как правило, несправедлива, однако результат приносит радость. В пословицах о труде отсутствует идея личного обогащения и накопления для следующего поколения. Труд необходим тогда, когда есть потребность в удовлетворении личных нужд. Умственный труд ценится выше

физического и является прерогативой старшего поколения. Граница между женским и мужским трудом естественна, последний считается более качественным. В русских пословицах понятие *труд* коррелирует с такими категориями, как уважение, достаток, богатство и бедность, лень, праздность, безделье, мастерство, честность и т.д. К отрицательным характеристикам относятся: несправедливость организации и вознаграждения, непомерная тяжесть, большой объем, рутинность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская языковая картина мира, труд, лень, пословицы, поговорки

для цитирования: Кузьминых Е. О., Бугакова Н. Б., Скуридина С. А. Труд в русской языковой картине мира // Русская речь. 2025. № 6. С. 41–53. DOI: 10.31857/S0131611725060032.

Issues of Modern Russian Language

Labor in the National Picture of the World of the Russian

Elena O. Kuz'minykh¹, Nadezhda B. Bugakova², Svetlana A. Skuridina³,
Voronezh State Technical University (Russia, Voronezh), ya_witch@mail.ru¹, saskuridina@yandex.ru²,
eleshka-82@yandex.ru³

ABSTRACT: The lexeme *trud* ('labor') expresses one of the basic moral and value concepts of any culture and is an important component of the linguistic consciousness of the nation, is reflected in which are proverbs and sayings. Based on the conducted research, it is concluded that work in the worldview of the Russian people is a necessity, which is an important part of life. It is not an internal human need, but is caused by external causes. The main characteristic of labor is severity, while the degree of pleasure from receiving benefits is directly proportional to the effort invested. Hard work is often perceived as a blessing, as it helps to atone for original sin and thereby brings a person closer to God. In this sense, it is contrasted with laziness, which has a devilish nature. A sign of a lazy person is a predilection for idle conversations, aimless loitering and contemplating the work of others.

The latter is satisfying. Assessing the amount of labor effort is ambivalent: both laziness and excessive zeal are condemned. The balance of work and leisure is regulated by natural rhythms and church holidays. The attitude to work determines the moral qualities of a person, the degree of his honesty. The reward for work is usually unfair, but the result brings joy. The proverbs about work lack the idea of personal enrichment and accumulation for the next generation. Work is necessary when there is a need to satisfy personal needs. Mental work is valued above physical work and is the prerogative of the older generation. The boundary between women's and men's work is natural, the latter is considered to be of higher quality. In Russian proverbs, the concept of labor correlates with such categories as respect, prosperity, wealth and poverty, laziness, idleness, skill, honesty, etc. Negative characteristics include: the unfairness of the organization and remuneration, excessive severity, large volume, routine.

KEYWORDS: Russian language worldview, labor, laziness, proverbs, sayings

FOR CITATION: Kuz'minykh E. O., Bugakova N. B., Skuridina S. A. Labor in the National Picture of the World of the Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 41–53. DOI: 10.31857/S0131611725060032.

Труд является одним из основных видов человеческой деятельности. В настоящее время его исследованием занимаются представители ряда наук — социологи, экономисты, политологи и т. д. Несмотря на то что данное явление анализируется с позиции различных дисциплин, его изучение остается актуальным, так как процесс труда и отношение к нему постоянно меняются под влиянием событий, происходящих в обществе.

Выделим основные значения лексемы «труд», фиксируемые лексикографическими изданиями. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, вышедшем в 1863 г., значения данной лексемы выявляются через ряд синонимов: *дело, занятие, упражнение, работа*. Труд сопоставляется с деятельностью, которая может *утомлять, требует усилий, старанья и заботы, напряжения телесных и умственных сил*. Помимо этого лексема «труд» может означать *последствие работы, старанья, напряжения; сделанную вещь; боль или болезнь* [Даль 2011]. Словарь Д. Н. Ушакова не фиксирует последнее из указанных значений, однако отражает значение *результат труда; произведение* и характеризует труд как *целенаправленную деятельность* [Ушаков 2008]. В толковом словаре С. И. Ожегова

и Н. Ю. Шведовой отмечается исчезновение представления о *труде* как о трудности, важным становится не процесс, а результат трудовой деятельности, а также зафиксировано значение *привитие навыков и умений*, отразившее изменения, произошедшие в жизни общества: введение в 1952 г. в школьное преподавание уроков труда [Ожегов, Шведова 1994]. В словарях С. А. Кузнецова и Т. Ф. Ефремовой происходит смещение акцента с процесса обучения на вид школьной деятельности, появляется значение «учебный предмет» [Кузнецов 2008; Ефремова 2000]. В «Малом академическом словаре» лексема *труд* включена в следующий синонимический ряд: *целенаправленная деятельность, работа, повседневные занятия, хлопоты, заботы, энергия, результат действия, усилие* [Евгеньева 1983].

Существенный интерес представляет рассмотрение лексемы *труд* в словаре Д. В. Дмитриева, при создании которого применялись современные компьютерные технологии, позволившие проанализировать 200 000 словоупотреблений и выявить актуальные контексты использования лексем. Помимо указанных ранее, в данном словаре выделено следующее значение лексемы *труд*: «*профессиональное занятие, обычно тяжелое и однообразное*», а также указан ряд словоупотреблений, имеющих устойчивое значение: «*отнимать много труда*», «*жить своим трудом*», «*стоять больших трудов*», «*брать на себя труд*» и т. д. [Дмитриев 2003].

Таким образом, большинство значений рассматриваемой лексемы включают сопоставление труда с целенаправленной результативной деятельностью, осуществляемой с использованием орудий труда и требующей приложения усилий для создания материальных или духовных ценностей. Синонимами лексемы *труд* в указанных словарях выступают *деятельность, результат деятельности, дело, работа, упражнение, занятие, произведение, усилие, энергия, хлопоты, заботы*.

Люди участвуют в трудовой деятельности на протяжении всей своей жизни, поэтому концепт *труд* выражает одно из базовых нравственных и ценностных понятий любой культуры и является важной составляющей русского языкового сознания. Поскольку «*паремии есть культурный код, встроенный в язык, который выполняет роль сокровищницы и орудия передачи человеческого опыта*» [Панченко 1998: 26] и «*в них хранится отражение глубинных мифологем и архетипов человеческого сознания, которые могут проявляться как в древних фольклорных образованиях, так и в современных штампах массового сознания*» [Басова 2004: 8], рассмотрим, каким образом в пословицах, содержащих лексему *труд* и ее дериваты, реализуются представления о «*труде*», входящие в картину мира русского народа.

Так как в «Пословицах русского народа» В. И. Даля в качестве одного из наиболее частотных синонимов к слову *труд* выступает *работа*, нами

проанализированы пословицы и поговорки, в которых упоминаются обе лексемы.

А. В. Алексеев отмечает, что «лексема “труд” в древнерусском языке имела от 13 до 24 значений» [Алексеев 2019: 165]. Подтверждение этому находим в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», в которых выделяются следующие значения указанной лексемы: *‘труд (тяжелая) работа; усилие’, ‘то, что сделано или добыто трудом, плоды труда; изделие’, ‘поступок, дело’, ‘подвиг’, ‘усталость, утомление’, ‘страдание, мучение’, ‘трудность, затруднение; тяготы’, ‘забота, беспокойство’, ‘работа, требующая напряжения физических и умственных сил’, ‘деяние, поступок; подвиг’* [Кривко 2015; Крысько 2023]. Эти значения формируют представление об образе «труда», отголоски которого сохранились и в современной культуре: «труд обязательно был связан со значительным физическим и психическим достижением, доходящим до страдания» [Алексеев 2019: 165], что отмечено в этимологическом словаре М. Фасмера, приводящего в качестве общеславянских синонимов лексемы *труд* следующие: «работа, рвение, забота, страдание, скорбь» [Фасмер 2007: 108], что свидетельствует об отношении славян к «труду» как к чему-то тяжелому, дающему решение проблем при большом объеме вложенных сил и вызывающему душевный дискомфорт.

Указанные значения нашли выражение в русских пословицах, представленных в словаре В. И. Даля. В значительной части пословиц *труд* оценивается как необходимая и часто вынужденная деятельность, которая организует и наполняет большую часть жизни человека: *Время времени не работает (т. е. каждому дню свой труд); Без дела жить — только небо коптить*¹. Русский человек осознает, что, пока он жив, вынужден работать, потому что дела невозможно закончить: *А когда досуг-то будет? — А когда нас не будет; Была бы охота, а впереди еще много работы.*

Зачастую *труд* в русской языковой картине мира — это не внутренняя потребность человека, он обусловлен внешними причинами и обстоятельствами. Поскольку *труд* на Руси был связан с землей, его необходимость в пословицах мотивирована тем, что добыть пропитание для себя можно только, если человек тяжело работает: *Горька работа, да хлеб сладок; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи!; Пролениться — и хлеба лишиться.* Интересно отметить, что о *работе*, которая позволяет не только иметь пищу, но и наслаждаться ее употреблением, в пословицах говорится как о физической, сложной. Ее маркером является пот, выступающий от усилий: *Работай до поту, так поешь в охоту; Ешь хлеб в поте лица!; По работе еда вкусней; Ешь досыта, а делай до поту. Кряхтя*

¹ Здесь и далее тексты пословиц цитируются по изданию [Даль 2023].

работай, ешь — отдувайся. Подобное представление о *труде* отсылает к библейскому сюжету изгнания из рая, согласно которому тяжелый труд — это неотъемлемая часть земной жизни и поэтому упомянутое качество воспринимается как его естественная характеристика: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19).

В русской культуре существовало представление о том, что человек, который много и быстро ест, как правило, хорошо трудится, поэтому на Руси перед тем, как принять на работу, крестьянина кормили: *Мельница сильна (работает) водой, а человек едой; Не кормя, далеко не уедешь; По еде работа.* Важно отметить, что желание употребить в пищу большее количество еды, чем ты заработал, осуждалось и вызывало насмешку, поскольку данная потребность воспринималась как признак эмоциональной незрелости, детскости: *Работает, как ребенок, а ест, как детина; Робить — ребята, а есть — жеребята.* При этом в ряде пословиц транслируется мысль о том, что, если бы была возможность иметь пищу и получать другие блага, не трудясь, человек бы этим правом с удовольствием пользовался: *Есть потешно, а работать доучно; Ел бы да пил — вот мое дело; Пилось бы да елось, да работа на ум не шла.*

В качестве другой причины, которая заставляет человека работать, следует назвать необходимость зарабатывать деньги. Стоит отметить, что *труд* как способ получения денежных средств упоминается в пословицах значительно реже, чем возможность иметь еду в обмен на него. Вероятно, это связано с тем, что в крестьянской среде в большей степени был развит товарообмен, чем торгово-денежные отношения. Средства, заработанные собственным трудом, имели особую ценность: *Трудовая денежка всегда крепка; Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит; Трудовая (праведная) денежка до веку живет (кормит, служит); Служба трудна, да мошна не скудна.* Тяжесть труда нивелируется надеждой на то, что результат окупит усилия: *Работа черна, да денежка бела; Горька работа, да хлеб сладок.*

В русских пословицах синонимом к эпитету *трудовая* выступает *праведная*. Согласно словарю А. П. Евгеньевой, значение слова «праведный» связано с представлением о соблюдении моральных правил и с идеей справедливости [Евгеньева 1987: 352]. Таким образом, в пословицах транслируется мысль о том, что честный способ получить деньги — это заработать их своим трудом. Несправедливость заключается в том, что трудозатраты, как правило, не окупаются. И если у человека появляется излишек (богатство), подчеркивается, что оно нажито нечестным путем: *Труда много, а добычи мало; От трудов праведных не нажить палат каменных; От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь; От работы не будешь богат, а будешь горбат.* В ряде пословиц транслируется мысль

о социальной несправедливости и в распределении материальных благ: тот, у кого выше социальное положение, трудится меньше, а живет лучше: *Живем не тужим, бар не хуже: они — на охоту, мы — на работу, они — спать, а мы — работать опять, они выспятся да за чай, а мы ценом качай*. Несмотря на то что награда за труды не всегда адекватна усилиям, получаемый результат — источник радости и удовлетворения. Он способен компенсировать тяжесть труда: *Сеют — плачут, молотят — скачут; Пашешь — плачешь, жнешь — скачешь*.

Интересно, что в рассмотренных пословицах не содержатся идеи труда ради будущего, накопления денег для того, чтобы обеспечить не себя, а детей. Поскольку работа нужна для того, чтобы иметь пропитание и достаточное количество денежных средств в настоящем, при соблюдении этих условий потребность в работе отпадает: *Сыт да богат, не хочу работать, а дети будут — сами добудут*.

Важно отметить, что в некоторых пословицах оценка *труда* и *работы* не совпадает. *Работа* чаще всего рассматривается как подневольная деятельность, от которой хочется избавиться. На это указывает и этимология слова: «др.-русс. робота “работа, рабство, неволя”» [Фасмер 2007: 108]. При этом работа на себя оценивается как желанная и нетяжелая: *На себя работать не стыдно (не скучно); Своя ноша не тянет; На себя работа — не барщина*.

В пословицах и поговорках лексема *труд* чаще всего употребляется в значении необходимая деятельность, которая способна преобразить человека, воспитать в нем моральные качества (стойкость, выдержку, терпение в преодолении трудностей, умение ценить то, что честно заработано): *Терпение и труд все перетрут; Труд кормит, а лень портит; Легко добыто, легко и прожито; Даровой рубль дешев, наживной дорог*. Человек, который умеет и любит трудиться, вызывает уважение: *Работай боле — тебя и помнят будут доле. Будешь в работе — будешь в почете*. Во многом подобное отношение к труду имеет религиозные основания, согласно которым труд угоден Богу: *Бог труды любит; Божья тварь богу и работает*.

Характерно, что *труд* в пословицах и поговорках стоит в одном ряду с *молитвой*: *Работай — сыт будешь; молись — спасешься; терпи — взмилуются; На ниве потей, в клети молись, с голоду не помрешь*. Здесь реализуется значение лексемы *труд*, о котором говорит В. Алексеев: «древнерусское слово троудь выражало также значения “благочестие”, “подвижничество”, “грех (борьба с грехом)”, “духовный подвиг”» [Алексеев 2019: 165]. Страдания и тяготы в качестве составляющих *труда* были выражением «мировосприятия православного аскетизма» [Алексеев 2019: 166] и воспринимались как путь к Богу через преодоление греховности и тяжелый труд на земле: *Из светлого рая да на трудную землю*. Отметим, что,

несмотря на веру в божественную помощь в работе, в пословицах подчеркивается, что личную ответственность за труд и его результаты несет человек: *Боже, поможи, а ты на боку не лежи!; Богу молись, а сам трудись!; Богу молись, крепишь да за соху держись!*

В православии считается, что Бог создал человека как деятельное существо, поскольку наказывал Адаму и Еве «возделывать» и «хранить» сад, тяжелый же труд на земле после изгнания из рая должен был помочь искупить грех. И в этом смысле *труд* имеет двойственную природу, заключающую в себе благословение и наказание: *Дело учит и мучит, и кормит. Труд, работе* противопоставлена *лень*, которая имеет дьявольский характер: *Послал бог работу, да отнял черт охоту; Лень прежде нас родилась. Лень старше нас. Лень* негативно влияет на духовность человека и лишает его материального достатка: *Труд кормит, а лень портит, У ленивого что на дворе, то и на столе; Где работано, там и густо, а в ленивом доме пусто.*

Отметим, что *лень* в пословицах связана со стремлением человека бесцельно лежать (на печи или кровати). При этом лежание и сон имеют разное значение: крепкий сон — это следствие трудного дня, он необходим, чтобы восполнить недостаток сил, и занимает только ночное время суток, а лежание длительно бесцельно, не зависит от времени суток и маркирует стремление ничего не делать: *Кто рано встает, тому бог подает; Спать так спать, а не спать, так вставать; Лежит на боку да глядит за реку; Лежа не работают.*

В русских пословицах и поговорках *труд* связан с молчанием и противопоставлен праздным разговорам, которые воспринимаются как свойство ленивого человека: *Шила и мыла, гладила и катала, пряла и ложила (а все языком); С разговоров сыт не будешь; Сладка беседа, да голодна.* Оценка качества работы человека, его способность к труду соотносятся с работой определенных частей тела: у ленивого человека работает язык и живот, у трудолюбивого — руки: *Ест руками, а работает брюхом; Работа с зубами, а лень с языком.*

Поскольку *труд* человека — ежедневная, размеренная, рутинная деятельность (*День к вечеру, а работа к завтраму*), силы, которые вкладываются в нее, стоит рассчитывать, соблюдать баланс: *Ни на какое дело не называйся и ни от какого дела не отказывайся!*

Отметим, что оценка количества усилий, которые нужно вкладывать в работу, амбивалентна. В русской культуре осуждается не только лень, но и излишнее рвение человека, который работает, поскольку это не приводит к большему вознаграждению, а для самого человека может иметь негативные последствия (желание других воспользоваться его трудолюбием, болезнь и даже смерть): *За свой труд попал в хомут; Ретивая лошадка не долго живет; Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое* и т. д. При

этом, если человек берется за дело, он должен полностью отдаться его выполнению и только тогда получит результат: *Он работает только по конец пальцев; Вполплеча работа тяжела: оба подставишь — легче справишь.*

Режим труда и отдыха на Руси не был бесконтрольным, он регулировался церковным календарем и народными приметами: *На Ильин день в поле не работают; На Фрола и Лавра на лошадях не работать, а то падеж будет; Суббота не работа: помой да помажь, да спать ляжь.* Если лень во время работы осуждается, то чередование трудовых будней и праздников (от слова праздный — «без дела, без работы») приветствуется, считается важным, поскольку помогает легче переносить ежедневные тяготы труда: *Без погулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда перед тобой; Работа не черт — в воду не уйдет.* Однако если праздник сопряжен с пьянством, то он способен уничтожить результаты работы: *Работа денежку копит, хмель денежку топит.* Человек хотел бы отдыхать постоянно, однако время на отдых в обществе строго регламентировано и ограничено, а предпочтение праздников будням осуждается: *Делу — время, потехе — час; И дурак праздники знает, да будней не помнит.* Важным для русского мировоззрения является понятие меры во всем, поэтому стремление отдыхать больше, чем работать, осуждается: *Гуляй, да не загуливайся. Кудри завивай, да про дела не забывай.* Отдых невозможен сам по себе, его условием является хорошо сделанная работа, веселье вторично по отношению к работе: *Сделал дело — гуляй смело; Сначала пахать, а потом уж отдыхать.*

Важно отметить, что в большом количестве русских пословиц и поговорок говорится о том, что ценность имеет не работа как процесс (его можно имитировать), а ее результат. Следовательно, для русского человека *труд* тогда уважаем, когда он качественный, человек обладает мастерством, умеет: *Всякая работа мастера хвалит. Всякое дело за себя постоит; Не работа дорогá, умение; Работа да руки — надежные в людях поруки.* В анализируемых пословицах и поговорках лексемы *работа* и *забота* (беспокойство) имеют противоположные значения, последняя человеком переживается тяжелее, чем *труд*, и часто приводит к болезни, поскольку связана с ухудшением эмоционального состояния человека, вызванного проблемой отсутствия работы, за выполнение которой следует вознаграждение: *Не работа сушит, а забота; Не то забота как много работы, а то забота, как ее нет; Одна забота: не стала б работа.*

В исследуемых пословицах и поговорках находим противопоставление умственного труда физическому. Интересно отметить, что, согласно народным представлениям, первый является прерогативой старшего поколения, он продуктивнее и тяжелее, чем второй: *Руки работают, а голова кормит; Легче руками работать, чем головой; Молодой работает, старый*

ум дает. Помимо того, что *труд* делится на умственный и физический, он бывает свой и чужой, мужской и женский. Пословиц, в которых в основе представлений о *труде* лежит гендерный признак, немного, поскольку мужская и женская работа в русской народной культуре имела естественную границу, например *Весна — бабья работа (белка холстов); Не топор кормит мужика, а июльская работа*.

В основном в таких пословицах говорится о том, какую работу выполняют мужчины и женщины, фиксируется, что, когда женщина выходит замуж, ее беззаботная жизнь заканчивается (*Здравствуй, в красном: наживай голубой за мужниной головой (красный, праздничный, а вышла замуж, думай, как работать станешь)*), и мужчина, стремящийся облегчить женский труд, осуждается: *Не муж в мужьях, кем жена владеет; не работа в работах под женками воз возити*. Мужская работа оценивается как более качественная: *Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом* и др.

В пословицах говорится о тяжести труда, работы для другого человека, о том, что работа на себя приносит значительно больше удовлетворения, при этом в русских пословицах существует еще и такое важное понятие, как *чужой труд*. Это труд, в котором человек не принимает участия и смотрит на него со стороны. Возможность смотреть на труд вызывает чувство глубокого удовлетворения (*С берегу хорошо глядеть на гребцов; Любо глядеть на молотильщиков (только бы самого не заставили)*). Однако *труд* в русской культуре — это совместная деятельность (например, *Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось*), ее избегание в пословицах является характеристикой ленивого человека: *Белые ручки чужие труды любят; На чужую работу глядя, сыт не будешь*.

Как отмечает Т. В. Гоннова, «работать следует честно (напр., “Честный труд — наше богатство”), прилежно, добросовестно (напр., “Ешь — не стыдись, а работай — не ленись”), много (напр., “Пока колос в поле, трудись подоле”), как можно меньше разговаривать и рассуждать, в том числе и во время работы (напр., “Больше делай, а меньше говори”, “Где много слов, там мало дела”, “В рабочее время — язык на засов”), быстро, без промедления (напр., “Долго рассуждай, да скоро делай”, “Дело не сокол, но улететь может”)» [Гоннова 2003: 147].

В пословицах зафиксированы представления не только о характеристиках работы, но и о требованиях к процессу ее выполнения, главными из которых являются разумный подход к организации и последовательность: *Бери в работе умом, а не горбом; Не берись лапти плести, не надравши лыка*.

В заключение отметим, что *труд* входит в систему таких понятий, как *уважение, достаток, богатство и бедность, лень, праздность, безделье, мастерство, честность, прилежание, наказание, польза и здоровье*. Труд

воспринимается как весомая, значимая часть жизни и оказывает положительное влияние на человека, воспитывает в нем моральные качества, его результат приносит удовлетворение, достаток в дом и пользу обществу. Труд заложен в природе человека, поэтому воспринимается как данность и необходимость (в этом значении он противопоставлен лени). Труд созидателен, поскольку направлен не на личное обогащение, а на преобразование человека и окружающей действительности. К отрицательным характеристикам труда следует отнести несправедливость организации и вознаграждения, непомерную тяжесть, большой объем, рутинность, вред для здоровья. Поскольку труд присутствует в жизни человека постоянно и воспринимается как данность, существует ряд требований к трудовой деятельности: к ней нужно ответственно относиться, соблюдать меру в работе и отдыхе, не лениться, но и не выполнять слишком рьяно, труд следует предпочитать отдыху. Работать нужно долго, начинать работу максимально рано и не спешить закончить, поскольку это влияет на качество ее выполнения. В работе важен не процесс, а результат: чем больше мастерства и умения вложено в работу, тем выше она оценивается и тем больше уважения вызывает.

Источники

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. РПЦ. Полное издание. М.: Эксмо, 2024. 499 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Аргументы недели, 2023. 544 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. 6-е изд., стереотип. Т. 4. М.: Дрофа; Русский язык Медиа, 2011. 2716 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. Т. 4. М.: Астрель: АСТ, 2007. 108 с.

Литература

Алексеев А. В. Культурная значимость слова *труд* в XX веке: рефлексy древнерусского концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 164–170.

Басова Л. В. Концепт *труд* в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2004. 20 с.

Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2003. 210 с.

Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2003. 1097 с.

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. 3-е изд., стер. Т. 3. М.: Русский язык, 1983. 352 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М.: Русский язык, 2000. 315 с.
- Кривко Р. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М.: Азбуковник, 2015. 320 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 13. М.: Нестор-История, 2023. 728 с.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп.. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
- Панченко Н. Н. Национально-специфическая интерпретация понятий «обман» / «ложь» в паремиологическом аспекте // Языковая личность: вербальное поведение: сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: РИО, 1998. С. 26–30.
- Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008. 959 с.

References

- Alekseev A. V. [Cultural significance of the word labor in the 20th Century: reflexes of the Ancient Russian concept]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2019, no. 2, pp. 164–170. (In Russ.)
- Basova L. V. *Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok)*: avtoref. diss.... kand. filolog. nauk [The concept of LABOR in the Russian language (based on proverbs and sayings): cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tyumen St. Univ., Tyumen, 2004. 20 p.
- Gonnova T. V. *Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok)*: avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk [Sociocultural characteristics of the concept of “labor” in the Russian linguistic consciousness: cand. philol. sci. diss.]. Volgograd St. Socio-Pedagogical Univ., Volgograd, 2003. 210 p.
- Dmitriev D. V. *Tolkovyiy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2003. 1097 p.
- Evgen’eva A. P. (ed.). *Slovar’ russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. 3rd ed., ster. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 352 p.
- Efremova T. F. *Novyi slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel’nyi* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational.]. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. 315 p.
- Krivko R. N. (ch. ed.). *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Iss. 30. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 320 p.

- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries)]. Vol. 13. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2023. 728 p.
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St.-Petersburg, Norint Publ.; Moscow, Ripol Klassik Publ., 2008. 1534 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. 2nd ed. Moscow, AZb Publ., 1994. 928 p.
- Panchenko N. N. [National-specific interpretation of the concepts of “deception” / “lie” in the paremiological aspect]. *Yazykovaya lichnost': verbal'noe povedenie: sb. nauch. tr.* [Linguistic personality: verbal behavior: collection of sci. papers]. Volgograd: RIO Publ., 1998, pp. 26–30. (In Russ.)
- Ushakov D. N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya* [Great Explanatory dictionary of the Russian language: modern edition]. Moscow, Dom Slavyanskoi Knigi Publ., 2008. 959 p.

Это мне откликается: новое управление?

Екатерина Михайловна Мельникова, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Россия, Ярославль), em09@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725060049

аннотация: В статье рассматривается новая конструкция с глаголом *откликаться*, управляющим дательным падежом, получающая в современной речи широкое распространение. Данная конструкция представлена главным образом в разговорной речи и пока не фиксируется нормативными словарями.

Показано, что новое управление иллюстрирует понятие синтаксической омонимии. Дательный падеж в новом словосочетании выражает семантическую роль экспериенцера — субъекта восприятия, в отличие от традиционной конструкции с дательным адресата. Описано усложнение семантической структуры такого словосочетания: субъект состояния, выражаемый дательным падежом, соединяет в себе семантику «носителя состояния» и «объекта» этого состояния (того, на кого оно направлено). В связи с этим расширяются сочетаемостные возможности глагола *откликаться*: роль подлежащего в высказываниях с такой конструкцией могут выполнять абстрактные существительные, обозначающие то, что подлежит восприятию. Отмечается, что изменение семантической роли дательного падежа при глаголе *откликаться* приводит к изменению характера управления: из слабоуправляемой формы дательный падеж становится сильноуправляемой падежной формой, используемой для выражения значения субъекта восприятия. Указывается, что ориентация на субъективное начало в подобных сочетаниях поддерживается способностью глагола *откликаться* управлять предложным падежом с предлогом *в* и родительным падежом с предлогом *у*, косвенным образом обозначающим субъекта восприятия через обращение к его внутреннему миру.

Автор предполагает, что появление новой конструкции обусловлено действием механизма аналогии: значение глагола *откликаться* формируется под влиянием значения и синтаксического «поведения» глагола *нравиться*. Можно говорить о развитии у глагола *откликаться* (как и у синонимичного ему *отзываться*) нового значения, включающего семы «ответное действие», «эмоциональный отклик», отсутствующие в значении глагола *нравиться*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: активные процессы в синтаксисе, разговорные конструкции, глагольное управление, семантическая роль субъекта, экспириенцер

для цитирования: Мельникова Е. М. *Это мне откликается*: новое управление? // Русская речь. 2025. № 6. С. 54–66. DOI: 10.31857/S0131611725060049.

Issues of Modern Russian Language

Eto Mne Otklikayetsya: New Verb Control?

Ekaterina M. Melnikova, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Russia, Yaroslavl), em09@mail.ru

ABSTRACT: The article examines a new construction with the verb *otklikat'sya*, governing the dative case, which is becoming widespread in modern speech. This construction is presented mainly in colloquial speech and is not yet recorded in standard dictionaries.

It is shown that the new control illustrates the concept of syntactic homonymy. The dative case in the new phrase expresses the semantic role of the experiencer — the subject of perception, in contrast to the traditional construction with the dative of the addressee. The complication of the semantic structure of such a phrase is described: the subject of the state, expressed in the dative case, combines the semantics of the “carrier of the state” and the “object” of this state (the one to whom it is directed). In this regard, the combinability possibilities of the verb *otklikat'sya* are expanding: the role of the subject in statements with such a construction can be played by

abstract nouns, denoting what is to be perceived. It is noted that a change in the semantic role of the dative case with the verb *otklikat'sya* leads to a change in the nature of control: from a weakly controlled form, the dative case becomes a strongly controlled case form, used to express the meaning of the subject of perception. It is indicated that the orientation towards the subjective principle in such combinations is supported by the ability of the verb *otklikat'sya* to control the prepositional case with the preposition *v* and the genitive case with the preposition *u*, which indirectly designates the subject of perception through an appeal to his inner world.

The author suggests that the emergence of a new construction is due to the action of the analogy mechanism: the meaning of the verb *otklikat'sya* is formed under the influence of the meaning and syntactic “behavior” of the verb *nraivit'sya*. Thus, we can trace the development of a new meaning for the verb *otklikat'sya* (as well as for its synonym *otzyvat'sya*), including the semes “response action”, “emotional response”, which are absent in the meaning of the verb *nraivit'sya*.

KEYWORDS: active processes in syntax, conversational constructions, verbal control, semantic role of the subject, experiencer

FOR CITATION: Melnikova E. M. *Eto Mne Otklikayetsya: New Verb Control?* Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 54–66. DOI: 10.31857/S0131611725060049.

Синтаксис, как высший уровень системы языка, не может не отражать тех процессов, которые происходят на других его уровнях. Обусловленность синтаксических конструкций морфологическими и лексическими свойствами языковых единиц проявляется уже в словосочетании. «При изучении словосочетаний бросается в глаза тот факт, — отмечал академик В. В. Виноградов, — что способность слова сочетаться с другими словами и формы проявления этой способности зависят не только от принадлежности слова к той или другой части речи, но и от его лексического значения» [Виноградов (гл. ред.) 1954: 17]. Лексические единицы наполняют содержанием основные синтаксические конструкции — словосочетание и предложение, тем самым вызывают изменения в их построении.

«Изменения в системе словосочетаний происходят значительно быстрее, чем в системе предложения», — отмечает Н. Ю. Шведова, объясняя это большей (по сравнению с предложением) конкретностью их значений

и подвижностью: «во-первых, изменения в них могут быть непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове; во-вторых, их развитие стимулируется процессами взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой системы словосочетаний» [Шведова 1966: 5]. Изменения, происходившие в системе словосочетаний в XIX в., касались процесса «освобождения от многофункциональности» и сокращения «дублетности форм»: глагольно-именные сочетания, в частности, становятся однозначными за счет «распределения значений и закрепления значений и их оттенков за определенными формами словосочетаний» [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 17].

Среди активных процессов, происходящих в словосочетании в XX–XXI вв., наблюдаются следующие тенденции: «образование компактных, сокращенных по количеству словоформ словосочетаний» и «ослабление синтаксических связей» [Акимова 1990: 15]. Первая тенденция проявляется в «упрощении многочленных словосочетаний» [Акимова 1990: 15], приводящих к образованию новых «двучленных словосочетаний в результате переразложения связей внутри построений более сложной структуры» (*сварить варенье на меду — варенье на меду, разделить обед на двоих — обед на двоих, увидеть Москву ночью — Москва ночью, производить плитку по новой технологии — плитка по новой технологии, приобретать товары в рассрочку — товары в рассрочку и т. п.*) [Шведова 1966: 23–32].

Вторая тенденция находит отражение в активизации «несогласуемых и неуправляемых словоформ» [Валгина 2003: 215] и «ослаблении падежных функций» [Гловинская 1996: 239] в целом — в экспансии именительного падежа (*на расстоянии пять километров вместо на расстоянии пяти километров; помещение числится как жилое вместо помещение числится жилым*) ([Валгина 2003], [Гловинская 1996], [Акимова 1990]), замене косвенного падежа инфинитивом (*откликнулись на соревнование — откликнулись посоревноваться*) [Гловинская 1996: 265], замене беспредложного управления предложным (*откладывать отъезд — откладывать с отъездом, пункт проката — пункт по прокату*) ([Валгина 2003: 220–222], [Гловинская 1996]). Ср. также замечание В. В. Виноградова: «В современном русском языке наметились новые тенденции в употреблении некоторых предлогов, в расширении их функций и, следовательно, в активизации отдельных форм словосочетаний (*состязание по хоккею, инспектор по труду, широкий по охвату материала...*); развивается процесс перераспределения функций предлогов, связанных с изменениями в системе словосочетаний; круг значений отдельных предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяются и углубляются ...» [Виноградов (гл. ред.) 1954: 35].

Не менее активно в области словосочетания действие закона аналогии. «На развитие системы словосочетаний сильное влияние оказывали

и продолжают оказывать факторы аналогических воздействий, которые обусловлены смысловым сближением слов и — как следствие такого сближения — уподоблением их синтаксических свойств», — отмечает Н. Ю. Шведова [Шведова 1966: 54]. Подобные процессы вызывают появление контаминированных конструкций типа *предполагать о чем* (аналогично с *думать о чем*), *поделиться о чем* (аналогично с *рассказать о чем*), *извиниться в чем* (аналогично с *признаться в чем*) и под. [Шведова 1966: 56–58]. Не соответствующие грамматическим нормам литературного языка, такие конструкции тем не менее активно проникают из разговорной речи в речь книжную (в язык СМИ, художественную речь) — тем самым они могут влиять на литературную норму. Изменения в синтаксисе, по мнению Л. П. Крысина, «касаются главным образом взаимодействия различных функционально-стилистических сфер использования языковых средств: конструкции, свойственные устно-разговорной речи, нередко проникают в книжные стили языка; профессионально и социально ограниченные синтаксические особенности построения высказывания могут осваиваться более широким кругом говорящих; синтаксические клише, принятые в кодифицированной разновидности литературного языка, нередко попадают в повседневную речевую практику и т. д.» [Крысин 2010: 200].

Активное распространение в современной речи получает разговорная конструкция «откликаться + дат. пад.». Приведем примеры:

- (1) *На наших собраниях очень интересно, потому что Мария Павловна генерирует и высказывает множество интересных идей, которые **нам откликаются**...* (реплика из чата в соцсети «ВКонтакте»)¹;
- (2) ***Кому откликается**, пишите в личные сообщения. Работаю онлайн, офлайн в Ярославле...* (из поста в соцсети «ВКонтакте»);
- (3) *Недавно я узнала для себя новое слово — эйджизм... Прочитала в книге девушки — предпринимателя примерно моего возраста, как сталкивается с этой проблемой она, и **мне** очень **откликнулась** эта тема* (из поста в соцсети «ВКонтакте»);
- (4) *Какая фантастическая, потрясающая женщина!! Как приятно читать её и как же (лично **мне**) **откликаются** её слова!* (из комментариев на медиaplatforme «Мел»);
- (5) *Впрочем, нашлись и зрители, которые пожалели, что посетили концерт: «**Мне не откликнулся** концерт»* (Лещенкова Е. «Хлопайте!»: солист группы «Танцы Минус» отказался спеть с ярославским поклонником // Интернет-издание «76.ru». 23.02.24).

¹ Орфография и пунктуация источников в примерах сохранены.

Подобные конструкции мы встречаем и в речи интеллигенции:

- (6) **Мне** вот это предложение **откликается** (реплика преподавателя в чате),

и в речи радиоведущих:

- (7) **Мне** очень **откликнулись** ваши слова («Радио России». 09.10.24),

и в интернет-публицистике:

- (8) ... если компания частная, а основатель вовлечён в бизнес, компания будет отражением личности. В таком случае **вам** либо **откликается** стиль и вы «свой в доску», либо лучше там не работать (Батанова Н. Wildberries как работодатель или почему я не рекомендую там работать // Интернет-издание «Дзен». 23.03.2023),
- (9) Он ... поделился мнением, ... ценность человека не определяется трудом, а от культуры, где работа становится всей жизнью, можно и нужно отказываться. **Многим откликнулись** мысли молодого человека... (Магай Ю. «Тихое увольнение» и «тихое процветание»: 2 стратегии для тех, кто не любит свою работу // Интернет-издание «Лайфхакер». 20.06.23).

Каковы механизмы образования данной конструкции?

Многозначный глагол *откликаться* в русском языке в разных своих значениях предполагает разное управление. В прямом значении — «отвечать на зов, на обращенные слова и т. п.; отзываться» [Герд (ред.) 2010: 472]² — он может употребляться без зависимых слов:

- (10) Ренат долго **не откликался**, наконец ответил тяжелым похмельным голосом (Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен. 2015).

Самым частотным является управление глагола *откликаться* винительным падежом с предлогом *на*. В БАС-2 эта конструкция подается за знаком «ромб» в качестве устойчивого словосочетания. Основной корпус НКРЯ выдает 679 вхождений для *откликаться* и 915 для *откликнуться* с таким управлением:

- (11) Ринат Иосифович в обыкновенной своей манере долго **не откликался** на стук... (Сальников А. Б. Отдел // Волга, 2015).

² В статье используются следующие сокращения: БАС-2 — Большой академический словарь русского языка [Герд (ред.) 2010]; БТС — Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов (ред.) 2000].

Управление винительным падежом с предложением *на* фиксируется как устойчивое и для переносного значения глагола *откликаться* — «проявлять свое отношение к чему-либо» [Герд (ред.) 2010: 472–473]:

- (12) *Писатель должен уметь откликаться на события и отображать в художественной форме призывы вождей, решения съездов, грохот литавр, барабанную дробь и слаженный шаг по брусчатке марширующих колонн* (Хруцкий А. Окаянные дни Ивана Алексеевича // Звезда, 2001).

Устойчивый характер носит и конструкция с творительным падежом (интересно, что в БТС это управление обозначено как единственное при прямом значении) [Кузнецов (ред.) 2000: 747]. Частотность употребления данной конструкции в НКРЯ тоже велика: 90 вхождений для *откликаться*, 166 — для *откликнуться*:

- (13) ...Он на любое сообщение о прочитанном или увиденном стал постоянно **откликаться** одной **фразой**: «Да, но ведь это не имеет мирового значения» (Недошивин В. М. Прогулки по Серебряному веку. СПб., 2012).

Такое сочетание также отмечено в качестве устойчивого в БАС-2: «*откликаться* (каким-л.) словом, голосом и т. п.» [Герд (ред.) 2010: 472].

Управление глагола *откликаться* дательным падежом зафиксировано в БАС-2 в составе устойчивой конструкции «голоса (голос) *откликаются* (кому-л. на что-л.)»: «Евсеев принялся громко кричать: “Пора домой!”.. Некоторые голоса ему откликались (С. Акс.)» [Герд (ред.) 2010: 472]. НКРЯ фиксирует конструкции с дательным падежом: для *откликаться* 50 вхождений, для *откликнуться* — 78 (начиная с текстов XIX в.) — не только в составе конструкции со словом *голос*:

- (14) *Одинок брожу я по печальным окрестностям, зову моего Рафаила, и больно, что он не откликается мне* (Герцен А. И. Записки одного молодого человека. 1840);
- (15) *Лидия же стояла неподвижно, и даже его жидкая борода не откликлась ветру* (Григоренко А. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013).

Как видно из приведенных примеров, дательный падеж выражает семантическую роль адресата. Сохраняется ли эта роль у дательного падежа в современных конструкциях типа *Это мне откликается*? Думается, что в данном случае мы имеем дело с явлением синтаксической омонимии: дательный падеж в рассматриваемом новом употреблении имеет

иное значение. Его можно описать семантической ролью экспериенцера — «субъекта ситуации восприятия, эмоционального или ментального состояния, модальной ситуации» [Кустова 2011]. Меняется и статус синтаксемы: из свободной она становится обусловленной, то есть такой, которая способна «функционировать как один из компонентов предложений определенной модели» [Золотова 2004: 50] — в данном случае в предложениях с предикативом, обозначающим эмоциональное состояние. Своеобразная «универсальность» дательного падежа в русском языке заключается в том, что он может выполнять разные роли — не только объекта-адресата, но и субъекта — субъекта состояния.

В традиционных конструкциях с дательным адресата в роли подлежащего, как правило, выступает наименование чего-либо одушевленного, пусть и в метафорическом значении (вплоть до *бороды* из примера (15)) — потому что действие *откликаться* предполагает диалог живых существ. В новых конструкциях с дательным экспериенцера круг подлежащего расширяется до абстрактных понятий: *откликаться кому-то* может идея, тема, мнение, событие — то, что подлежит восприятию.

Появление такой новой конструкции обусловлено действием механизмов аналогии: «...несомненное влияние здесь оказывают процессы семантических сближений и переосмыслений, закрепляемых в общем употреблении» [Шведова 1966: 17]. Глагол *откликаться* употребляется в подобных конструкциях так же, как глагол *нравиться*. «Русская грамматика — 1980» (РГ) описывает значение дательного падежа при глаголе *нравиться* следующим образом: «Дат. пад., по форме объектный, имеет сложное значение: он одновременно означает носителя состояния (...ему — *нравится что-л.* 'он одобряет, ценит, хвалит что-л.') и того, на кого это состояние обращено (...*что-л. нравится — ему*)» [Шведова (гл. ред.) 1980: 26]. Отмечая регулярность распространения формой с субъектным значением предложений, сообщающих о состоянии лица, авторы РГ указывают на «конденсацию» их семантической структуры: «Она преобразуется в такое значение, которое соотносится с субъектным распространителем уже как некая целостная смысловая единица. Так, ...предложение *Зрителям нравится фильм* членится на субъект (*зрителям*), его признак (состояние как восприятие и оценка: *нравится*) и объект — то, на что направлено это восприятие и оценка и, одновременно, то, чем это состояние вызвано (*фильм*)» [Шведова (гл. ред.) 1980: 128]. Если на место глагола *нравиться* поставить глагол *откликаться* — получим конструкцию с такой же семантикой:

- (16) *Одному покупателю откликается сдержанный реализм, другому — что-то милое и наивное, третьему — авангардное и так далее (пост в соцсети).*

Можно предположить, что на изменение семантической роли дательного падежа при глаголе *откликаться* определенным образом повлияла и способность данного глагола управлять предложным падежом с предлогом *в* при обозначении места действия, где местом действия становится внутренний мир субъекта. Это касается высказываний, отражающих внутреннее состояние — впечатление от того или иного события. Приведем примеры из произведений разных лет:

- (17) *Теперь все чаще между названиями городов я слышу слово, которое **откликается во мне** самым кровным, самым раздирающим* (Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Часть 2. 1975–1977);
- (18) *Чья-то песня, чьи-то слезы / **Откликаются во мне...*** (Морозов Ю. Занимательное стихосложение Н. Н. Шульговского // Наука и жизнь, 2006);
- (19) *Каждое слово службы живым пламенем **откликалось в нём**, и хотелось молиться ещё, дальше, подставляя душу поближе к этому очистительному божественному огню* (Кучерская М. Тетя Мотя // Знамя, 2012);
- (20) *Эти слова Немиловой **откликнулись во мне** в полную силу — я будто бы снова стояла перед той мемориальной доской или у памятника неизвестному писателю на осеннем Переделкинском кладбище* (Матвеева А. Ibid // Армастан, 2023);
- (21) *«Последний сценарий, который мне прислали, — чтобы я играла женщину, которую абьюзит мужчина. Но это **во мне не откликается...**» — сказала 22-летняя Загитова в эфире «Радио Маяк»* (Масюк И. Загитова заявила, что не будет сниматься в кино голой и с постельными сценами. А ей предлагали // Интернет-издание «kp.ru». 23.08.24).

Субъектное значение при глаголе *откликаться* может выражаться и формой родительного падежа с предлогом *у*, что тоже косвенным образом — в русле тенденции усиления субъективного начала в высказывании — способствует распространению конструкции с дательным экспиенцера в речи:

- (22) *Лагутка знал, что Кирилла ругает купца, не позволившего им свезти сено, и это ругательство сочувственно **откликнулось у него в сердце*** (Бостром А. Л. Лагутка. 1889).

Ср. высказывание радиоведущего:

- (23) ***У кого-то откликаются воронежские песни, у кого-то откликаются тамбовские...*** («Радио Россия — Ярославль». 08.01.24).

Изменение семантической роли дательного падежа при глаголе *откликаться* приводит к изменению характера управления: из слабоуправляемой формы дательный падеж становится в подобных высказываниях сильноуправляемой падежной формой, используемой для выражения значения субъекта состояния/восприятия. Интересно, что глагол *откликаться* развивает в современной речи и своеобразное «абсолютивное употребление». Нам встретился случай использования его в новой конструкции без дательного падежа:

- (24) *Выбирая произведения для занятий по РКИ, мы придерживаемся принципа: хорошо обсуждается то, что **откликается*** (из отчета студента).

Изменение структуры словосочетания с глаголом *откликаться* сопряжено с изменениями в семантической структуре данного глагола. Возникновение нового значения, синонимичного одному из значений глагола *нравиться* — «производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе» [Кузнецов (ред.) 2000: 658–659], — безусловно, поддерживается переносным значением глагола *откликаться* — «проявлять свое отношение к чему-либо» и фиксируемым оттенком этого значения — «проявлять сочувствие, одобрение, готовность содействовать чему-л.» [Герд (ред.) 2010: 472–473]. Наиболее ярко эмоциональная составляющая данного действия отражена в переносном значении отглагольного существительного *отклик*: «2.0. Душевная, эмоциональная реакция сочувствия, понимания, принятия и т. п. как ответ на что-л.» [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016: 718–719]. Почему же глагол *откликаться* вытесняет глагол *нравиться*? Вероятно, потому, что в его семантике есть обращенность к «собеседнику», кем или чем бы он ни был (это значение «ответного действия» формируется циркумфиксом *от-* — *-ся*), более выражена эмоциональная составляющая оценочной реакции на событие. Это то, что не просто *нравится*, а *находит душевный отклик*. У глагола *нравиться* таких сем нет.

В заключение отметим, что подобное управление развивает в современной речи и синонимичный глагол *отзываться*:

- (25) *Винтажный принт «варёнка» на джемпере добавит образу ретро-шарма, особенно если **Вам отзывается** стиль 90-х* (описание товара на маркетплейсе);
- (26) *Благодарю вас за поддержку! Рада, что **вам отзывается** то, что я делаю!* (пост в интернет-издании «Дзен». 05.07.2023);
- (27) ***Мне отзывается** идея что отцом Петра I был грузинский царевич Багратиони. У кого есть аргументы на эту тему?* (интернет-платформа «Яндекс Кью». 13.01.2022);

(28) *Очень мне отзывается* «Необходимость искусства очевидна. Оно даёт возможность человеку пройти не пройденной дорогой, пережить не пережитое в реальном мире, даёт опыт того, что не случилось. То есть искусство — вторая жизнь». Ю. М. Лотман (пост в соцсети «ВК». 18.05.2022).

Таким образом, в современной речи возникает и получает широкое распространение конструкция с глаголом *откликаться*, управляющим дательным падежом. Это действительно новое управление, иллюстрирующее понятие синтаксической омонимии. Дательный падеж в новом словосочетании становится сильноуправляемой формой и выражает семантическую роль экспериенцера — субъекта восприятия, в отличие от традиционной конструкции с дательным адресата. Семантическая структура такого словосочетания становится более сложной: субъект состояния, выражаемый дательным падежом, соединяет в себе семантику «носителя состояния» и «объекта» этого состояния (того, на кого оно обращено). В связи с этим расширяются сочетаемостные возможности глагола *откликаться*: роль подлежащего в высказываниях с такой конструкцией могут выполнять абстрактные существительные, обозначающие то, что подлежит восприятию.

Повышенная «субъективность» подобных сочетаний поддерживается способностью глагола *откликаться* управлять предложным падежом с предлогом *в* и родительным падежом с предлогом *у*, косвенным образом обозначающими субъекта восприятия через обращение к его внутреннему миру.

Появление новой конструкции обусловлено действием механизма аналогии: значение глагола *откликаться* формируется под влиянием значения и синтаксического «поведения» глагола *нравиться*. Однако оно не дублируется. Можно говорить о развитии у глагола *откликаться* (как и у синонимичного ему *отзываться*) нового значения, включающего смы «ответное действие», «эмоциональный отклик», отсутствующие в значении глагола *нравиться*.

Рассмотренная конструкция представлена главным образом в разговорной речи. Новое значение глагола *откликаться* и его новое управление не фиксируются нормативными словарями. Результаты влияния разговорной речи на литературный язык, по мнению Л. П. Крысина, «нередко ... оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания» [Крысин 2010: 200].

Литература

- Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
- Виноградов В. В. (гл. ред.). Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 703 с.
- Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 302 с.
- Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 14. М.–СПб.: Наука, 2010. 655 с.
- Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–304.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
- Крысин Л. П. Об одном типе нарушений синтаксической нормы // Современный русский язык: Система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 200–204.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Кустова Г. И. Дательный падеж // Русская корпусная грамматика. 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/dative_case/#label_toc341197705 (дата обращения: 28.12.2024).
- Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.
- Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М.: Просвещение, 1966. 156 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 2. Репринтное издание 1980 г. М.: Наука, 2005. 712 с.

References

- Akimova G. N. *Novoye v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 168 p.
- Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 14. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 655 p.

- Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 237–304. (In Russ.)
- Krysin L. P. [About one type of violation of syntactic norms]. *Sovremennyi russkii yazyk: Sistema – norma – uzus* [Modern Russian language: System – norm – usage]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010, pp. 200–204. (In Russ.)
- Kustova G. I. [Dative case]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. 2011. Available at: http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/dative_case/#label_toc341197705 (accessed 28.12.2024).
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Morkovkin V. V., Bogachova G. F., Lutsкая N. M. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [Large universal dictionary of the Russian language]. Moscow, Slovarei XXI Veka Publ.; AST-PRESS SHKOLA Publ., 2016. 1456 p.
- Shvedova N. Yu. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom sintaksise (slovosochetaniye)* [Active processes in modern Russian syntax (phrase)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1966. 156 p.
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika: nauchnye trudy* [Russian grammar: scientific works]. In 2 volumes. Vol. 2. Reprint edition 1980. Moscow, Nauka Publ., 2005. 712 p.
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
- Vinogradov V. V. (ch. ed.). *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. Vol. II. Syntax. Part 1. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 703 p.
- Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. (eds.). *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka. Izmeneniya v sisteme slovosochetaniy v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the XIX century. Changes in the system of phrases in the Russian literary language of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 302 p.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of the Russian Language Publ., 2004. 544 p.

Неодериваты с формантом *-инг* в языке современных российских медиа

Ольга Алексеевна Михайлова¹, Юлия Николаевна Михайлова²,
Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)^{1,2},
oamih@yandex.ru¹, jmikhalova@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725060052

АННОТАЦИЯ: В современном медиадискурсе активно используются существительные на *-инг*, которые являются не заимствованиями, а новыми производными словами. Предметом исследования в данной статье являются неодериваты, образованные от русских мотивирующих основ; уделяется внимание статусу форманта *-инг* в грамматической системе русского языка. Цель исследования — выявить словообразовательный потенциал, роль и функции морфемы *-инг*, показать процесс интеграции иноязычного суффикса в русскую словообразовательную систему. Рассматриваемые инговые неодериваты являются продуктом словообразования на русской почве. Мотивирующей основой инговых неодериватов являются обычно существительные конкретной семантики (*избинг* — от *изба*, *болотинг* — от *болото*, *шашлычинг* — от *шашлык*), реже глаголы и девербативы (*рубинг* — от *рубить*; *прополинг* — от *прополка*). Производные существительные образуются по активной словообразовательной модели «существительное + *-инг*», имеют процессуально-событийное значение, которое вносит словообразовательный аффикс *-инг*. Эта морфема, в отличие от собственно русских морфем *-а-ни(е)* и *-ени(е)*, участвующих в образовании отглагольных существительных, может присоединяться к мотивирующим основам имен существительных. Неологизмы с формантом *-инг* выполняют номинативную функцию, но обладают яркой экспрессивностью, являясь

преимущественно индивидуально-авторскими. Инговое словотворчество широко используется в иронической поэзии. На материале российских массмедиа и интернета сделан вывод о растущем деривационном потенциале морфемы *-инг*, показано грамматическое обновление русского лексикона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словообразование, мотивирующая основа, дериват, неологизм, окказионализм, заимствование, суффикс *-инг*

для цитирования: Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Неодериваты с формантом *-инг* в языке современных российских медиа // Русская речь. 2025. № 6. С. 67–80. DOI: 10.31857/S0131611725060052.

Issues of Modern Russian Language

Neoderivatives with the Formant *-ing* in the Language of Modern Russian Media

Olga A. Mikhailova¹, Julia N. Mikhailova², Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)^{1,2},
oamih@yandex.ru¹, jmikhailova@yandex.ru²

ABSTRACT: In modern media discourse, nouns ending in *-ing* are actively used. Yet, they are not borrowings, they are new derivative words. The subject of research in this article is non-derivatives formed from Russian motivational foundations. The authors pay attention to the status of the formant *ing* in the grammatical system of the Russian language. The aim of the study is to identify the word-forming potential, role and functions of the morpheme *-ing*, to show the process of integration of a foreign-language suffix into the Russian word-formation system. The considered derivatives are a product of word formation on Russian soil. The motivating basis of *ing* neoderivatives are usually nouns of specific semantics (*izbing* — from *izba*, *boloting* — from *boloto* = swamp, *shashlyching* — from *shashlyk*), less often verbs and deverbatives (*rubing* — from *rubit'* = chop wood; *propoling* — from

propolka = weeding). Derivative nouns are formed according to the active word-formation model “noun + -ing”. They have a processual-event meaning, which is introduced by the word-formation affix *-ing*. This morpheme, unlike the suffixes “-a-niye” and “-yeniye”, which participate in the formation of verbal nouns, can be attached to the motivating stems of nouns. Neologisms with the formant *-ing* perform a nominative function, but they have a bright expressiveness, being usually individually authored. Word-creation with the formant *-ing* is widely used in ironic poetry. The study demonstrates the growing derivational potential of the morpheme *-ing* based on the material of Russian mass media and the Internet, and shows a grammatical renewal of the Russian lexicon.

KEYWORDS: word-formation, motivating framework, derivative, neologism, occasionalism, suffix *-ing*

FOR CITATION: Mikhailova O. A., Mikhailova Ju. N. Neoderivatives with the Formant *-ing* in the Language of Modern Russian Media. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 67–80. DOI: 10.31857/S0131611725060052.

Лексический состав любого живого языка находится в процессе постоянного становления. Появление новых существительных с финалью *-инг* в русском языке — это факт очевидный, поэтому закономерно, что в последние десятилетия такие единицы привлекают особое внимание российских и зарубежных ученых. Инговые существительные были описаны в лингвистике с разных сторон, тем не менее они не уходят из поля зрения исследователей. Можно обозначить актуальные направления изучения и описания этого явления.

Во-первых, обсуждается вопрос о квалификации инговых существительных — являются ли они заимствованиями или продуктом словообразования на русской почве [Боброва 1982; Ермачкова 2020; Маринова 2008; Romanik 2023].

Во-вторых, каков статус финали *-инг* в лексемах, употребляемых в современной русской речи, — является ли она полноценным суффиксом, участвующим в словообразовательных процессах [Беляева 2019; Григорьев 2005; Дьяков 2015; Левина 2023; Николина 2020].

В-третьих, какие тематические, лексико-семантические группы активно пополняются новообразованиями с формантом *-инг* и какую функцию они выполняют [Ермачкова 2020; Ильясова 2014; Левина 2023].

Цель данной статьи — проанализировать существительные с формантом -инг, появившиеся в последние годы; показать роль и функции этого суффикса в современной русской словообразовательной системе.

Эмпирический материал отобран из русскоязычных массмедиа, представленных в Национальном корпусе русского языка и поисково-аналитической системе «Интегрум», а также из интернета. Выбор источников материала обусловлен их актуальностью в отражении активной речевой деятельности современного общества.

Лексикон — это самая подвижная составляющая любого языка, которая постоянно расширяется и видоизменяется. Во все времена язык с большей или меньшей степенью интенсивности пополнялся заимствованиями, так как это «один из неизбежных результатов исторического развития языка» [Костомаров 1999: 110]. В последние два десятилетия отмечается стремительный и динамичный процесс импорта англицизмов в русский язык, и среди них значительный объем занимают инговые существительные.

В «Грамматическом словаре русского языка» [Зализняк 1980: 232] зафиксировано 45 лексем на -инг, преимущественно давних заимствований: *тюбинг, слябинг, инбридинг, кроссбридинг, пудинг, крекинг, викинг, смокинг, шиллинг, блюминг, демпинг, кемпинг, допинг, клиринг, дансинг, форсинг, прессинг, кроссинг, митинг, фартинг* и др. Недавние заимствованные из английского языка существительные на -инг представлены в выпусках Словаря-справочника «Новые слова и значения», регулярно издаваемых в Институте лингвистических исследований (ИЛИ РАН). Так, шестнадцать единиц зафиксировано в публикациях 1980-х гг. (*бодибилдинг, лизинг, рейтинг, шейпинг* и др.) [Буцева (ред.) 1997] и свыше семидесяти разнообразных по тематической принадлежности лексем — в 1990-е гг. (*боулинг, кемпинг, маркетинг, клининг*) [Буцева (ред.) 2009–2014]. На сайте ИЛИ РАН (<https://neolex.iling.spb.ru/>) приведены многие новые заимствования: *ребалансинг, груминг, шейминг, аутсорсинг, брашинг, буккроссинг* и др.

Несмотря на различную степень семантической освоенности, многие англицизмы с финалью -инг, появившиеся в XX и XXI вв., заняли прочное место в русском языке. По наблюдениям лингвистов, «этим образованиям свойственна ускоренная русификация: они сразу оформляются в кириллическом варианте написания» [Беляева 2019: 110].

Функция заимствования в литературном языке прежде всего номинативная, и в результате этого процесса язык пополняется обозначениями новых реалий [Маринова 2021; Левина 2023]. Заимствованные слова в структурном аспекте по-разному осмысливаются языковым сознанием носителя русского языка, и в конце прошлого века существительные на -инг воспринимались как непроеизводные, поскольку «в русском языке

слова на *-инг*, как правило, усваиваются целиком, тем самым словообразовательная роль суффикса ослабляется, если и вовсе не уничтожается» [Сешан 1996: 48]. И так как слова, в которых присутствует данный элемент, лишены словообразовательной структуры, в лингвистической литературе *-инг* называют «квазисуффиксом», «псевдосуффиксом», «отрезком», «звукобуквосочетанием» [Григорьев 2005], «формантоидом» [Romanik 2023], а исследователи при описании подобных слов используют номинации «инговые имена существительные», «англицизмы с исходом *-инг* < *-ing*», «слова на *-инг*» [Маринова 2008].

Активное продолжительное функционирование иноязычных инговых слов и регулярное заимствование в составе словообразовательной парадигмы [Левина 2023; Потапова 2014] способствовали их словообразовательной адаптации в русском языке, результатом которой становится развитие членимости иноязычной единицы и в ряде случаев производности. Этот факт подтверждает высказанную ранее Е. А. Земской мысль, что «...изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффикса» [Земская 1992: 125].

Тем не менее статус форманта *-инг* до сих пор остается дискуссионным. В. В. Виноградов дает суффикс *-инг* в ряду интернациональных суффиксов твердого мужского склонения, которые встречаются в заимствованных словах: существительные на *-инг* (англ. *ing*) входят в русский язык «с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блужинг*, *крекинг*, *демпинг*, *митинг*, *дансинг* и т. д.» [Виноградов 1972: 96].

В «Русской грамматике» *-инг* отмечен как суффикс непродуктивного словообразовательного типа существительных с процессуальным значением [Шведова (гл. ред.) 1980: 166].

Морфемный статус *-инг* зафиксирован в толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой: «Словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом (тренинг)» [Ефремова 2005].

В русской речи конца XX — начала XXI вв. значительно повышается формальная активность новых заимствованных морфем. Если В. Г. Костомаров в известной работе 1999 г. отмечал, что *-инг* только **может стать** (выделено нами. — О. М., Ю. М.) словообразовательным формантом и присоединяться к русским основам [Костомаров 1999: 252], то в работах последних лет авторы признают, что английский суффикс *-инг* благодаря СМИ и интернету существенно активизировался и уже фактически

адаптировался к русской словообразовательной системе. Он используется как продуктивная русская морфема с участием не только иноязычных, но и русских производящих основ [Маринова 2021; Левина 2023; Николина 2020; Рацибурская 2014].

В. П. Григорьев в знаменитом докладе «Светлое будущее “инговых форм” в русском поэтическом языке» рассматривает «феноменологию “инговых форм” уже как некоторую данность» и приводит многочисленные примеры «ингового поветрия» как из прошлого: «Факт обыгрывания толстовцами Чертковыми ряда *meeting — eating — чай питинг* и неприятное *шастинг* у московских студентов 70-х гг.», так и из современной речи, в том числе поэтической: *бомбинг, празднинг* — и собственные окказионализмы под звездочкой: **умапалатинг, *дармоединг, *праздно-словинг, *любоначалинг*. Он объясняет активность морфемы -инг тем, что английская морфема более экономна по сравнению с соответствующими русскими суффиксами: «Порой докучают своей длиной суффиксы -ание и -ение (да еще нередко и с -ова- и -ыва-/-ива-). В нашей Игре это дает -ингу значимый гандикап. Хотя слоговая экономия как довод сама по себе слабовата, ср. *раздербанинг* рядом с многосложным *раздербаниванием* у Максима Соколова, ориентация на собственно русскоязычные основы позволяет расширить круг “инговых форм”, так что “инговое поветрие” могло охватить и всю идеографию языка, став “своим” в любом уголке триады ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДА — ОБЩЕСТВО» [Григорьев 2005]. Добавим, что преимущество форманта -инг перед русскими морфемами -ание и -ение не только в «слоговой экономии», но и в том, что последние не могут присоединяться к основам существительных.

Многие словесные новшества возникают и апробируются именно в языке СМИ. Абсолютное большинство инговых дериватов создается «на случай» и не задерживается в активном употреблении. Большинство исследователей считает, что -инг можно использовать в словообразовании только в игровой функции, т. е. -инг, обладая высоким экспрессивным потенциалом, «приобрел статус аффикса, специализирующегося на создании игровых инноваций» [Ильясова 2014: 62].

На сайте ИЛИ РАН отмечены такие недавние новообразования: *бабуллинг* («агрессивное преследование бабушкой младших членов семьи, выражающееся в стремлении накормить их до отвала сладостями домашнего приготовления, укутать в теплую одежду или выполнить за них работу по дому»), *бордюринг, тротуаринг* («об обустройстве, обновлении тротуаров дорожными службами. *Заужайзинг, бордюринг и тротуаринг*»; MosDay.ru; 05.04.2018), *бумераскинг* («Вы также можете избежать “бумераскинга” — привычки задавать вопрос, чтобы рассказать о себе»; Хабр [habr.com]; 02.07.2024), *бомбинг* («Представлены два основных направления граффити:

бомбинг — размашистые надписи и райт — жанровые рисунки»; Известия; 21.08.2004).

Инговое словотворчество нередко встречается в поэтических произведениях. Например, шутливое стихотворение Андрея Усачева, где представлены образования с суффиксом *-инг* от русских основ:

ПУДИНГ

Англичане любят
Есть на ужин пудинг,
Потому что пудинг
Очень вкусный блюдинг.
Тот, кто любит пудинг
И часто ходит в гостинг, —
Не бывает худинг,
А бывает толстинг!

Или еще пример иронического текстотворчества, в котором многообразные инговые дериваты раскрывают их экспрессивный потенциал:

В окно уставившись как Мессинг — там солнца нет четвёртый день.
Вот кто-то едет на болотинг — в тайгу подальше от Москвы.
А у меня сплошной работинг с утра до вечера, увы.
Купил себе хороший спиннинг, крючки, прикормку, но у нас,
жена сказала, магазининг (рыбалинг будет в другой раз).
В окно уставившись как Мессинг — там солнца нет четвёртый день.
Опять ноябрь, опять депрессинг, тоска, апатия, мигрень.
По телевизору болталинг, в какое время ни включи,
тупой рекламинг, сериалинг, колдуны, судьи и врачи.
Пока одни садятся в боинг Москва-Паттайя, у меня
дела, заботы, геморроинг, проблемы, траты, беготня.
Сосед по стенке бьёт как викинг, причём уже не первый год.
В метро спускаешься в часпикинг и час стоишь, втянув живот.
И так охота на курортинг, но вместо этого жена
вчера устроила ремонтинг и жёсткий пилинг дотемна
(«...в квартире должен быть хайтекинг — комод с подсветкой и кровать»,
а то, что в банке ипотекинг на двадцать девять лет, плевать).
И вот неделю ждёшь субботинг, о, долгожданный выходной!
Жена проводит сковородинг за то, что с другом был в пивной.
А у самой опять подружкинг и целый вечер бу-бу-бу!..
От этой лексики сам Пушкинг, как штопор, вертится в гробу¹
(Комсомольская правда (msk.kp.ru); 24.11.2024).

¹ Во всех примерах из интернета орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Обладая ярко выраженной эмоциональной окраской, слова на -инг активно используются не только в соцсетях, жаргоне, в разговорной и профессиональной речи, но и в текстах СМИ. Значительный по количеству лексико-структурный ряд подобных единиц позволяет квалифицировать статус -инг в качестве аффиксальной «словотворческой» морфемы.

Рассмотрим одну группу активных и частотных в современных медиа инговых неогерминативов, связанных с отдыхом и досуговым времяпрепровождением.

Одним из первых в этой тематической группе появилось слово *шашлыкинг/шашлычинг* — первая фиксация отмечена в 2006 г. и в федеральных, и в региональных изданиях. Производящей основой является существительное *шашлык*, а иноязычный суффикс -инг обозначает процессуальную континуальность. Неогерминатив имеет значение ‘отдых с обязательным приготовлением-поеданием шашлыков’, которое ясно осознается носителями русского языка:

Плюсы такого «шашлычинга» в том, что с собой не надо возить мангал, дрова и прочие пикниковые атрибуты, от вас требуются только продукты (АиФ-Липецк; 06.04.2016); Шашлыкинг и грибной фитнес Шашлыкинг с запахом сена (2015; Lenta.ru).

Интересно, что слово сразу включается в ряд однородных экспрессивных единиц, образованных по одной модели. И эта парадигма отражает стереотип — представляет сценарий отдыха на природе и его составляющих: *Известно, что традиционное занятие байкерами свободного времени — пивинг, водкинг, шашлыкинг (Независимая газета; 18.09.2006); Потом, как водится, пивинг и шашлыкинг (Воронежский курьер; 14.05.2011).*

Другой вид отдыха во время выходных, связанный с путешествием на внедорожнике группой лиц, номинируется инговыми производными от названий марок автомобилей: *Очень популярен на курорте и джиппинг. Правда, приезжие все больше называют его уазингом или козлингом. (Областные вести (Волгоград); 28.09.2012); Джиппинг, альтернативный ему уазинг (от одноименных российских машин), пешие прогулки и многое другое (Московский комсомолец; 07.04.2012).* Альтернативные игровые номинации содержат аксиологические смыслы, отражающие оппозицию «свой/чужой» для актуализации конкурентоспособности российских автомобилей: *Получается, что это не какой-то там буржуазный джиппинг, а наш, отечественный, уазинг (Черноморская здравница (Сочи); 31.08.2005).*

Появление неогерминативов на -инг обусловлено аналогией с реальными словами. Так, появившаяся в XXI в. номинация экстремального отдыха *водопадинг* (‘преодоление водопадов на каяках, сплав с водопадов’)

пополнила ряд известных англицизмов, обозначающих виды экстремального водного спорта: *рафтинг*, *каякинг*, *каноинг*, *боулдеринг*, зафиксированных в лексикографических источниках [Шагалова 2012].

Водопадинг — пожалуй, не самая сложная часть моих приключений, но уж точно наиболее зрелищная (risk.ru; 08.09.2009); «*Водопадинг*» по Боровичски... Немного «*водопадинга*» для души под Рождество 2020 (Боровичские ведомости; 09.01.2020).

В последние годы в России начал активно развиваться сельский туризм, и этот экстралингвистический фактор при необходимости обозначить новое явление стимулировал появление инговых дериватов, мотивированных именной субстантивной основой. Одним из первых появилось слово *дачинг*, но в 2014 г. так называли акцию возле дач должностных лиц, а уже в 2015 г. у слова появляется другое значение — ‘жизнь, отдых на даче’: *На Западе не понимают прелестей дачинга* (Комсомольская правда; 02.11.2015); *А вообще, в последнее время я занимаюсь таким прекрасным видом спорта, как «дачинг»* (Областная газета (Екатеринбург); 23.07.2015); *Вы предлагаете сменить шопинг на дачинг?* (Социальная газета (Самара); 02.05.2015).

Считается, что в этом случае нет типичного развития нового значения у слова: «многозначность инговых дериватов обычно возникает в результате повторного словообразования» [Левина 2023: 43].

Осенью 2024 г. вследствие популярности летнего агротуризма российские газеты запестрели производными существительными, образованными по модели «основа имени существительного + суффикс *-инг*». Они являются наименованиями опредмеченного процесса и, не будучи общеупотребительными, выполняют тем не менее номинативную, а не экспрессивную функцию.

Активно используется лексема *избинг* — ‘отдых в деревне, в избах’. В силу ее новизны в СМИ дается разъяснение значения: *отдых в деревянных домиках зовут «избингом»: иностранное слово придает солидность явлению* (Солидарность; 02.10.2024); *К слову, термин «избинг» придумал и запатентовал владелец местного отеля (город Плес Ивановской области)* (Вечерняя Москва. Вечерний выпуск; 02.10.2024).

Как синоним *избингу* употребляется альтернативная лексема *деревнинг*: *Избинг или деревнинг — новый тренд в загородном туризме, который стремительно набирает популярность в России* (welcometimes.ru); *Особенной популярностью «избинг» и «деревнинг» — проще говоря сельский туризм — пользуются именно среди молодежи* (novostimb.ru).

За словами *избинг* и *деревнинг* кроется весь процесс отдыха, и потому в СМИ появляются контексты, раскрывающие детали такого отдыха:

Да и слов в нашем языке довольно, так что теперь есть и **деревнинг**, и **доинг**, и **банинг**, и **сенокосинг** (Комсомольская правда; 27.09.2024); Российскую молодежь в городах захватывает новая мода — **рвануть на недельку на сенокосинг, доинг** или просто **напечилежалинг** (novostimb.ru).

Особенно много новообразований для пополнения этой лексико-семантической группы предлагают пользователи сетей: *Нужно включить в **избинг** ещё и **фермеринг, коровинг, свинг, косинг, копинг**, ну и прочие прелести **деревнинга*** (secretmag.ru). ***Избинг, рыбалинг, рубинг, дровинг, банинг, бухалинг, шашлыкинг, дракинг, спалинг** кто где упалинг* (secretmag.ru); ***Деревнинг, сеновалинг, а также граблинг, прополинг, грибнинг и ягодинг*** (secretmag.ru).

Одновременно расширяется круг предлагаемых возможностей для отдыха, который выходит за пределы деревни:

*В Россию пришли новые виды туризма — «**болотинг**» (выезд на природу организованной группой), «**избинг**» (проживание в избе), «**монастыринг**» (трудничество в обмен на духовный опыт) (Комсомольская правда; 24.11.2024); Неспроста сейчас в моде все эти «**монастыринги**», «**болотинги**», «**избинги**» (Комсомольская правда (msk.kp.ru); 26.11.2024).*

Инговые неологизмы, несмотря на то что являются преимущественно отсубстантивными — образуются от наименования конкретного объекта (фермер, корова, свинья, дрова, баня, сеновал, грабли, грибы, ягоды, болото, монастырь), называют процесс, так как процессуальную сему вносит суффикс -инг. Вместе с тем есть существительные, для которых производящей основой служит глагол или девербатив (*косить, рубить, спать, упасть, бухать* (жарг.), *рыбалка, прополка*).

Заключение

Современный медиадискурс является показателем живого процесса создания производных слов и предоставляет возможность наблюдать, как происходит расширение сферы действия иноязычного словообразовательного элемента, который присоединяется к русским основам. В начале XXI в. формант -инг встраивается в русскую словообразовательную систему и становится высокопродуктивным суффиксом, расширяя возможности образования существительных с процессуально-событийным значением не от глаголов, а от имен, в отличие от суффиксов -ни-, -ени-, которые могут присоединяться только к глагольным основам. И хотя рассмотренные неодериваты являются преимущественно индивидуально-авторскими, они выполняют не только экспрессивную, но и номинативную

функцию, образуются по активной словообразовательной модели — «существительное + -инг». В современном русском языке идет активный процесс формирования нового продуктивного словообразовательного типа с формантом -инг.

Литература

- Беляева И. В., Куликова Э. Г. Заимствование морфем как илиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 108–121.
- Боброва А. В. Имена существительные на -инг в русском языке (происхождение и функционирование): дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 310 с.
- Богданова Л. И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 11–17.
- Буцева Т. Н. (отв. ред.). Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 906 с.
- Буцева Т. Н. (отв. ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. школа, 1972. 614 с.
- Григорьев В. П. Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке // Художественный текст как динамическая система. TextOnly.ru: сетевой журнал. 2005. Вып. 013 [Электронный ресурс]. URL: www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html (дата обращения: 21.02.2025).
- Дьяков А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: дисс. ... д-ра филол. наук. Омск, 2015. 443 с.
- Ермаčkова О. Англицизмы на -инг в русском и словацком языках // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 51–61.
- Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/word/-ing.html> (дата обращения: 15.02.2025).
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1980. 880 с.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
- Ильсцова С. В. Игровые способы и приемы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 60–64.

- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
- Левина С. Д. Адаптация иноязычной морфемы -инг в русском языке начала XXI в. // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1 (6). С. 34–47.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008. 496 с.
- Маринова Е. В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 399–403.
- Николина Н. А., Рацибурская Л. В., Фатхутдинова В. Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание. 2020. № 19 (2). С. 5–19.
- Потапова Г. А. Функционирование иноязычных морфем в русском языке на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2014. 24 с.
- Рацибурская Л. В. Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 170–174.
- Сешан Ш. Существительные на -инг — символ американской языковой экспансии? // Русская речь. 1996. № 3. С. 46–49.
- Шагалова Е. Н. «Каякер, каякинг, каяк-кросс» — терминология // Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Отв. ред. К. Г. Глинкина. М.: АСТ, Астрель, 2012. С. 245–246.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика [в 2 т.]. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Romanik A. Существительные с финалью -инг в современном русском языке // Linguo-didactica. 2023. Т. 27. С. 187–198.

References

- Belyaeva I. V., Kulikova E. G. [Borrowing of morphemes as ilimination of lacunae: “ing” forms in Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 6 (822), pp. 108–121. (In Russ.).
- Bobrova A. V. *Imena sushchestvitel'nye na -ing v russkom yazyke (proiskhozhdenie i funkcionirovanie)*. Dis. kand. filol. nauk [Nouns ending in -ing in Russian (origin and functioning)]. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1982. 310 p.
- Bogdanova L. I. [Foreign-language word in the context of Russian culture: cognitive aspect]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2008, no. 4, pp. 11–17. (In Russ.).
- Butseva T. N. (ch. ed.). *Novye slova i znacheniya: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov* [New words and meanings: A dictionary-reference book based on the materials of the press and literature of the 80s]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 906 p.

- Butseva T. N. (ch. ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [New words and meanings. A dictionary-reference book based on the materials of the press and literature of the 90s of the twentieth century]. In 3 volumes. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009–2014.
- D'yakov A. I. *Statika i dinamika anglicizmov v sisteme russkogo yazyka: mnogoaspektnoe lingvisticheskoe modelirovanie*. Diss. dokt. filol. nauk [Statics and dynamics of anglicisms in the Russian language system: multi-aspect linguistic modeling. Dr. philol. sci. diss.]. Omsk, 2015, 443 p.
- Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of word-formation units of the Russian language]. Moscow, Astrel'; AST Publ., 2005. Available at: <http://www.efremova.info/word/-ing.html> (accessed 15.02.2025).
- Ermachkova O. [Anglicisms ending in *-ing* in Russian and Slovak]. *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 51–61. (In Russ.).
- Grigor'ev V. P. [The bright future of “*ing* forms” in Russian poetic language]. *Khudozhestvennyi tekst kak dinamicheskaya sistema. TextOnly.ru: setevoi zhurnal*, 2005, vol. 13. (In Russ.). Available at: www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html (accessed 23.06.2013).
- Il'yasova S. V. [Game methods and techniques of expressing social evaluation in the language of modern Russian media]. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no. 47, pp. 60–64. (In Russ.).
- Kostomarov V. G. *Yazykovoii vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoii mass-media* [The linguistic taste of the era. From observations of the speech practice of the mass media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 320 p.
- Levina S. D. [Adaptation of the foreign language morpheme *-ing* in the Russian language at the beginning of the 21st century]. *VERBA. Severo-Zapadnyi lingvisticheskii zhurnal*, 2023, no. 1 (6), pp. 34–47. (In Russ.).
- Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi konca XX – nachala XXI vv.: problemy osvoeniya i funkcionirovaniya* [Foreign words in Russian speech of the late 20th – early 21st centuries: problems of development and functioning]. Moscow, Elpis Publ., 2008. 496 p.
- Marinova E. V. [Adaptation of foreign language vocabulary at the present stage: new phenomena and trends]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2021, no. 6, pp. 399–403. (In Russ.).
- Nikolina N. A., Raciburskaya L. V., Fathutdinova V. G. [New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie*, 2020, no. 19 (2), pp. 5–19. (In Russ.).
- Potapova G. A. *Funkcionirovanie inoyazychnykh morfem v russkom yazyke na rubezhe XX–XXI vekov*. Avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk [Functioning of foreign morphemes in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014. 24 p.
- Raciburskaya L. V. [Manifestation of internationalization in modern media word creation]. *Filologiya i kul'tura*, 2014, no. 4 (38), pp. 170–174. (In Russ.).

- Romanik A. [Nouns with the ending -ing in modern Russian]. *Linguodidactica*, 2023, vol. 27, pp. 187–198. (In Russ.).
- Seshan Sh. [Are nouns ending in -ing a symbol of American linguistic expansion?]. *Russkaya rech'*, 1996, no. 3, pp. 46–49. (In Russ.).
- Shagalova E. N. ["Kayaker, kayaking, kayak-cross" – terminology]. *Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka* [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2012, pp. 245–246. (In Russ.).
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972. 614 p.
- Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language: Word inflection]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1980. 880 p.
- Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p.

Неологизация русского языка второй половины XIX в.: об истории некоторых отвлеченных существительных

Юлия Георгиевна Захарова, Тихоокеанский государственный университет (Россия, Хабаровск),
batushina1977@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725060065

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу процесса неологизации русского языка второй половины XIX в. во взаимосвязи с неоконцептуализацией — формированием новых концептов или изменением полученных ранее представлений о мире. Материалом исследования послужил эпистолярный русский писателей-классиков (В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова), данные словарей XIX в., Национального корпуса русского языка и других источников. В работе рассматриваются два типа лексических новаций эпохи (отвлеченных существительных): 1) неологизмы, вербализовавшие концепты общеевропейского характера (*вегетарианство, декадентство, культуртрегерство* и др.), 2) неологизмы, вербализовавшие концепты, специфические для русского национального сознания (*народничество, черничество, толстовство, Достоевщина, Обломовщина* и др.). В появлении ряда абстрактных существительных обнаруживается сочетание экстралингвистического и языкового факторов: формирования или обновления концепта и действия внутрисистемного закона — заполнение лексических и словообразовательных лакун. Анализируются семантика и морфологическая структура лексических единиц разных тематических групп и особенности их употребления в речи, а также указывается их лексикографическая фиксация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексический неологизм, абстрактная лексика, русский язык XIX в., эпистолярный

для цитирования: Захарова Ю. Г. Неологизация русского языка второй половины XIX в.: об истории некоторых отвлеченных существительных // Русская речь. 2025. № 6. С. 81–95. DOI: 10.31857/S0131611725060065.

From the History of the Russian Language

Neologization of the Russian Language in the Second Half of the 19th Century: on the History of Some Abstract Nouns

Yuliya G. Zakharova, Pacific State University (Russia, Khabarovsk), batushina1977@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of the process of neologization of the Russian language in the second half of the XIX century in connection with neo-conceptualization, by which we mean the formation of new concepts or the transformation of previously received ideas about the world. Russian classical writers (V. G. Korolenko, N. S. Leskov, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov) epistolary served as the research material in comparison with the data of dictionaries of the XIX century, the National Corpus of the Russian language and other sources. Two types of lexical innovations of the era are considered: 1) neologisms that verbalized concepts of a pan-European nature, 2) neologisms that verbalized concepts specific to the Russian national consciousness. Appearance of some abstract nouns is explained by a combination of extralinguistic and linguistic factors: the formation or updating of a concept and the action of an intra-system law: filling in lexical and word-formation gaps. The semantics and morphological structure of lexical units of different thematic groups, features of their use in speech and lexicographic fixation are analyzed.

KEYWORDS: lexical neologism, abstract vocabulary, Russian language of the 19th century, epistolary

FOR CITATION: Zakharova Yu. G. Neologization of the Russian Language in the Second Half of the 19th Century: on the History of Some Abstract Nouns. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 81–95. DOI: 10.31857/S0131611725060065.

Вторая половина XIX в. — эпоха активного формирования класса абстрактных существительных в русском языке. Появление неологизмов могло быть связано с формированием в общественном сознании нового концепта, причиной чего, в свою очередь, служили изменения в социальной, политической, культурной жизни и др., при этом само производящее слово являлось в русском языке неолексемой или могло быть известно давно. Л. Ю. Касьянова ввела в научный оборот термины *неоконцепт* и *неоконцептуализация*. Под неоконцептом понимается новая для национальной концептосферы когнитивная структура, которая рассматривается в ее системных связях со знаниями о мире, выявляемых через контекстную семантику нового слова. Неоконцептуализация — это формирование неоконцептов или переосмысление полученных ранее представлений о мире (трансформация сложившихся концептов) [Касьянова 2009: 9].

Неологизация русского языка XIX в. — главный объект внимания авторов масштабного проекта «Словарь русского языка XIX века» (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург), обращенного к плану диахронии, к тем изменениям, которые переживала лексико-семантическая система в этот период: процесс заимствования, появление новых дериватов, неосемем и «девиаций» (отклонений) в общем ходе развития новых значений [Калиновская, Старовойтова 2016; Калиновская, Эзериня 2017; 2019].

Важное место среди источников Словаря занимает эпистолярный, который содержит богатый неологический материал, отражающий, с одной стороны, перемены в экономической, социально-политической, культурной жизни европейских стран, с другой — собственно языковые процессы. Материалом для данной статьи послужили письма русских прозаиков — В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, датируемые 1850–1890-ми гг. Для сопоставления привлекались данные

словарей XIX в., контексты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и других источников. В работе использовались методы семантического, компонентного, контекстуального, лексикографического анализа.

В письмах отмечаются как неологизмы, вербализовавшие общевропейские концепты, так и те, которые имели отношение только к жизни России XIX в. В эпистолярных текстах русских писателей встречаются такие неолексемы с абстрактным значением, как *вегетарианство*, *декадентство*, *культуртрегерство*, *таосизм*, *новомальтузианство*; *народничество*, *черничество*, *толстовство*, *бакунизм*, *штундизм*, ср. также дериваты с суффиксом субъективной оценки *-щин*: *аракчеевщина*, *итальянщина*, *толстовщина*, *достоевщина*, *хлестаковщина*, *базаровщина*, *обломовщина* и др. Рассмотрим историю некоторых единиц каждой из групп.

Представление о европейцах как носителях культуры, распространителях просвещения, которые способствуют духовному развитию и нравственному совершенствованию других народов, сформировалось в Германии XIX в., где было выражено словом *Kulturträger* (нем. «носитель культуры»). В русском языке заимствованное слово впервые фиксируется в «Карманном словаре иностранных слов» 1894 г., причем в этом лексикографическом издании отмечается первоначально несвойственная языку-источнику коннотация иронии: «Культуртрегер лат.-нем. — насадитель культуры, просветитель, в ироническом смысле» [Гавкин 1894: 242].

Анализ примеров из разных источников XIX в. позволяет проследить формирование отрицательно-оценочного и шутивно-иронического компонентов и в значении суффиксального деривата *культуртрегерство* в русском языке.

Отвлеченное существительное *культуртрегерство*, образованное от *культуртрегер* при помощи суффикса *-ств* по модели со значением «заявления, действия лица, названного мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016: 641], во многих источниках употребляется в контекстах, связанных с негативной оценкой самого этого явления, что нашло отражение в прагматическом компоненте семантики неолексемы.

Например, Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (1869 г.) сопровождаёт существительное *культуртрегерство* метаоператором *так называемое*, подчеркивающим изменение содержания соответствующего концепта в русском языке, что было связано с осмыслением роли «просвещённых народов» в истории других: «*Выше представлены были примеры мнимой передачи цивилизации от одного культурно-исторического типа народам другого (примеры так называемого культуртрегерства и результаты, которые имели эти не раз повторявшиеся попытки) из греческого, римского и германского мира*» [Данилевский 1895: 131].

Автор подчеркивает негативные последствия европейского влияния на славянские народы или отсутствие какого-либо значимого результата во взаимодействии культур: «карикатурный» вид католицизма, несвойственный славянскому духу, в Польше, пагубное влияние на славянский демократизм германского аристократизма и рыцарства (появление польского шляхетства), недостаточный уровень развития науки и искусства в Польше; поверхностное усвоение западной культуры Россией: *«Результаты известны: ни самобытной культуры не возросло на русской почве при таких операциях, ни чужеземное ею не усвоилось, не проникло дальше поверхности общества; чужеземное в этом обществе произвело ублюдковъ самого гнилаго свойства: нигилизмъ, абсентеизмъ, шедофферотизмъ, сепаратизмъ, бюрократизмъ, навъянный демократизмъ <...>»* [Данилевский 1895: 132].

Негативную оценочность неолексемы в ряде контекстов подчеркивает такой метаязыковой маркер, как кавычки. Например, И. С. Аксаков включает в кавычки слово *культуртрегерство*, используемое по отношению к попыткам России принести европейскую цивилизацию на Восток: *«Теперь, обзаведясь “просвѣтительною миссіею”, <...> мы несем туда, на Восток, “европейское просвѣщеніе” въ жалкой и безобразной копіи, которую мы и у себя дома переварить-то не в силах! Стоит только вспомнить, что понадѣяно было в Туркестанѣ при генерал-губернаторствѣ покойнаго Кауфмана <...> Дѣйствительно, при такихъ современныхъ нашихъ пріемахъ, при этихъ нашихъ жалкихъ притязаніяхъ на западноевропейское “культуртрегерство”, могутъ, пожалуй, наконецъ стать намъ въ тягость и наши азіатскія окраины...»* [Аксаков 1886: 812].

Нужно отметить, что не все примеры употребления существительного *культуртрегерство* демонстрируют наличие в его семантике отрицательно-оценочного компонента. Оно могло употребляться в более конкретном значении «деятельность по улучшению, благоустройству какого-либо места» в положительном контексте: *«Многовековая судьба Москвы стоила ей того, что она утратила свой прежний обликъ. Она подвергалась многочисленнымъ планировкамъ, урѣзываніямъ, укорачиваніямъ, уравниваніямъ, словомъ, всѣмъ послѣдствіямъ культуртрегерства ея обладателей <...> Давно ли западныя стѣны Кремля омывались мутной Неглинной, бока которой были мѣстомъ свалки всякой гадости?»* [Михайлов 1901: 30].

Именно это значение неолексема выражает в одном из писем А. П. Чехова, свидетельствующих о том, что существительное также могло приобретать в неформальном, дружеском общении шутивно-иронический оттенок: писатель обозначает им деятельность по благоустройству своего имения: *«Сколько я деревьев посадил! Благодаря нашему культуртрегерству,*

Мелихово для нас стало неузнаваемо и кажется теперь необыкновенно уютным и красивым» (А. С. Суворину, 1892) [Чехов 1977: 90–91].

Судя по материалу словарей, в языковом сознании европейцев во второй половине XIX в. сформировался концепт *даосизм* — учение о дао — «нити пустоты и несуществования», корне творения, независимом начале неба и земли, основании духовного, вне которого ничего не существует, и нет ничего такого сокровенного, что не заключалось бы в нем [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1893: 128].

Слово *таосизм* встречается в письме Л. Н. Толстого 1886 г. (в НКРЯ существительное отмечается с 1891 г.): «*Изъ тѣхъ же 4, кромѣ Библии, к[оторыя] я немного знаю: Буддизмъ, Конфуц[іанство], Таосизмъ, Стоики такъ легко, мнѣ кажется, составить книги ясныя, поучительныя и подтверждающія и даже уясняющія вѣчное ученіе истины, открытое намъ Христомъ*» (В. Г. Черткову, 1886) [Толстой 1935: 369]. По-видимому, оно было образовано непосредственно в русском языке. В пользу русского происхождения этой лексемы, а не заимствования из европейских языков говорит ее фонетический облик — наличие [с] между китайским корнем тао (дао) и суффиксом, ср. франц. taoïsme (daoïsme), нем. Daoismus (Taoismus), англ. — daoism (taoism). Этот звук может быть интерфиксом или частью основы китайского слова *дао-сы*. Как русское производное от *дао-сы* рассматривается термин *даосизм* в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона (1893 г.): «От первого слова дао (буквально “путь”) образовалось название последователей этой религии у китайцев — дао-ши или дао-сы, откуда вышло и наше слово даосизм» [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1893: 127].

В XIX в. в европейских странах появился ряд обновленных религиозных, философских, социологических учений, которые обозначались с помощью префиксоида *нео-*. В русском языке названия соответствующих течений были заимствованными или являлись словообразовательными кальками с европейских слов (с префиксоидом *ново-*), в результате появились такие корреляты (зафиксированные в словарях и энциклопедиях XIX в.), как *неокатолицизм* — *новокатолицизм*, *неоплатонизм* — *новоплатонизм*, *неопифагореизм* — *новопифагореизм*, *неомальтузианство* — *новомальтузианство*.

Последняя пара словообразовательных синонимов представляет собой полукальку и кальку с английского термина *Neo-Malthusianism*. Судя по данным разных источников, более употребительной с начала вхождения в русский язык и на всем протяжении истории была лексема *неомальтузианство*; она используется и в качестве заголовков статей словарях XIX — начала XX вв. Одно из писем Л. Н. Толстого свидетельствует о том, что в речи существовал фонетический вариант существительного

новомальтузианство — *новомальтузьянство* (в других источниках не встречается): «На ваш вопрос о *новомальтузьянстве* — не иметь детей, почему это дурно, не думал еще и не могу ответить, знаю, что дурно, но почему, сейчас не могу сказать» (В. Г. Черткову, 1898) [Толстой 1957: 85]. Этим словом обозначалось вызвавшее острые дискуссии обновленное учение Т. Мальтуса, пропагандировавшее применение искусственных средств для предупреждения деторождения с целью сдерживания быстрого роста народонаселения [Павленков 1900: 382]. В 1877 г. в Лондоне была основана Мальтузианская лига, которая с 1879 г. издавала журнал «Malthusian». Она стремилась популяризировать неомальтузианское учение путем издания специальной литературы и организации чтений, посвященных вопросам народонаселения [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1896: 507].

В появлении ряда неологизмов можно видеть сочетание экстралингвистического и собственно языкового факторов: формирования (обновления) концепта и действия внутрисистемного закона. Так, появление дериватов *вегетарианство*, *унитаризм*, *декадентство*, с одной стороны, мотивировано процессом неоконцептуализации, с другой — действием закона регулярности: они были образованы для компенсации внутрисистемных словообразовательных лакун и употреблялись как русские параллели к иноязычным лексемам — *вегетарианизм*, *унитаризм*, *декадентизм*.

Термин *унитаризм* был заимствован из английского языка (*unitarism*) и впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1905 г.: «Учение унитариев о едином лице Бога, о единстве Божиим» [Дубровский 1905: 664]. Производящее для него существительное *унитарий* представляет собой латинизированный вариант (с суффиксом *-арий*) английского субстантивата *Unitarian*, появившегося, по-видимому, на базе словосочетания *Unitarian Church*. Позднее английское существительное было оформлено в русском языке с помощью суффикса *-ец* со значением лица — *унитариянец*. Такой вариант слова отмечается в письмах, работах Л. Н. Толстого 1880–1890-х гг., например, в письме Н. Н. Страхову (31 марта 1885 г.); В. Г. Черткову (8 марта 1897 г.); в работе «Религия и нравственность» (1893 г.).

Существительное *унитарий* было включено в русский язык в действие словообразовательного типа, по которому от субстантивов со значением лица образуются отвлеченные существительные с суффиксом *-ство* (со значением «религиозное направление», «общественное течение» и т. п. [Лопатин, Улуханов 2016: 640]), и появился дериват *унитаризм*. Он используется в письме Л. Н. Толстого 1884 г. в редко встречающемся в источниках фонетическом варианте *унитарьянство*: «Я часто удивляюсь раздражению, которое вызывает мое исповедание веры. Почему

протестантизм, унитарьянство, магометанство не вызывают такого раздражения?» (Гр. А. А. Толстой, 1884) [Толстой 1934: 201].

Конец XIX в. — время формирования декадентского направления в литературе и искусстве. В рецензии газеты «Новости дня» (1895, № 4495) о зарождении направления в русском театре было написано следующее: *«Символистическая драма начинает понемногу, пока робко, проникать и в русский театр. Почин принадлежит Петербургу, где у этого новорожденного направления имеется весьма влиятельный восприимчивый в лице А. С. Суворина»* [Чехов 1978: 451]. Отзываясь на эту рецензию в письме А. С. Суворину, А. П. Чехов использует существительное *декадентство* в качестве синонима к термину *символизм*: *«У нас в Москве шли “Тайны души” и, по-видимому, имели успех, хотя местные рецензенты как-то и почему-то стыдятся сознаться в этом. Вас в одной газете называли покровителем декадентства»* (А. С. Суворину, 1895) [Чехов 1978: 108].

Слово *декадентство* было образовано по той же модели, что и *унитарьянство*, и появилось как словообразовательный синоним к иноязычному (французскому) *декадентизм* (*decadentisme*). Существительное *декадентизм* включено И. А. Бодуэном де Куртенэ в третье издание словаря В. И. Даля (1903), вместе с тем, судя по источникам XIX в., оно было гораздо менее употребительным в речи в конце XIX — начале XX вв., чем *декадентство*.

Первую фиксацию неологизм *декадентство* получает в словаре Н. Гавкина: *«Декадентство — новейшее направление во французской литературе, не признающее для художника иного закона, кроме его собственного настроения, и отвергающее все выработанные до сих пор приемы и условия художественного творчества»* [Гавкин 1894: 113–114].

Отождествление понятий *символизм* и *декадентство* А. П. Чеховым неслучайно. Так, И. Э. Грабарь в работе «Моя жизнь» отмечал, что термин *декадентство*, появившийся в России в середине 1890-х гг. и переводимый с французского как «упадочничество», первоначально был довольно расплывчат: *«Декадентством было все, что уклонялось в сторону от классиков в литературе, живописи и скульптуре»* [Грабарь 1937: 126]. О том, что символизм и декадентство «часто сливаются», писал в 1893 г. В. Я. Брюсов, при этом поэт подчеркивал: *«Язык декадентов, странные, необыкновенные тропы и фигуры, вовсе не составляет необходимого элемента в символизме»* [Брюсов 1893: 27]. В качестве синонимов употребляет термины *символизм* и *декадентство* В. В. Розанов в работе «Декаденты»: *«Подъ именемъ символизма и декадентства разумъется новый род не столько поэзии, сколько стихотворческаго искусства, чрезвычайно резко отделяющийся по форме и содержанию отъ всехъ когда-либо возникавшихъ видовъ литературнаго творчества»* [Розанов 1904: 3–4].

Для сознания носителей русского языка во второй половине XIX в. специфическим был ряд концептов, связанных с новыми явлениями, тенденциями в жизни России или осмыслением каких-либо понятий. Например, социокультурными изменениями объяснялось появление таких неологизмов, как *черничество*, *штундизм*, *толстовство*, *толстовщина*, *достоевщина*, *обломовщина*, *хлестаковщина*, *базаровщина*; общественно-политическими процессами — *народничество*, *аракчеевщина*, *бакунизм* [Захарова 2022: 62]. Рассмотрим некоторые из них.

Существительное *черничество*, встречающееся в письме Л. Н. Толстого, выражало новое для конца XIX в. понятие: *«То же, что, как кажется, вам очень не нравится, что он между прочим говорит, что курсы, как ему кажется, не изменяют взгляда, то об этом, я думаю, никто спорить не станет. Шекерство, монашество, черничество в деревнях изменяет этот взгляд и так и исповедуется. Курсистки же, сколько я знаю, в этом отношении нисколько не отличаются от всех других женщин»* (Л. Е. Оболенскому, 1890) [Толстой 1953: 62].

Дериват *черничество* был образован с помощью суффикса *-ств* по модели со значением «действия, занятия, состояние, свойства лица, названного мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016: 640]. Мотивирующим для него было слово *черничка* (известное, судя по материалу НКРЯ, с конца XVIII в. в значении «монахиня») в новом для конца XIX в. значении, о котором можно судить по одному из контекстов в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (1895 г.). Так стали называть женщин, добровольно отказывавшихся от семьи и посвящавших свою жизнь служению людям — обучению детей и др.: *«Разъезжая по уезду, Устенка познакомилась в раскольниковых семьях с совершенно новым для нее типом женщины, — это были так называемые чернички. Они добровольно отказывались от замужества и посвящали свою жизнь обучению детей и разным душевспасительным подвигам. Причин для такого черничества в тяжелом складе народной жизни было достаточно, а на первом плане, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устенка сначала рассматривала этих черничек с любопытством, потом жалела их и, наконец, пришла к убеждению, что ведь и она, Устенка, тоже в своем роде черничка, интеллигентная черничка»* [НКРЯ].

В 1860-х гг. на юге России под влиянием протестантизма возникли религиозные секты, получившие название *штунда* [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1903: 937]. Штундизм зародился в первой половине XVIII века в Германии, но не составлял там отдельной секты. Члены этой организации собирались для чтения библейских текстов и бесед на религиозные темы в особые послеобеденные часы, преимущественно по праздничным дням [Булгаков 1913], отсюда название *штунда*: немецкое *Stunde* «час

(моления, чтения библии)» [Фасмер 2007: 481]. Первоначально для этого течения была характерна разнородность религиозных убеждений, но к середине XIX в. штундисты слились с баптистами, приняли баптистское вероучение и устройство общины. Штундисты, как и баптисты, отвергали православные таинства, посты и обряды, почитание креста, поклонение иконам и мощам и др. [Булгаков 1913].

В письмах Н. С. Лескова, интересовавшегося религиозными вопросами, в 1870-х гг. встречается и собирательное существительное *штунда*, и отвлеченное *штундизм*: «*Штундизм идет не столько от немцев, сколько от небрежения нашего собственного духовенства. У штунды теперь нет катехизиса, и я проведу параллели, чем штунда разнится с учением, изложенным в изъятom из обращения сочинении Новицкого*» (И. С. Аксакову, 1874) [Лесков 1958: 369–370].

Интересно происхождение термина *штундизм*. Несмотря на позднее отражение в русских словарях (с начала XX в.), полагаем, он был не заимствован, а образован в русском языке от *штунда* с помощью суффикса *-изм* по модели со значением «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом» [Лопатин, Улукханов 2016: 348]. В европейских лексикографических изданиях это слово фиксируется намного раньше, с 1869 г., но определение, которое ему дается (neue ruisische Sekte), свидетельствует о том, что под *stundisme* во французском и *Stundismus* в немецком языке понималось именно российское сектантское движение, противопоставившее себя православной церкви, оформившееся во второй половине XIX в. Косвенно об иноязычном для Европы происхождении этого термина говорит его неверная этимологизация: в качестве производящего называется не нарицательное *Stunde*, а фамилия *Stund* несуществовавшего основоположника религиозного течения: «*Stundisme s / m. Stundi'smus (neue ruisische Sekte, von Stund begründet)*» [Encyklopädisches Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache 1869: 292]. Русской сектой называется штундизм и во многих других французских и немецких изданиях второй половины XIX в., в то время как для немецкого языка было характерно название *братства «штунде»* [Вишневский 1897: 565].

В 1870-е гг. в русской литературе оформилось народническое направление, которое ставило своей целью сближение интеллигенции с крестьянством, изучение разных сторон народной жизни и отражение ее в произведениях. О зарождении народничества в одном из писем упоминает В. Г. Короленко: «*Да и вообще фигура Леники, писаревца и разрушителя авторитетов, немного анахронистична: дело ведь идет о конце семидесятых годов, а уже в начале семидесятых (мои первые годы студенчества)*

писаревищина была überwundener Standpunkt ("пройденный этап". — Ю. З.) и о "мыслящем реалисте" Писарева уже почти не говорили, так как сцену заполняло деятельное народничество» (П. Ф. Якубовичу, 1896) [Короленко 1956: 263–264].

Писатели-народники считали, что именно народ сохраняет общественные и этические начала, которые могут быть положены в основу социального переустройства: общинность, религиозные взгляды и т. д., — этим было обусловлено стремление интеллигенции «идти в народ», чтобы учиться у крестьянства. Судя по эпистолярным текстам, существительное *народничество* в более узком значении «изображение народной жизни, быта» могло приобретать негативно-оценочную коннотацию, в этом случае оно сближалось по семантике со словом *пейзанство* — «идиллическое, слащаво-фальшивое изображение крестьян в литературе, искусстве». В одном из писем В. Г. Короленко неологизм используется в составе словосочетания *слащавое народничество*: «Читая, невольно привязываясь и к Маланье, и к Федору, и к Титу с женой. Это большие и довольно редкие достоинства, но всего важнее то обстоятельство, что у вас нет **слащавого народничества** и народнического мистицизма» (М. Е. Селенкиной, 1889) [Короленко 1956: 106–107]. Ср. с примерами употребления слова *пейзанство*: «"Степь" — тема отчасти исключительная и специальная; если описывать ее не между прочим, а ради нее самое, то она прискучивает своею однотонностью и **пейзанством**» (А. П. Чехов — Д. В. Григоровичу, 1888) [Чехов 1975: 174]. «Находились "старые словесники", которые возмущались тьмъ, что в "Плотничьей артели" напущено столько грубого мужицья. Но публика и лучшая часть критики восхищалась необыкновенною жизненностью народных типовъ Писемскаго, ихъ замѣчательно-характерною рѣчью и отрпшеніемъ отъ всякаго **пейзанства** à la Григоровичъ» [Венгеров 1884: 114]; «Предрассудокъ этотъ укоренился подъ впечатленіемъ позднѣйшихъ крупныхъ романовъ Григоровича из народнаго быта: "Рыбаковъ" и "Переселенцевъ". Въ романахъ этихъ вы дѣйствительно видите много искусственнаго, дѣланнаго, сочиненнаго. <...> Что же касается до мелкихъ рассказовъ Григоровича, то къ нимъ вышеозначенный предрассудокъ никакого отношенія имѣть не можетъ. Въ рассказахъ этихъ все до послѣдней степени натурально, просто и непосредственно взято изъ жизни <...> Что можетъ быть неестественнаго и похожаго на французское **пейзанство**, напримѣр, хотя бы в личности захудалаго мужичонка Антона горемыки <...> или въ изображеніи сиротки скотницы Акулины» [Скабичевский 1891: 208–209].

В эпистолярной русской писателей второй половины XIX в. нашел яркое отражение процесс неологизации лексической системы, в частности пополнения ее отвлеченными существительными. Важным стимулом для

обновления словарного состава служило формирование в общественном сознании новых концептов, связанных со сферами политики, социологии, религии, культуры. Этот экстралингвистический фактор мог сочетаться с собственно языковым: наряду с заимствованными лексемами в русском языке появлялись параллельные образования (дериваты), заполнявшие словообразовательные системные лакуны. Сопоставление материала писем, НКРЯ и других источников позволяет увидеть более широкий круг значений неологизмов, чем тот, что отражен в словарях XIX в., наряду с нейтральными значениями обнаружить коннотативно окрашенные, пронаблюдать процесс формирования семантики неолексем, уточнить этимологию и словообразовательную структуру некоторых слов, их синтагматические и парадигматические связи.

Источники

Аксаков И. С. Всемирно-историческое призвание России // Полное собрание сочинений И. С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2: Славянофильство и западничество: статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. С. 797–813.

Арсеньев К. К. Петрушевский Ф. Ф. (ред.). Энциклопедический словарь. Т. 10. СПб., 1893. 486 с.; Т. 18а. СПб., 1896. 494 с.; Т. 39а. СПб., 1903. 494 с.

Брюсов В. Я. Русские символисты (1893) // Сочинения. Т. 6. Статьи и рецензии. 1893–1912. М.: Худож. лит., 1975. С. 27.

Булгаков С. В. Краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях и проч. (Справочник по ересь, сектам и расколам) // Настольная книга для священноцерковнослужителей. 3-е изд., испр. и доп. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. С. 1592–1745 [Электронный ресурс]. URL: https://bulgakov_heretics.academic.ru/232/штундизм (дата обращения 07.03.2025).

Венгеров С. А. Алексей Феофилактович Писемский: Критико-биографический очерк. СПб.–М.: Т-во М. О. Вольф, 1884. 192 с.

Вишневский Н. Л. Немецкий пастор о русском штундизме // Миссионерское обозрение. Июль. Кн. 1. 1897. С. 563–578.

Гавкин Н. Карманный словарь иностранных слов. 4-е изд. Киев: Ф. А. Иогансон, 1894. 600 с.

Грабарь И. Э. Моя жизнь: автобиография. М.–Л.: Искусство, 1937. 375 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Сочинения Н. Я. Данилевского. 5-е изд. СПб.: Н. Страхов, 1895. 629 с.

Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней / Изд. А. А. Ступина. 21-е изд. М., 1905. 768 с.

Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. 1879–1921. М.: Гослитиздат, 1956. 717 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1958. 598 с.

Михайлов К. Н. Никитский женский монастырь в Москве: Исторические разыскания по московским древностям и по дому бояр Романовых. СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1901. 259 с.

Павленков Ф. Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Составлен по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. 714 с.

Розанов В. В. Декаденты. СПб.: Тип. П. Ф. Воицкой, 1904. 24 с.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб.: Ф. Павленков, 1891. 523 с.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Письма. Т. 63. М.–Л.: Худож. лит., 1934. 523 с.; Т. 65. М.–Л.: Худож. лит., 1953. 373 с.; Т. 85. М.: Худож. лит., 1935. 463 с.; Т. 88. М.: Худож. лит., 1957. 353 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. 587 с.; Т. 5. М.: Наука, 1977. 678 с.; Т. 6. М.: Наука, 1978. 778 с.

Encyklopädisches Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache: in 2 Bänden. B. 2. Berlin-Schöneberg: Langenscheidtsche, 1869. 707 p.

Литература

Захарова Ю. Г. Русская неология второй половины XIX века в зеркале эпистолярного текста. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2022. 178 с.

Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. Словарь русского языка XIX века как историко-лексикологическое исследование нового типа // Язык и метод: Русский язык в исследованиях XXI века. Т. 3: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / Под ред. Д. Шумской, К. Озги. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. С. 35–42.

Калиновская В. Н., Эзериня С. А. Семантические девиации русской лексики XIX века: взгляд лексикографа // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017. С. 145–151.

- Калиновская В. Н., Эзериня С. А. Семантические деривации в русском языке XIX века: системное и индивидуально-авторское // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 19. Материалы международной научной конференции «Вторые Григорьевские чтения: Неология как проблема лингвистической поэтики». М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2019. С. 77–84.
- Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX — начала XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2009. 47 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 28.10.2024).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Астрель: АСТ, 2007. 860 с.

References

- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [The etymological dictionary of Russian language. In 4 vols.]. Vol. 4. Moscow, Astrel, AST Publ., 2007. 860 p.
- Kalinovskaya V. N., Ezerinya S. A. [Semantic deviations in the Russian vocabulary of the XIX century: a lexicographer's perspective]. *I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–23 sentyabrya 2017 g.* [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects. A collection of papers presented to the international scientific and practical conference, September 21–23, 2017]. Ryazan, Ryazan S. A. Esenin State University Publ., 2017, pp. 145–151. (In Russ.)
- Kalinovskaya V. N., Ezerinya S. A. [Semantic derivations in the Russian Language of the 19th Century: System and Individual Authorship]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 19. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Vtorye Grigorevskie chteniya: Neologiya kak problema lingvisticheskoi poetiki»* [Proceedings of the Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov. Iss. 19. Proceedings of the International Scientific Conference “Second Grigoriev Readings: Neology as a Problem of Linguistic Poetics”]. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 77–84. (In Russ.)
- Kalinovskaya V. N., Starovoitova O. A. [Dictionary of the Russian Language of the 19th Century as a Historical and Lexicological Study of a New Type]. Shumska D., Ozga K. (eds.). *Yazyk i metod: Russkii yazyk v issledovaniyakh XXI veka. T. 3. Lingvisticheskii analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Language and Method: Russian Language in the Research of the 21st Century. Vol. 3. Linguistic Analysis on the Verge of Methodological Failure]. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016, pp. 35–42. (In Russ.)

Ю. Г. Захарова. Неологизация русского языка второй половины XIX в.: об истории некоторых... существительных
Yu. G. Zakharova. Neologization of the Russian Language in the Second Half of the 19th Century: on the History...

Kas'yanova L. Yu. *Kognitivno-diskursivnye problemy neologizatsii v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka.* Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late 20th – early 21st centuries. Dr. phil. sci. diss. abstract]. Astrakhan, 2009. 47 p.

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Nacionalnyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 28.10.2024).

Zakharova Yu. G. *Russkaya neologiya vtoroi poloviny XIX veka v zerkale epistolyarnogo teksta* [Russian neology of the second half of the 19th century in the mirror of an epistolary text]. Khabarovsk, Pacific State University Publ., 2022. 178 p.

Латинские вкрапления в славянских версиях «Церковных анналов» Цезаря Барония (XVII век)

Мария Олеговна Новак, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
mariaonovak@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611725060078

аннотация: Статья посвящена рецепции латинских вкраплений в славянских версиях «Церковных анналов» Цезаря Барония. Рассмотрены основные характеристики вкраплений в польском переложении Петра Скарги и приемы их передачи в церковнославянских переводах конца XVII — начала XVIII вв. Установлено, что версии 1689 г., сохранившейся в рукописи РГБ ф. 256 № 15, присуща склонность к переводу вкраплений либо их заимствованию и грамматической адаптации, тогда как издание 1719 г. предпочитает транслитерацию и воспроизведение латинских форм. В рамках грамматической адаптации возможны смена грамматического рода и переосмысление синтаксических связей в контексте. В тех случаях, когда вкрапление сопровождается пояснением, отношения с переводимым польским текстом могут быть различны; также возможны дополнительные комментарии при отсутствии таковых у Скарги. Как особая группа рассмотрены антропонимы, которые в польском переложении могут либо обладать всеми признаками вкраплений, либо демонстрировать результаты фонетической и/или грамматической адаптации. Для восточнославянских версий характерно преобладание грамматически адаптированных форм и графико-фонетическое варьирование. С этой точки зрения интересен контраст

рукописей РГБ ф. 256 № 15 и № 16: в первой наблюдается тенденция к орфографической грецизации, во второй личные имена могут отражать живое диалектное произношение. В целом рукопись № 15 при передаче латинских вкраплений демонстрирует тенденции, характерные для переводов Чудовского круга второй половины XVII века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Цезарь Бароний, «Церковные анналы», славянские переводы, латинские вкрапления, переводческие техники, Чудовский книжный круг

для цитирования: Новак М. О. Латинские вкрапления в славянских версиях «Церковных анналов» Цезаря Барония (XVII век) // Русская речь. 2025. № 6. С. 96–110. DOI: 10.31857/S0131611725060078.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря», <https://rscf.ru/project/24-28-00240/>).

From the History of the Russian Language

Latin Inclusions in Slavic Versions of Caesar Baronius “Ecclesiastical Annals”

Maria O. Novak, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), mariaonovak@gmail.com

ABSTRACT: The article focuses on Latin inclusions in the Slavic versions of Caesar Baronius “Ecclesiastical Annals”. The author analyzes main characteristics of the inclusions in Piotr Skarga Polish translation and the methods of their transmission in Church Slavonic translations from the late 17th — early 18th centuries. The analysis discovers that the version preserved in a Russian State Library manuscript (f. 256, no. 15, 1689) tends to translate inclusions or adapt them grammatically as loanwords, while the 1719 edition

prefers transliteration and reproduction of Latin forms. Within grammatical adaptation, a change in grammatical gender and syntactic re-invention in context are possible. When the insertion is accompanied by an explanation, correlations with the translated Polish text may be different; additional comments are also possible whereas Skarga does not have any. As a specific group, the author analyzes anthroponyms; in Polish translation, they can either have all features of the inclusions or demonstrate the results of phonetic and/or grammatical adaptation. Predominance of grammatically adapted forms and graphic-phonetic variation both characterize East Slavic versions. From this point of view, there is an interesting contrast between the manuscripts of the Russian State Library f. 256 no. 15 and no. 16: the former presents a tendency towards graphic Greekization, while in the latter, personal names may reflect a colloquial dialect pronunciation. In general, manuscript no. 15 demonstrates tendencies common for the Chudov circle translations from the second half of the 17th century when transmitting Latin inclusions.

KEYWORDS: Caesar Baronius, “Ecclesiastical Annals”, Slavic translations, Latin inclusions, translation techniques, Chudov literary circle

FOR CITATION: Novak M. O. Latin Inclusions in Slavic Versions of Caesar Baronius “Ecclesiastical Annals”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2025. No. 6. Pp. 96–110. DOI: 10.31857/S0131611725060078.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study is financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00240 “Cultural and Linguistic Interaction in the Pre-Petrine Era: Translations from Polish by the Scribes of Moscow Chudov Monastery”, <https://rscf.ru/project/24-28-00240/>).

0. Общие замечания

Семнадцатое столетие — время интенсивных культурных контактов Московской Руси с Западной Европой и расширения функциональных возможностей церковнославянского языка [Успенский 1994], что во многом определяет и судьбу русского литературного языка. Важным фактором культурно-лингвистического диалога становятся разнохарактерные тексты, переведенные с латыни и польского; не все они, однако, изучены так, как того заслуживают. В центре нашего внимания — славянские версии латинской хроники «Церковные анналы» («*Annales Ecclesiastici*», 1588–1607), созданной римским кардиналом и историком Цезаре Баронио, или Цезарем Баронием.

Двенадцатитомный труд Барония (он, скорее всего, продолжал бы свою летопись, если бы не его кончина в 1607 г.) был переведен вначале на польский язык. Автором перевода, или, вернее, краткого переложения «Roczne dzieie kościelne» [Roczne dzieie 1607], был выдающийся проповедник, писатель, первый ректор Виленского университета Петр Скарга, столь же масштабная фигура католической Контрреформации, как и Бароний. Во второй половине XVII в. появились церковнославянские переводы (подробнее см. [Николаев 2008; Новак 2022]).

Один из этих переводов, сохранившийся в рукописи, датированной 1689 г. (РГБ, ф. 256, № 15, далее Рум15), привлек наше внимание наличием в нем черт, присущих переводам книжников Чудова монастыря — Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского и других. Чтобы доказать предположение о принадлежности данной версии текста перу Чудовских филологов, в настоящее время предпринимается анализ различных лексических пластов источника в сопоставлении с польским и (по мере необходимости) латинским текстом, а также с другими версиями «Анналов». Так, до некоторой степени уже описаны употребление в Рум15 словосложений, глаголов с показателем -ств-, а также переводческие решения, связанные с заимствованной лексикой. В частности, было выяснено, что версии Рум15 свойственна переводческая стратегия замены хорошо освоенных латинизмов польского текста «Анналов» либо грецизмами, давно известными церковнославянской книжной традиции, либо славянскими образованиями: *konsul/consul* — *вѣнѣтъ*, *senator* — *сигклитикъ*, *Tribun/Trybun* — *тысячникъ/тысуцникъ*, *Doktor* — *учитель*, *mandat* — *повельніе* и т. п. [Новак 2024а; Новак 2024б], что весьма характерно для переводческой техники Чудовского круга (подробнее см. [Пентковская 2018]). В данной статье предлагается обсудить способы передачи в Рум15 иноязычных вкраплений латинского происхождения, присутствующих в переложении Скарги. С этой целью сформирована контролируемая выборка из 60 позиций, в которой более 75% составляют апеллятивы (небольшая группа антропонимов рассмотрена отдельно в силу их специфического «поведения» в польском источнике). Для оценки переводческих решений Рум15 к анализу привлекается материал других церковнославянских версий хроники, а именно: полонизированного перевода, сохранившегося в рукописи XVII в. (РГБ, ф. 256, № 16, далее Рум16), и перевода, вошедшего в издание 1719 г. (приводится по репринтному переизданию [Дѣяніа 1913–1915]). Данные Рум16 будут приводиться sporadически, поскольку этот источник представляет сильно сокращенную версию хроники и многие контексты, заслуживающие внимания, там отсутствуют.

1. Пути передачи вкраплений

Латинские вкрапления в тексте Скарги представляют наименования течений в христианстве, религиозных артефактов и практик, литературных форм, топонимы, антропонимы и т. п. Это могут быть как отдельные лексические единицы, так и словосочетания. Их отличают:

- орфографическая и/или грамматическая неосвоенность;
- графическая маркированность (в издании польского текста они, как правило, набраны разновидностью антиквы, в отличие от основного текста хроники, набранного разновидностью готического шрифта);
- возможность разного рода комментариев-пояснений.

Отметим следующие способы передачи вкраплений в восточнославянских источниках: перевод; кириллическая транслитерация; заимствование с грамматической адаптацией, которая предполагает в случае имен существительных (а речь идет главным образом о них) усвоение славянского деklinационного типа с соответствующими флективными показателями, а также различные морфосинтаксические преобразования; сохранение латинского написания в том же виде, что и в тексте Скарги. В Рум15 возможно, хотя и редко (всего два случая) простое опущение лексической единицы.

Какие из этих приемов преобладают в Рум15? Приведем некоторые иллюстрации в таблицах. В первой таблице покажем «единодушие» переводческих решений, во второй — вариации по источникам.

Таблица 1. Приемы передачи латинских вкраплений: единообразие

Table 1. Conveying Latin inclusions: uniformity

Прием	Текст Скарги	Рум15	Издание 1719 г.
перевод	Aureum numerum (s. 195)	златое число (л. 339 об.)	златое число (с. 231 об.)
заимств. и его грам. адаптация	vulgatas ie zowięc (s. 118); Herculanum (s. 60); Montenfes (s. 127)	вулгаты их име- нующе (л. 207 об.); Геркулянь (л. 122 об.); монтаны (л. 225)	вулгатами нари- цающе (л. 142 об.) Геркулянь (с. 74); монтенсы (с. 125 об.)
кириллич. транслит.	Veftales zwano (s. 61)	весталесь нари- цахуса (л. 124)	весталесь нари- цахуса (с. 75 об.)

Даже небольшое число примеров показывает, что в источниках преобладает вариативность. При этом Рум15 тяготеет либо к заимствованию, способному к грамматической адаптации, либо к переводу; последнее хорошо

Таблица 2. Приемы передачи латинских вкраплений: вариации

Table 2. Conveying Latin inclusions: variations

Прием	Текст Скарги	Рум15	Рум16	Издание 1719 г.
перевод / лат. написание	Decretales, Breues (s. 82)	завѣтна : Краткая (л. 153)	--	Decretales, Breues (с. 99)
заимств. и его грам. адаптация / лат. написание	ad Aquas Saluias (s. 53); Circumcelliones (s. 204); Fermentum (s. 179)	ко аквамъ салвїамъ (л. 111); киркумцелионы (л. 354); ферментъ (л. 311)	-- -- --	Ad aquas Saluias (с. 64 об.); Circumcelliones (с. 240); Fermentum (с. 212)
перевод / кириллич. транслит.	Galilæa gentium (s. 9); Veftales (s. 110); Rogationes (s. 456)	Галилеа языковъ (л. 26); дѣвы обѣтованны (л. 194 об.); прошения (л. 788 об.)	галилеа гентіумъ (л. 206.) -- --	Галилеа языковъ (с. 12); весталесь (с. 133); рогаціонесь (с. 538)
заимств. и его грам. адаптация / кириллич. транслит.	Veftales zwali (s. 10); (Ná gorze) Vefuius (s. 60); Titulus paftoris (s. 84); (Na mieyſce ktore) Ianiculum abo Vaticanum zwano (s. 53); Pompeium (s. 60)	весталами именоваху (л. 28 об.); (на горѣ) весувїй (л. 122) Титло пастырское (л. 158 об.); (На мѣстѣ еже) яникуль или ватыканъ зовомъ (л. 111); по ^м пеи (л. 122 об.)	-- (Гора) весувїусъ (л. 14 об.) -- --	весталесь нарицаху (с. 13 об.); (На горѣ) Везувїй (с. 74) титлуось Пасторись (с. 103) (На мѣсто...) Яникулумъ, или Ватиканумъ (л. 64); Помпеїумъ (с. 74)

вписывается в ранее выявленную тенденцию передавать латинизмы с помощью славянских лексем. Так, из 47 контекстных вхождений-апеллятивов 28 представляют грамматически адаптированные заимствования. Отдельного комментария заслуживают вариации в передаче латинского *Vestales*; данная форма и ее корреляты неслучайно присутствуют в обеих таблицах, поскольку хорошо показывают разнообразие возможных контекстных решений. Как видим, в Рум15 нет определенности в отношении данного вкрапления: оно может передаваться посредством как транслитерации (*весталесъ*), так и перевода (*дѣвы обѣтованны*) и заимствования (*весталами*).

Издание 1719 г. предпочитает транслитерацию или воспроизведение латинской лексической единицы (последнее отмечено в предисловии к изданию как принципиальная переводческая позиция: «Многая реченія, мѣсть, и книгъ, и вещей, и прочихъ... здѣ не преведена воспоминаются... Понеже отъ сицеваго употребленія, лучше знаема суть, неже отъ превода» [Дѣланіа церковныа 1913: 6 об.]).

Интересны графико-орфографические и фонетические моменты внутри кириллической транслитерации: так, Рум15 в случае *киркункеллионы* (наименование странствующих монахов) отражает стремление грецизировать форму; *ватыканъ* фиксирует на письме польское либо рутенское произношение; печатная версия 1719 г. в случае *титуюльъ* демонстрирует смягчение сонорного в соответствии с латинской нормой.

2. Грамматическая адаптация: изменения в грамматическом роде

Грамматическая адаптация может включать в себя не только усвоение какой-либо одной деклинационной модели, что было упомянуто выше, но и «вариации на тему» грамматического рода и типа склонения, которые затрагивают в основном топонимы. См. материал таблицы:

Таблица 3. Деклинационные изменения в процессе освоения вкраплений
Table 3. Declension changes in inclusions adaptation

Текст Скарги	Рум15	Рум16	Издание 1719 г.
Na gorze Vesuiius (s. 60)	На горѣ Весувіи; там же маргинальная глосса «гора Весувіа» (л. 122)	Гора весувіусъ (л. 14 об.)	На горѣ Везувій (с. 74)
Wesuuius w Kampaniey y Etna w Sycyliey (s. 60)	весувія в кампаніи и ѣтна в сикиліи (л. 122 об. — 123)	--	Везувій въ Кампаніи и Етна въ Сициліи (с. 74 об.)
Nicopolim ie nazywaiąc (s. 58)	нікополію его именующи (л. 118)	--	Нікополемъ его нарекъ (с. 70 об.)

В Рум15 мы обнаруживаем предпочтение форм женского рода. Возможно, это провоцирует либо ближайший контекст (*гора Везувий*), либо корректное воспроизведение граммемы греческого по происхождению топонима Nicopolis (образования женского рода; в приведенном контексте употреблена форма аккузатива); версия 1719 г. ведет себя «зеркально»: в случае с Везуviем ориентируется на грамматический род источника, а в случае с Никоподем — на контекст, в котором упоминается первоначальное наименование населенного пункта — Эммаус (также мужского рода): «...Веспасiанъ, осмъ сотъ стражей токмо оставивъ, иже во Еммаусѣ пребываху, Нiкополемъ его нарекъ».

3. Морфосинтаксические преобразования в связи с вкраплениями

Синтаксические изменения возможны там, где латинское вкрапление представляет собой словосочетание; нередко в них вовлекаются топонимы. Приведем несколько наиболее интересных случаев.

Таблица 4. Пересмотр синтаксических связей при переводе вкраплений

Table 4. Revision of syntactic connections when translating inclusions

Текст Скарги	Рум15	Издание 1719 г.
(po Łacinie) Taurica Cherfoneffus (s. 68–69)	(Латински же) Таѳрика Херсѡненсисъ (л. 136)	(латински) Таврика херсонская (с. 85)
(piše sie) Vniuerfalis Aroftolicæ Ecclefiæ Episcopus (s. 82)	(пишется) повсемственныя, или повсюдныя и апсльскія цркви епѣкпъ (л. 153)	(нарицается) вселенскимъ епископомъ апостолскаго престола (с. 99)
Pawła ś. wiedziono ad Aquas Saluias (s. 53)	апѣла Паѳла изведоша ко аквамъ салвїямъ (л. 111)	Павель же святыи ведень Ad aquas Saluias (с. 64)

Первый контекст упоминает крымский («Таврический») Херсонес в рамках повествования о священномученике папе Клименте. Для лучшего понимания ситуации в славянских версиях следует привести оригинальное чтение из Барония: in Taurica Chersoneso [Annales ecclesiastici II: 4]. Обе формы аблатива указывают на место; начальная форма обычно переводится на русский язык как «Херсонес Таврический» (в отличие от Херсонеса Фракийского, см. [Дворецкий 1976: 177]). Польский текст представляет номинативную форму Chersonesus, получившую (не исключено, что в результате опечатки) лишнее -s-. Версия Рум15 идет

далее и интерпретирует второй элемент словосочетания как зависимое прилагательное, причем образовывает его по латинской модели (ср. *Athēniēnsis* < *Athēnae* ‘афинский’, *castrēnsis* < *castra*, *castrum* ‘относящийся (принадлежащий) к лагерю, лагерный; придворный’, *Carthāginiēnsis* < *Carthago* ‘карфагенский’ и т. п. [Дворецкий 1976: 110, 159, 162]). В издании 1719 г. реализованы те же отношения «существительное + прилагательное от топонима», но последнее представляет славянский словообразовательный тип. Таким образом, в восточнославянских источниках изначально опорное *Херсонес* (Таврический) становится определением к *Таврика*. Употребление в Рум15 латинской словообразовательной модели соотносится с использованием Чудовскими книжниками латыни как одного из своих рабочих языков (подробнее см., например, [Thompson 2023]).

Во втором контексте налицо два прочтения титулования папы Сикста. В Рум15 прилагательное *Uniuersalis* трактуется как форма генитива, относящаяся к Церкви (*Apofolicae Ecclefiae*), при этом переводится дважды; издание 1719 г. отражает понимание *Uniuersalis* как номинативной формы, характеризующей епископа (при этом используется предикативный творительный); кроме того, данная версия заменяет «Церковь» на «престол», отсылая тем самым к понятию епископской кафедры (в отличие от Церкви как собрания верующих).

Последний случай интересен адаптацией римского топонима (в итальянской столице до сих пор существует улица под названием *Via di Acque Salvie*). Аккузативная форма множественного числа с пространственным значением *ad Aquas Saluias* вполне корректно перекодирована в Рум15 в плюральную форму существительного того же типа склонения в дательном падеже с соответствующим предлогом. В издании 1719 г. выражение оставлено без перевода.

4. Комментарии к вкраплениям

Как было сказано выше, иноязычные элементы могут сопровождаться пояснениями. Как именно последние представлены в славянских версиях «Анналов»? Рассмотрим возможные ситуации.

Примеры в таблице позволяют увидеть три возможности. Первая состоит в том, что пояснения присутствуют в польском тексте и передаются в обоих церковнославянских источниках (случай с *Fermentum*); вторая — в том, что переводится пояснение, но не само вкрапление (случай с *Quinquennalia* в издании 1719 г.); наконец, возможна ситуация, в которой тот или другой источник добавляет свои комментарии при отсутствии таковых у Скарги (*Donatiftæ Montenfes* и *Aquas Saluias* в Рум15, *Thermæ Nouati* в версии 1719 г.).

Таблица 5. Комментарии к вкраплениям: вариации

Table 5. Comments on inclusions: variations

Текст Скарги	Рум15	Издание 1719 г.
Fermentum. To iest chleb kwásny (s. 179)	ферментъ. ква ^с . се есть хлѣ ^б квашеный (л. 311)	Fermentum ciestъ хлѣбъ квасный (с. 212)
Tego roku Quinquennalia, to iest 25 ₊ rok pánftwá fwego... święcił... (Konstántynus) (s. 203)	В лѣто сіе, пятилѣтняя, си есть .кѣ.е лѣто... торжествоваше (л. 353 об.)	Тогоже лѣта двадесять пятое лѣто... праздно-ваше (с. 239 об.)
zwáli fię ciż Donatiftæ Montenfes (s. 187)	именовахуся тиі донатисты монтенси, се есть Горовы. или Горние (л. 324 об.)	нарицахуся тиі же донатисты нагорными (с. 221)
Pawła ś. wiadziono ad Aquas Saluias (s. 53)	апсла Паўла изведоша ко аквамъ салвіямъ [яже глѣтся славенскимъ языкомъ ввды спасенныя] (л. 111)	Павель же святыи ведень Ad aquas Saluias (с. 64)
Thermæ Nouati (s. 84)	Полатѣ новатіановы (л. 158 об.)	Thermæ Nouati сирѣчь теплицы наватовы (с. 103)

Во всех версиях пояснения вводятся с помощью уточняющих дискурсивов *to iest*, *cu / se est*, *сирѣчь*. Особый развернутый комментарий с отсылкой к «славенскому языку» получает форма *ко аквамъ салвіямъ*, трактуемая как «воды спасенныя» благодаря близости основ *salvia* ‘шалфей’ и *salvo* ‘спасать’ (относительно происхождения древнего римского топонима *ad Aquas Salvias* существует несколько мнений; одно из них связывает появление названия именно с шалфеем, обладающим целебными свойствами и, возможно, ассоциированным с культом некоего языческого божества [Trium Fontium 2018]).

Контекст *именовахуся тиі донатисты монтенси се есть Горовы. или Горние* интересен попыткой деклинационного освоения заимствования *монтенси* и двумя вариантами его перевода, данными в пояснении. При этом первый вариант демонстрирует не слишком частотную словообразовательную модель (гора > горовы), поскольку славянские прилагательные на -ов образуются от основ существительных женского рода на -а гораздо реже, чем от основ мужского рода [Вайан 2007: 159–160]. Перед нами своего рода окно в кабинет переводчика, в котором идет поиск средств выражения, и это, как и предыдущий случай, вполне отвечает «барочному

отношению к языку» Чудовских филологов, замеченному исследователями [Thompson 2023: 69–70].

Отказ от перевода формы *Quinquennalia* в версии 1719 г. может быть связан с некоторой семантической сложностью, вызванной соседством самого термина и пояснения к нему: словосложение *quīnquennālis* (*quinque* ‘пять’ + *annus* ‘год’) может означать как ‘пятилетний’, так и ‘происходящий раз в пять лет’ [Дворецкий 1976: 846]. По-видимому, переводчики не приняли во внимание второго значения, так что логика контекста разрушилась (стало непонятно, о чем все же речь — о пяти годах или о двадцати пяти?). Рум15 не отказывается от перевода и предлагает структурную кальку *пятильтная*, что не способствует, однако, разрешению семантического противоречия.

5. Антропонимы как латинские вкрапления

Для полноты картины сделаем несколько замечаний относительно передачи антропонимов в славянских версиях «Анналов». В польском тексте личные имена греческого и латинского происхождения нестабильны в смысле графической и грамматической освоенности: они могут обладать или не обладать признаками иноязычного вкрапления. Так, например, у Скарги *Iustinus*, *Irenæus* у *Eusebius* (s. 28), *Sixtus Quintus* (s. 239) и т. п. имена выделены графически (разновидностью антиквы) и сохраняют грамматические показатели латинских существительных мужского рода. Что касается случаев неустойчивости, то иногда имя оказывается освоенным частично, а иногда — полностью: ср. *Dioklecianus* vs. *Dioklecyan*, *Licynius* vs. *Liciniusz* (s. 182; лат. *Diocletianus*, *Licinius*). Двусоставные имена также могут демонстрировать отсутствие единообразия. Так, имя философа-неопифагорейца Аполлония Тианского может выглядеть в контексте так: *czárowniká Apoloniůśá Туанæум* (s. 62); здесь имя собственное освоено с точки зрения графики, словообразования и грамматики, топонимическое прозвище, набранное антиквой, — нет.

Церковнославянские версии могут демонстрировать либо единообразие в орфографии имен: *Диоклитіанъ*, *Ликиній* (Рум15 л. 315 об. — 316; Рум16, л. 69; 1719 г., с. 215 — нетрудно при этом заметить предпочтение всеми источниками греческого фонетического образца), либо колебания: *Fæliciffimus* (Скарга, s. 127) — *Феликиссимъ* (Рум15, л. 225) vs. *Филициссимъ* (1719 г., с. 152 об.). В рукописи Рум16 замечено явление, напоминающее результаты фонетической гиперкоррекции, характерной для русской диалектной речи: (*оѣа*) *кибуркина* (л. 114) при *Тубурциуśá* (Скарга, s. 312), *Тивуртіа* (Рум15, л. 545 об.), (*сынъ*) *Тивуркіевъ* (1719 г., с. 367). Ср., например, гиперизмы *кетрадь*, *кетрадка* (тетрадь, тетрадка), *кеят(е)р* и *кеятра*,

киа(н)тер, киятер (театр) с широким ареалом распространения в северно-и среднерусских говорах [Филин (гл. ред.) 1977: 191–192]; подробнее об их фонетической природе см. [Касаткин 1987: 42–43].

Рум15 выделяется на общем фоне склонностью к орфографической грецизации — так же, как и в случаях с апеллятивами, рассмотренными выше.

Грамматическая адаптация, как видно из уже приведенных примеров, также преобладает в источниках; воспроизведение латинской финали в номинативе, столь характерное для освоения антропонимов иностранного происхождения в обсуждаемый период (см. [Биржакова 1972; Демьянов 2001]), возможно, но редко: ср. в Рум15 *тертулиануъ* (л. 69 об.), но *тертулианъ* (л. 65 об.), *тертулиана* (л. 69) и т. п.

6. Заключение

Проведенный анализ иноязычных вкраплений латинского происхождения в различных славянских переводах «Церковных анналов» Цезаря Барония позволяет сделать следующие выводы.

1. В польской версии «Анналов» латинские вкрапления не освоены грамматически и, как правило, выделены графически; пестрая картина наблюдается в группе антропонимов, которые могут двигаться по пути освоения польской фонетикой и грамматикой.

2. Версия Рум15 демонстрирует склонность к переводу таких вкраплений либо к их заимствованию с грамматической адаптацией, которая может выражаться в переосмыслении родовой характеристики и/или вовлечении в славянский деклинационный тип; это соответствует установкам переводчиков Чудовского круга, стремившихся и к переводу хорошо освоенных латинизмов.

3. Также в Рум15 отмечены случаи внесения в текст пояснений, не имеющих эквивалентов в польском тексте, словообразовательного творчества и синтаксических преобразований, что также характерно для переводов Чудовского круга.

4. Версия 1719 г. предпочитает такие приемы передачи вкраплений, как сохранение латинского написания либо кириллическая транслитерация латинской формы; Рум16, при всей скудости материала, также обнаруживает некоторую склонность к транслитерации без грамматического освоения (*гентииу(мъ)*, *весувиуъ*).

5. В отношении фонетической адаптации важно отметить тяготение Рум15 к грецизации слов латинского происхождения, как апеллятивов, так и антропонимов (*киркумкеллионы*, *Феликиссимъ*, *Тивуртий*); в Рум16, напротив, возможно влияние живого произношения (*кибуркинъ*).

Источники

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Дѣланіа церковныа и гражданскіа. Кн. 1–3. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913–1915. (Приложение к журналу «Старообрядческая мысль»; воспроизведение издания 1719 г.).

Рум15 — Лѣтодѣланіа црковныа... избранныя из лѣтодѣяній црковныхъ Кесаря Бароніа. РГБ, ф. 256, № 15. 1689 г. 827 лл. 1°, скоропись. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15> (дата обращения 31.12.2024).

Рум16 — Годовыа дѣла церковныа въкратѣцѣ собраны... Выбраны из годовыхъ дѣлъ црковныхъ. Цесаря Бараніуша, названы аннале^с еклесиастики. есть лѣтописецъ црковный. РГБ, ф. 256, № 16. Кон. XVII в. 921 лл. 1°, полуустав. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-16> (дата обращения 03.01.2025).

Annales ecclesiastici. Auctore Caesare Baronio. T. 1–12. Coloniae: Gymnicus, Hieratus, 1601–1608. URL: Münchener Digitalisierungs Zentrum, Digitale Bibliothek. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/search?filter=volumes%3A%22bsb10938809%2FBV040660555%22> (дата обращения 03.01.2025).

Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwaných Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę. W Krakowie, Roku P. 1607. 1159 s.

Литература

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку: пер. с фр. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 446 с.

Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001. 409 с.

Касаткин Л. Л. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты: лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 41–51.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

Новак М. О. «Не велел Ориген книг толковать»: комментарии и глоссы в восточнославянском переводе «Церковных анналов» Барония XVII века // Slavistica Vilnensis. 2022. Vol. 67 (1). P. 41–57.

Новак М. О. Наименования должностных лиц в славянских переводах «Церковных анналов» Барония (XVII в.) // LII Международная научная филологическая конференция

имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 19–26 марта 2024 года, Санкт-Петербург: сборник тезисов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024а. С. 1075–1076.

Новак М. О. Церковнославянская версия «Церковных анналов» Цезаря Барония и переводы Чудовского круга XVII века: сопоставительный анализ лексики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2024б. Т. 23. № 6. С. 39–48.

Пентковская Т. В. «Слово о милости» в московском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: особенности языка и переводческой техники // XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 82–101.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Калун – Кобза. Л.: Наука, 1977. 358 с.

Thompson W. R. Epifanii Slavinskii's Greek–Slavonic–Latin Lexicon between East and West. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2023. 412 p.

Trium Fontium ad Aquas Salvas // Romano Impero. Copyright 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.romanoimpero.com/2018/05/trium-fontium-ad-aquas-salvas.html> (дата обращения 25.12.2024).

References

Birzhakova E. E., Voinova L. A., Kutina L. L. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on Historical Lexicology of the Russian Language from the 17th Century. Language Contacts and Borrowings]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 431 p.

Dem'yanov V. G. *Inoyazychnaya leksika v istorii russkogo yazyka XI–XVII vekov. Problemy morfologicheskoi adaptatsii* [Foreign-Language Vocabulary in the History of the Russian language from the 11th–17th centuries. Morphological Adaptation Issues]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 409 p.

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 358 p.

Kasatkina L. L. [Types of Phonetic Hyperisms in Russian Dialects]. *Russkie dialekty: lingvo-geograficheskii aspekt* [Russian Dialects: Linguistic and Geographic Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 41–51. (In Russ.)

Nikolaev S. I. *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish and Russian literary relations of the 16th–18th centuries: bibliographic materials]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008. 248 p.

- Novak M. O. ["Origen Did Not Allow Interpreting Books": Comments and Glosses in the 17th-Century East Slavic Translation of Baronius' "Annales Ecclesiastici"]. *Slavistica Vilnensis*, 2022, vol. 67 (1), pp. 41–57. (In Russ.)
- Novak M. O. [Names of officials in Slavic translations of Baronius "Ecclesiastical Annals"]. *LII Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Ludmily Alekseevny Verbickoi, 19–26 marta 2024 goda, Saint-Petersburg: sbornik tezisev* [52nd international philological conference named after Ludmila Verbickaia, March 19–26 2024, St. Petersburg: a book of proceedings]. St. Petersburg Univ. Publ., 2024a, pp. 1075–1076. (In Russ.)
- Novak M. O. [Church Slavonic Version of Caesar Baronius "Annales Ecclesiastici" and Chudov Translations from the 17th Century: Comparative Analysis of Vocabulary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie*, 2024b, vol. 23, no. 6, pp. 39–48. (In Russ.)
- Pentkovskaya T. V. ["The Sermon of Mercy" in the Moscow translation from the second half of the 17th century and its Polish original: features of the language and translation technique]. *XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiyskoi delegatsii* [16th International Congress of Slavists. Belgrade, August 20–27, 2018. Russian delegation conference talks]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2018, pp. 82–101. (In Russ.)
- Thompson W. R. *Epifanii Slavinskii's Greek–Slavonic–Latin Lexicon between East and West*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2023. 412 p.
- Trium Fontium ad Aquas Salvias. *Romano Impero*. Copyright 2009. Available at: <https://www.romanoimpero.com/2018/05/trium-fontium-ad-aquas-salvias.html> (accessed 25.12.2024).
- Uspenskii B. A. *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A brief survey of the Russian standard language history]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 240 p.
- Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [Manuel du vieux slave]. 4th ed. Moscow, LKI Publ., 2007. 446 p.

Стилистические сходства и различия русских межвоенных романов через призму наиболее частотной лексики

Федор Никитич Двинятин¹, Борис Вадимович Ковалев², Санкт-Петербургский
государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)^{1,2}, f.dvinyatin@spbu.ru¹; bvkovalev@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725060082

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу наиболее частотной лексики в корпусе русской межвоенной прозы. Отправной точкой является стилиметрический анализ при помощи одного из самых апробированных и надежных на сегодняшний день стилиметрических инструментов — Delta Берроуза. С его помощью была осуществлена кластеризация романов межвоенного периода. В рамках настоящей статьи предлагается провести анализ наиболее частотной лексики в этих романах и сопоставить результаты с данными Delta. Особое внимание уделяется грамматическим категориям, изучению признаков, непосредственно выраженных в частотном словоупотреблении. Цель: выявить, что частотность этих признаков может сказать о стилистических особенностях анализируемых текстов, их сходствах и различиях. Для этого вводятся понятия высокого, нейтрального и низкого уровня частотности некоторого слова в определенном тексте. На основании подсчетов обнаруживается, что резко маркированы стили Шмелева и Пильняка, для всех 25 слов уровень частотности совпадает в «Дороге на океан» и «Скутаревском» Леонова. Результаты позволяют зафиксировать конкуренцию предлогов, союзов и местоимений. Ни в одном из рассмотренных текстов нет сочетания одинаково высокой или одинаково низкой доли предлогов *в* и *на*. Кроме того, высокая частотность как

соотносится с метафорической поэтикой Олеши, пяти более поздних романов Набокова, Федина, Шмелева и Грина; обилие местоимения *ты* маркирует тексты с большой ролью диалога и неформальным, неофициальным характером этого диалога (Гайдар, Леонов, Платонов). Частотность местоимения *она* глобально сопряжена со значимой ролью героинь в повествовании, но обнаруживается, что уровень частотности *она* для «Блестящего мира» существенно выше, чем для «Бегущей по волнам».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: количественная грамматика, стилеметрия, Delta Берроуза, наиболее частотная лексика, русская межвоенная проза

для цитирования: Двинятин Ф. Н., Ковалев Б. В. Стилистические сходства и различия русских межвоенных романов через призму наиболее частотной лексики // Русская речь. 2025. № 6. С. 111–127. DOI: 10.31857/S0131611725060082.

The Language of Fiction

Stylistic Similarities and Differences of Russian Interwar Novels Through the Prism of the Most Frequent Words

Fyodor N. Dviniatin¹, Boris V. Kovalev², Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)^{1,2}, f.dvinyatin@spbu.ru¹; bvkovalev@yandex.ru²

ABSTRACT: The article deals with the analysis of the most frequent words in the corpus of Russian interwar prose. The starting point is a stylistic analysis using one of the most tested and reliable stylistic tools, Burrows's Delta, with the help of which we performed the clustering of the interwar period novels. Within the framework of this article, it is proposed to analyze the most frequent words in these novels and compare the results with the Delta

data. Particular attention is paid to grammatical categories, the study of features directly expressed in frequency of word usage. The objective is to identify what the frequency of these features can say about the stylistic features of the analyzed texts; their similarities and differences. For this purpose, we introduced the concepts of high, neutral and low frequency of a word in a certain text. Based on the calculations, it is found that the styles of Shmelev and Pilnyak are sharply marked, for all 25 words the frequency level coincides in Leonov's "Road to the Ocean" and "Skutarevsky". The results also allow us to record the competition of prepositions, conjunctions and pronouns. None of the texts examined has a combination of equally high or equally low proportions of the prepositions "в" and "на". In addition, it is concluded that the high frequency of "как" correlates with the metaphorical poetics of Olesha, five later novels by Nabokov, Fedin, Shmelev and Green, and that the abundance of the pronoun "ты" marks texts with a large role of dialogue and the informal, unofficial nature of this dialogue (Gaidar, Leonov, Platonov). The frequency of the pronoun "она" is globally associated with the high role of the heroines in the narrative, but it turns out that the level of frequency for "The Shining World" is significantly higher than for "Running on the Waves".

KEYWORDS: quantitative grammar, stylometry, Burrows's Delta, the most frequent words, Russian interwar prose

FOR CITATION: Dviniatin F. N., Kovalev B. V. Stylistic Similarities and Differences of Russian Interwar Novels Through the Prism of the Most Frequent Words. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 6. Pp. 111–127. DOI: 10.31857/S0131611725060082.

Введение

Изучение наиболее частотной лексики в контексте стилеметрической идентификации своеобразия авторского стиля того или иного писателя — одно из наиболее актуальных и быстро развивающихся направлений на сегодняшний день.

Первые примеры анализа наиболее частотной лексики наблюдаются еще на начальном этапе использования квантитативных методов в филологии [Lutoslawski 1897; Морозов 1915]. Это направление активно развивалось в середине XX в. как в англоязычной [Mosteller, Wallace 1963], так и во франкоязычной лингвистической традиции [Michéa 1953].

Сегодня работы подобного типа встречаются регулярно, различаются методики и материал. Так, в Воронеже существует школа маркемологического анализа, которая предполагает изучение лексики с точки зрения частотности и длины слов [Кретов 2009; Кретов, Фаустов 2017]. Методика доказала эффективность на материале русскоязычной поэзии и прозы, однако применимость метода к англоязычным текстам [Артемова 2017] пока не представляется очевидной [Кашкина 2010; Зевахина, Филиппова 2024]. Квантитативный анализ разных уровней текста (от цветообозначений до морфологических и ритмо-метрических параметров) используется и в рамках Смоленской школы [Андреев 2012; Андреев, Павлова, Романова 2021]; частотные текстовые «скрепы» на материале служебной лексики для определения идиостилевого профиля автора выявляются, например, в: [Михеев, Эрлих 2018].

Однако нельзя не признать, что наиболее популярным и апробированным инструментом, основанным на подсчете наиболее частотной лексики, является Delta Берроуза [Burrows 2002]. Для каждого из анализируемых текстов нужно взять некоторое количество самых частотных слов, а затем сравнить их частотности (представленные как мера z-score, учитывающая число всех слов в тексте), суммируя разницу (т. е. дельту) для каждой пары текстов. Основная закономерность формулируется следующим образом: чем это расстояние меньше, тем более стилистически сходными оказываются тексты. В фокусе анализа оказывается по большей части служебная лексика.

Главными ограничителями для анализа выступают требования жанровой гомогенности (например, стихи, художественная проза и драматургия одного и того же автора характеризуются разными авторскими сигналами) и достаточного объема текста (от 5000 слов).

Алгоритм доказал свою эффективность на материале разных языков: от испанского [Calvo Tello 2019] до польского [Eder 2011], от латыни [Rybicki, Eder 2011] до русского [Орехов 2021; Двинятин, Ковалев 2024].

Пожалуй, наиболее ярким примером применения Delta можно назвать следующий. Допустим, исследователь хочет использовать этот инструмент для формулирования атрибуционной гипотезы, то есть формализованного предположения о том, кто в действительности является автором некоторого текста. Тогда необходимо поместить в корпус анализируемый текст (A_x), приписываемый некоторому автору A, а также еще некоторое количество соразмерных (обязательно более 5000 слов) текстов ($A_1, A_2...$), написанных тем же автором примерно в тот же хронологический промежуток. Также нужно добавить в корпус произведения иных авторов-претендентов (B_1, B_2, C_1, C_2 и т. д., подбор делается на

базе литературоведческих наблюдений и высказываемых умозрительных гипотез, основанных на историко-литературных и биографических данных). Таких текстов должно быть как минимум по два на каждого автора. Если атрибутируемый текст (A_x) кластеризуется (то есть помещается алгоритмом на основании кратчайшего межтекстового расстояния) на одной ветке с другими текстами того же предполагаемого автора A , значит, эти тексты в рамках настоящего корпуса оцениваются алгоритмом как стилистически близкие, следовательно, можно предположить, что они написаны одним автором, что далее необходимо подтверждать на архивном, историко-литературном уровне.

Итак, Delta активно используется в современной цифровой филологии как вспомогательный инструмент для процедуры атрибуции, для решения задач периодизации. Однако, на наш взгляд, одно из наиболее перспективных направлений — сравнительно-сопоставительное изучение стилистических особенностей текстов, написанных разными авторами в конкретный период времени. Это позволяет ставить вопрос о стилеметрическом срезе литературного языка, используемого авторами определенной эпохи в определенном жанре.

Особый интерес для нас представляет анализ русской межвоенной прозы, творчество крупнейших романистов 1920–1940-х гг. Мы исследовали [Двинятин, Ковалев 2024] этот пласт текстов при помощи Delta, подвергнув результаты историко-филологической интерпретации; наше нынешнее исследование фокусируется на лингвистических признаках, выражающихся в наиболее частотной лексике, которые способствуют либо объединению, либо различению текстов.

Цель состоит в том, чтобы в первом приближении выявить, что частотность употребления этих малых признаков может сказать нам о стилистических особенностях анализируемых текстов, их сходствах и различиях. Представляется важным обратиться не только к сугубо лексическому уровню, но и к грамматике; не только к собственно частотному словоупотреблению, но и к тому, что в нем непосредственно отражено. Иными словами, мы намерены опираться на грамматические категории, выраженные в наиболее частотной лексике, для попытки объяснительного анализа, поскольку служебная лексика может считаться скрытым признаком распределений грамматических категорий и конструкций.

Постановка эксперимента

В исследовательский корпус были включены следующие тексты (Табл. 1). Принципиально, что лемматизация не проводилась. Эксперименты проводились в R, пакет Stylo [Eder, Rybicki et al. 2016].

Таблица 1. Состав и объем исследуемых текстов
Table 1. Analyzed texts and their volume

Автор	Текст	Год создания текста ¹	Объем словоупотреблений
В. Набоков	«Машенька»	1926	25 759
В. Набоков	«Защита Лужина»	1929–1930	53 015
В. Набоков	«Король, дама, валет»	1928	56 889
В. Набоков	«Камера обскура»	1931	44 851
В. Набоков	«Подвиг»	1932	50 316
В. Набоков	«Приглашение на казнь»	1935	39 759
В. Набоков	«Отчаяние»	1934	43 874
В. Набоков	«Дар»	1938	105 454
К. Вагинов	«Труды и дни Свистонова»	1929	26 937
К. Вагинов	«Козлиная песнь»	1928	40 464
Г. Газданов	«Вечер у Клэр»	1929	44 739
Г. Газданов	«Ночные дороги»	1941	64 798
Г. Газданов	«Призрак Александра Вольфа»	1939–1946	38 230
Г. Газданов	«Полет»	1939	60 704
А. Гайдар	«Военная тайна»	1935	30 229
А. Гайдар	«Судьба барабанщика»	1939	28 180
А. Грин	«Бегущая по волнам»	1928	56 480
А. Грин	«Блистающий мир»	1923	47 536
Б. Зайцев	«Дом в Пасси»	1935	45 818
Б. Зайцев	«Золотой узор»	1926	63 420
М. Зощенко	«Голубая книга»	1935	84 447
М. Зощенко	«Сентиментальные повести»	1923–1930	50 263
И. Ильф и Е. Петров	«Двенадцать стульев»	1927	102 554
И. Ильф и Е. Петров	«Золотой теленок»	1931	91 768
В. Катаев	«Белеет парус одинокий»	1936	70 216
В. Катаев	«Время, вперед»	1932	72 402

¹ Для «составных» текстов и произведений со сложной текстологией указаны интервалы, в которые были написаны соответствующие тексты, в большинстве случаев приведены даты публикации полной версии.

Окончание табл. 1

Автор	Текст	Год создания текста ¹	Объем словоупотреблений
Л. Леонов	«Барсуки»	1924	102 297
Л. Леонов	«Скутаревский»	1932	95 462
Л. Леонов	«Соть»	1930	90 732
Л. Леонов	«Дорога на океан»	1935	161 788
Ю. Олеша	«Зависть»	1927	29 505
Ю. Олеша	«Три толстяка»	1924	29 381
Б. Пильняк	«Голый год»	1922	42 210
Б. Пильняк	«Красное дерево»	1929	12 563
А. Платонов	«Котлован»	1930	35 771
А. Платонов	«Ювенильное море»	1934	23 436
А. Н. Толстой	«Петр Первый»	1929–1944	228 808
А. Н. Толстой	«Хожение по мукам» (1, 2, 3)	1920–1941	94 595 + 89 702 + + 109 030
Ю. Тынянов	«Кюхля»	1925	84 144
Ю. Тынянов	«Смерть Вазир Мухтара»	1928	115 774
К. Федин	«Братья»	1926–1928	107 267
К. Федин	«Города и годы»	1921–1924	100 109
И. Шмелев	«Богомолье»	1931	42 068
И. Шмелев	«Лето Господне»	1934–1944	121 350
Итого			3 155 094

Результаты кластеризации представлены на дендрограмме (Рис. 1).

Читается график следующим образом. Наиболее стилистически близкие тексты соединяются как своего рода «листья» на ветке; другие, несходные с предыдущими, но похожие между собой, объединяются на другой ветке. Чем меньше межтекстовое расстояние Delta (схематично обозначено на шкале внизу рисунка), тем ближе располагаются тексты, что дает основания говорить о них как о стилистически сходных. Как видим, Delta безошибочно относит тексты одного автора в одну ветвь (единственное исключение — Олеша и его «Три толстяка» и «Зависть» — объясняется разной жанровой природой текстов, а к этому показателю алгоритм чувствителен). Подробное обсуждение результатов замеров и их интерпретация в историко-филологическом ключе приведены в статье [Двинятин, Ковалев 2024].

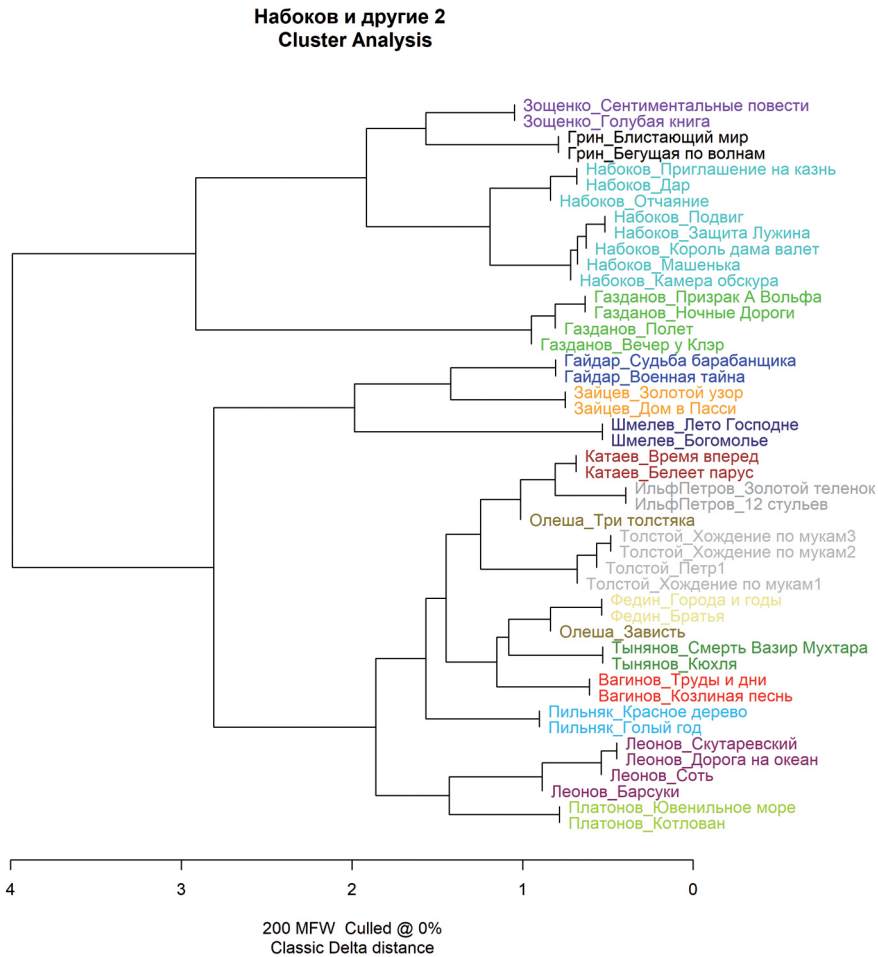

Рис. 1. Кластеризация романов межвоенной поры посредством метода Delta. 200 наиболее частотных слов

Fig. 1. Clustering of Interwar Novels Using Delta Method. 200 Most Frequent Words

Далее мы сосредоточимся на анализе 25 наиболее частотных слов (подчеркнем, что речь идет об относительных частотах) по романам, помещенным в корпус. Наша задача — проанализировать специфику наиболее частотной лексики и на этой основе определить, за счет каких лингвистических признаков, выраженных в частотном словоупотреблении, тексты оказываются связаны между собой или, напротив, отличаются друг от друга, и сопоставить наблюдения с данными Delta.

Результаты и обсуждение

Мы вводим понятия высокого, нейтрального и низкого уровня частотности некоторого слова в определенном тексте. Эти уровни совершенно условны и имеют целью только предварительное сравнение текстов между собой, одновременно объективное и достаточно компактное.

Delta — инструмент формализованный и не объясняющий механизм своей работы (кроме внешних условий). Чтобы избежать процедурной тавтологии, нам казалось уместным при первых попытках объяснения отступить от жесткой формализации. Разброс по разным словоформам был различен, группы текстов с повышенной и пониженной частотностью для разных словоформ тоже обрисовывались различным образом. Для определения порогов высокой и низкой частотности был выбран баланс двух критериев: мера отступления от средней и медианной частотности данной словоформы во всех текстах корпуса и количество текстов, распределяемых такими порогами в верхнюю или нижнюю часть списка (по частотности данной словоформы). Двумя дополнительными критериями были плотность показателей в ряду частотности одного слова по разным текстам (правильным считалось разбивать порогом в месте определенного разрыва по частотностям, а не там, где разница между словами соседних рангов почти незаметна) и возможность приурочить порог к показателю, кратному одной десятой процента. Поначалу мы предполагали, что для каждой словоформы область высокой и область низкой частотности будут обнимать приблизительно по 20 % случаев, но материал подсказывал, что усредненная частотность, трудная для расчленения, начинается в среднем после отделения 15 % текстов с высокой либо низкой частотностью. Точно так же отклонение порогов высокой и низкой частотности от медианных значений изначально предполагалось около 25 %. В любом случае материал не подгонялся ни под какое конкретное решение: цель состояла не в доказательстве (или опровержении) какой-либо конкретной гипотезы, а в поиске первого контура объяснения.

Мы приняли такие пороги (знаки означают, что частотность выше такого уровня ↑ считалась высокой, ниже такого ↓ — низкой): *и*: 4,6↑, 3,4↓; *в*: 2,9↑, 2↓; *на* 1,9↑, 1,5↓; *не* 1,9↑, 1,5↓; *с* 1,4↑, 1↓; *он* 1,7↑, 0,8↓; *что* 1,7↑, 0,8↓; *я* 2↑, 0,5↓; *как* 0,9↑, 0,55↓; *а* 0,9↑, 0,4↓; *его* 0,8↑, 0,4↓; *то* 0,9↑, 0,4↓; *по* 0,65↑, 0,45↓; *к* 0,75↑, 0,45↓; *все* 0,7↑, 0,4↓; *у* 0,7↑, 0,4↓; *за* 0,6↑, 0,4↓; *но* 0,7↑, 0,4↓; *это* 0,8↑, 0,4↓; *из* 0,5↑, 0,325↓ (подавляющее большинство частотностей по этому предлогу располагается очень плотно друг к другу); *она* 0,7↑, 0,3↓; *было* 0,65↑, 0,325↓; *так* 0,5↑, 0,25↓; *от* 0,45↑, 0,25↓; *же* 0,45↑, 0,25↓.

В нашем корпусе обнаруживаются три автора, у которых в обоих представленных текстах уровень частотности совпадает для 22 из 25 слов

верхней части списка: это Шмелев, Вагинов, Ильф и Петров. Например, у Шмелева предлоги *на* (частотность для «Богомолья» 2,11451, для «Лета Господня» 2,15629; здесь и далее в процентах и с округлением до пятого знака после запятой), *с* (0,70726 и 0,67233), *у* (0,94221 и 0,84333), *от* (0,47716 и 0,47297), союзы *и* (5,16398 и 4,99992), *а* (2,15569 и 2,032), местоимение *все* (0,91072 и 1,00933), словоформы *то* (2,032 и 1,10442 — результат для «Богомолья» намного выше среднего по корпусу уровня, но результат по «Лету Господню» тоже основательно выше) и *как* (0,98338 и 0,97429) используются одинаково часто, то есть (намного) чаще среднего уровня; местоимения *он* (0,70726 и 0,67233), *что* (0,74359 и 0,67483), *она* (0,28097 и 0,29529), союз *но* (0,12111 и 0,16266), глагольная форма *было* (0,08235 и 0,10844), словоформа *же* (0,17924 и 0,16266) — одинаково редко; предлоги *в* (2,14116 и 2,31144), *по* (0,59827 и 0,5789), местоимения *я* (0,90103 и 0,91673), *его* (0,44325 и 0,37453), частица *не* (1,63978 и 1,61742) и словоформа *так* (0,51834 и 0,50133) — нейтрально по частоте; и только для предлогов *к* и *за* и местоимения *это* фиксируется расхождение: причем случай *к* более очевидный: редкий в «Лете Господнем» (0,44043), он нейтрален в «Богомолье» (0,591); в случаях *за* и *это* уровни в большей степени рассекла условно принятая граница: *за* 0,64186 в «Богомолье» (частый) и 0,53886 в «Лете Господнем» (нейтральный), *это* 0,41418 (нейтральный уровень) и 0,38955 (редкий) соответственно. Случай Шмелева показателен также и тем, что 15 из 22 совпадающих по частоте слов маркированы, т. е. вверх или вниз отличаются от средних показателей. Для Вагинова так же совпадают уровни частотности у 22 слов из 25 (частое: *по*, редкие: *не*, *было*, *так*, *же*, нейтральные: *и*, *на*, *с*, *что*, *я*, *как*, *а*, *его*, *то*, *к*, *все*, *у*, *за*, *но*, *из*, *она*, *от* — в отличие от Шмелева 17 из 22 совпадающих по уровню частоты — нейтральные); расходятся *в*, частое в «Козлиной песни» (2,9439) и нейтральное в «Трудах и днях Свистонова» (2,42333), *он* (1,71384 и 1,45246 соответственно — тоже частое и нейтральное), *это* (0,37313 и 0,46232 — наоборот, редкое и нейтральное). У Ильфа и Петрова еще больше совпадающих нейтральных — 19 из 22 (*в*, *на*, *с*, *он*, *что*, *я*, *как*, *а*, *его*, *по*, *к*, *все*, *у*, *за*, *но*, *это*, *из*, *она*, *было*, *от*, *же*), при одинаково повышенной в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке» частотности *из* и одинаково пониженной — *как* и *она*. Таковы особенно наглядные основания кластеризации текстов одного автора в одну ветвь.

В принципе в нашем материале есть два текста одного автора, для которых совпадает уровень частоты всех 25 верхних слов списка: это «Дорога на океан» и «Скутаревский» Леонова. При этом своеобразие этого случая в том, что уровень частоты для 24 из этих 25 слов — нейтральный (и повышенный — для *его*). Кроме того, есть еще два текста Леонова, и уровень

частотности для всех четырех текстов совпадает «только» в 20 из 25 случаев. При этом следует добавить, что при первой серии экспериментов в корпусе было только два романа Леонова: «Барсуки» и «Скутаревский» — и при таком составе алгоритм «смешивал» эти тексты с романами других авторов: «Скутаревского» с Набоковым, «Барсуков» — с А. Н. Толстым. И лишь после добавления «Дороги на океан» (чей частотный профиль схож со «Скутаревским») и «Соти» тексты Леонова выделились в отдельную самостоятельную ветвь.

В других случаях для верхней зоны списка частотностей (25 слов) число слов, совпадающих по условному уровню частотности, меньше. У Тынянова 21 такое слово (*в, на, не, с, он, что, я, а, его, то, по, к, все, у, за, но, это, она, было, от, же*), Катаева — 19, Федина и Грина — 18, Олеши — 17, Платонова, Зайцева, — 16, Гайдара, Зощенко — 15, Пильняка — 13, для Газданова — только 8, но для трех романов, кроме «Вечера у Клэр», 17, А. Н. Толстого — только 6 (*а, его, то, все, у, так*), но для трех частей «Хожdenия по мукам» — 16, в основном все нейтральные.

Кроме Шмелева, резко маркированы стили Пильняка (в одном тексте 14 слов, а в другом 16 попадают либо в редкие, либо в частые) и Толстого в «Петре Первом» (16 слов редких либо частых). Противоположный полюс, как сказано, Леонов. Другие случаи: ранний «Вечер у Клэр» Газданова (пять маркированных по частоте слов), 4 из 8 романов Набокова (от 2 до 4 маркированных слов, еще в двух по 6), обе вещи Олеши (6 и 4 маркированных слова). Заметим, что, во-первых, для сличения текстов между собой (например, одного автора) все равно, совпадают ли их частотности в верхней, нижней или нейтральной области, и, во-вторых, эти повышенные, пониженные или нейтральные частотности слов из верхней части списка не имеют непосредственного эстетического эффекта: Олеша и Набоков считаются превосходными стилистами, но и, наоборот, А. Н. Толстой и Шмелев тоже большие «мастера языка».

Ни один из текстов нашего корпуса не перекрывает частоту *на* в первой книге «Тихого Дона», известную по отдельному замеру на основании Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — 2,3307 (максимально приближается «Петр Первый» — 2,26247). Точно так же «Москва под ударом» Андрея Белого (такой же отдельный замер) не превзойдена ни одним из текстов обсуждаемого корпуса по доле предлога *с* (как и в целом тексты ее автора) — 1,88536 (в данном эксперименте ближайшая доля у «Лета Господня» — 1,57405). Зато эксперимент позволил обнаружить автора, у которого предлога *в* оказалось еще больше, чем в «Белой гвардии» Булгакова (такой же отдельный замер), казавшейся до этого явным лидером в этом отношении: там 3,37967, а у Пильняка 3,66116 в «Голом годе»

и 3,51581 в «Красном дереве». В принципе, *в* — самый частый в русской речи предлог, начиная с древнейших текстов; превышение его частотности может говорить о реализации индивидуального стиля, сознательной или скорее бессознательной, не столько в поиске редких и оригинальных стиливых ресурсов, сколько в авторском усугублении общих тенденций; но это может говорить и об особом характере предпочитаемой микросемантики («одно в другом»), и просто о плохо семантизируемых языковых привычках. Относительная суммарная частота различных предлогов — очень надежное средство распределения стилей — слабо связана с общей семантической (в отличие от местоимений) и общей синтаксической (в отличие от союзов) перспективой текста: конкуренция предложной конструкции и адъективной конструкции, предложной конструкции и придаточного предложения, бесспорные примеры синтаксической роли предлогов, отражаются скорее в общей роли предлогов, чем в их соотношении, а связь предлогов с распределением синтаксических ролей в предложении и с построением синтаксических схем по образцу пространственных моделей, опять-таки бесспорная, пока, к сожалению, с трудом конкретизируется до учета относительной частотности отдельных предлогов.

Результаты позволяют зафиксировать ожидаемую, но все равно примечательную конкуренцию предлогов, союзов и местоимений. Ни в одном из рассмотренных текстов нет сочетания одинаково высокой или одинаково низкой доли предлогов *в* и *на* (проще и логичнее всего объяснить это именно конкуренцией: не возникает ситуации с «двумя победителями» или «двумя проигравшими»). При этом остальные 7 типов возможных сочетаний (нейтральный уровень для обоих предлогов и все 6 типов расхождения) фиксируются². Почти такое же положение с предлогами *с* и *из*, и все-таки не вполне: в трех текстах А. Н. Толстого из четырех их одинаково много. Так же взаимодополнительны союзы *а* и *но*: не бывают оба частыми или оба редкими; напротив, *а* и *и* могут совпадать в направлении отклонения: у Грина их одинаково мало, в «Военной тайне» Гайдара и у Шмелева одинаково много.

Почти во всех текстах не фиксируется одновременное повышение или понижение доли местоимений *он* и *она*, но и тут есть исключения: их одинаково много в трех романах Набокова (и если «Камера обскура» и «Король, дама, валет» — явные истории о мужчинах и женщинах, то для «Защиты Лукина» это более интригующе) и одинаково мало в «Голом годе»

² О конкуренции этих предлогов в древнерусском языке и о любопытнейшем случае их соотношения в «Слове о полку Игореве» см. со ссылкой на неопубликованный доклад одного из авторов настоящей статьи: [Введенский 2013].

Пильняка. Ожидаемую корреляцию между словоформами *он* и *его* проследить труднее, потому что *его* оказывается в нашем корпусе очень нейтральной по частотности словоформой: доли варьируют от ~0,3 до ~0,8, да и такие значения единичны, в основном около 0,5–0,7, тогда как *он* демонстрирует размах от ~0,2 до ~2,2 (ср. высокий порог — 1,7 — принятый нами для признания верхнего уровня частотности *он*, простейшее объяснение в том, что *его* часто используется в функции притяжательного местоимения, тематически более нейтрального, чем личное местоимение *он*, сильнее связанное с указанием на действующее лицо).

В нескольких случаях в стилистический замер отчетливо вторгаются смысловые параметры.

а) Доля местоимения *я* и перволичная повествовательная форма. Корреляция очень сильная: высокая доля *я* в «Судьбе барабанщика», но не в «Военной тайне»; в «Бегущей по волнам», но не «Блистающем мире»; в «Зависти», но не в «Трех толстяках»; в «Отчаянии», но ни в каком другом романе Набокова — все перволичные вещи (в перволичном «Лете Господнем» доля *я* тоже повышена, но не столь значительна, и это соотносится с тем, что *я*-рассказчик более перифериен).

б) Местоимение *она* и роль героинь. Хотя, вообще говоря, местоимение женского рода необязательно должно быть связано с персонажами женского пола⁵, все же причина резкого повышения его роли в текстах почти наверняка должна быть связана с ролью в действии героинь. У *она* высокий показатель в романах «Защита Лужина», «Камера обскура», «Король, дама, валет», низкий в «Петре Первом», но не во всех трех частях «Хождения по мукам», в мальчишеских «Судьбе барабанщика» и «Белеет парус одинокий», в плутовских романах Ильфа и Петрова и такой же «Судьбе барабанщика». Может показаться странным, но уровень частотности *она* для «Блистающего мира» намного выше, чем для «Бегущей по волнам».

в) Высокая частотность *как*, которую соблазнительно соотнести с обилием сравнительных оборотов, характерна для метафорической «Зависти»

⁵ В строках Мандельштама «...вослед за Персефоной, / Слепая ласточка бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой. // Навстречу беженке спешит толпа теней, / Товарку новую встречая причитаньем, / И руки слабые ломают перед ней / С недоумением и робким упованием. // Кто держит зеркальце, кто баночку духов, — / Душа ведь женщина, ей нравятся безделки...» — сплошной ряд из 14 существительных женского рода не прерван ни одним существительным мужского рода, и, наоборот, в строках «И снова, паровозными свистками / Разорванный, скрипичный воздух слит. // Огромный парк. Вокзала шар стеклянный. / Железный мир опять заморожен. / На звучный пир в элизиум туманный / Торжественно уносится вагон: / Павлиний крик и рокот фортепьянный. / Я опоздал. Мне страшно. Это — сон. // И я вхожу в стеклянный лес вокзала, / Скрипичный строй в смятении и слезах. / Ночного хора дикое начало / И запах...» — ряд из 15 существительных мужского рода не прерван ни одной формой женского: такие случаи редки, но возможны.

Олеша, трех поздних и двух «немецких», но не для трех ранних «русских» романов Набокова, для «Смерти Вазир-Мухтара», обеих вещей Федина, обеих вещей Шмелева и, что примечательно, для каждого текста Грина.

г) Обилие *ты* маркирует, как кажется, тексты с двумя параметрами: большой ролью диалога и неформальным, неофициальным характером этого диалога (Гайдар, Леонов, Платонов), пониженный уровень означает отказ от одного из этих признаков и приводит к пониженной роли *ты*: Вагинов, Зощенко, Пильняк, Тынянов, Ильф и Петров, ряд романов Набокова.

Заключение

Проведенный анализ наиболее частотной лексики в русских романах межвоенного периода, с одной стороны, проливает свет на общие лексические и отчасти на задаваемые лексикой грамматические черты текстов, позволяющие говорить о некотором сходстве текстов, выраженном на количественном уровне; а с другой стороны, помогает зафиксировать индивидуальные повествовательные, коммуникативные и смысловые особенности романов, а также специфику построения системы персонажей тех или иных текстов. При этом анализ лишь 25 наиболее частотных слов не вступает в противоречия с данными Delta. То, что верхняя часть списка показывает те же тенденции, что массивы в 100, 200 и 500 словоформ, само по себе почти наверняка предсказуемо. Естественно начинать анализ работы алгоритма с области, обнимающей наибольшее количество случаев. Согласно гипотезе, из которой мы исходим, и на более низких «этажах» частотного списка такими же разнообразными и прихотливыми способами сочетаются те же тенденции: идиосинкразические речевые привычки (идиолекты) авторов. Конкуренция языковых средств с близкими функциями и семантикой, связь служебных, местоименных и самых частых именных, глагольных и наречных слов с синтаксисом, повествовательной структурой текста и семантикой.

Мы попытались раскрыть некоторые механизмы кластеризации стиля по частотным словам: сколько слов из верхней части списка совпадает по уровню частотности у разных авторов, каково соотношение нейтральной и маркированной частотности, какова конкуренция близких по употреблению слов, каковы ресурсы связи местоименных и служебных слов с семантикой, композицией и жанром текста. В дальнейшем нужно расширить зону анализа, выявить менее очевидные соответствия и более подробно проследить «анатомию» парадоксальных случаев кластеризации.

Литература

- Андреев В. С. Моделирование индивидуального стиля американских поэтов-романтиков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 47–52.
- Андреев В. С., Павлова Л. В., Романова И. В. Поэтика цвета «*cattleya labiata*» в лирике Владимира Набокова // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 214–224.
- Артемova О. Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза. Воронеж: Наука-ЮНИПРЕСС, 2020. 596 с.
- Введенский А. М. Частотность предлога «на» в древнерусских текстах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 26–27.
- Двинятин Ф. Н., Ковалев Б. В. «Сирин не уступает Леонову»: метод Delta для стилеметрического анализа русских романов межвоенного периода // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 207–229.
- Зевахина Т. С., Филиппова М. М. Об одном маркемологическом исследовании художественных текстов, или Можно ли свести четыре века английской литературы к двум ключевым словам // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 111–124.
- Кашкина А. В. Сравнительный маркемный анализ: проблемы и перспективы // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. трудов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т; Изд. дом Алейниковых, 2010. Вып. 8. С. 228–235.
- Кретов А. А., Катov М. В. Сквозь призму маркем: Н. В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 12–21.
- Кретов А. А., Фаустов А. А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы // ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 16–31.
- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2018. № 2. С. 25–34.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.12.2024).
- Орехов Б. В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилеметрии // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 200–213.
- Burrows J. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // Literary and Linguistic Computing. 2002. № 3 (17). P. 267–287.
- Calvo Tello J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels // Romanische Studien. 2019. № 6. P. 151–163.
- Eder M. Style-Markers in authorship attribution. A cross-language study of the authorial fingerprint // Studies in Polish Linguistics. 2011. № 6. P. 99–114.
- Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis // R Journal. 2016. № 1 (8). P. 107–121.

- Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. London: Longmans, 1897. 548 p.
- Michéa R. Mots fréquents et mots disponibles. Un aspect nouveau de la statistique du langage // Les langues modernes. 1953. № 47. P. 338–344.
- Mosteller F., Wallace D. L. Inference in an Authorship Problem // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. № 302. P. 275–309.
- Rybicki J., Eder M. Deeper Delta across genres and languages: do we really need the most frequent words? // Literary and Linguistic Computing. 2011. Vol. 26. № 3. P. 315–321.

References

- Andreev V. S. [Modeling of Individual Styles of American Romantic Poets]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 10, pp. 47–52. (In Russ.)
- Andreev V. S., Pavlova L. V., Romanova I. V. [The Poetics of Color “Cattleya Labiata” in the Lyrics by Vladimir Nabokov]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2021, no. 3, vol. 58, pp. 214–224. (In Russ.)
- Artemova O. G. *Yazykovye klyuchi k angliiskoi literature ot Shekspira do Faulza* [Language keys to the English literature from Shakespeare to Fowles]. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS Publ., 2020. 596 p.
- Burrows J. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship. *Literary and Linguistic Computing*, 2002, no. 3, vol. 17, pp. 267–287. (In Eng.)
- Calvo Tello J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels. *Romanische Studien*, 2019, no. 6, pp. 151–163. (In Eng.)
- Dviniatin F. N., Kovalev B. V. [“Sirin is not inferior to Leonov”: Burrows's Delta for stylometric analysis of Russian novels of the interwar period]. *Shagi / Steps*, 2024, no. 3, vol. 10, pp. 207–229. (In Russ.)
- Eder M. Style-Markers in authorship attribution. A cross-language study of the authorial fingerprint. *Studies in Polish Linguistics*, 2011, no. 6, pp. 99–114. (In Eng.)
- Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis. *R Journal*, 2016, no. 1, vol. 8, pp. 107–121. (In Eng.)
- Kashkina A. V. [Comparative markeme analysis: challenges and perspectives]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2010, pp. 228–235. (In Russ.)
- Kretov A. A., Katov M. V. [Through the prism of markeme: N. V. Gogol in the immediate context of Russian literature]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2009, no. 2, pp. 12–21. (In Russ.)
- Kretov A. A., Faustov A. A. [The Notion of markeme and preliminary findings of markeme analysis of Russian literature]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2017, no. 4, pp. 16–31. (In Russ.)
- Lutoslawski W. *The origin and growth of Plato's logic*. London, Longmans Publ., 1897. 548 p.

- Michéa R. Mots fréquents et mots disponibles. *Un aspect nouveau de la statistique du langage* Les langues modernes, 1953, no. 47, pp. 338–344. (In French)
- Mikheev M. Yu., Erlikh L. I. [Idiostyle profile and determination of text authorship by frequencies of function words]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 2: Informacionnye processy i sistemy*, 2018, no. 2, pp. 25–34. (In Russ.)
- Mosteller F., Wallace D. L. Inference in an Authorship Problem. *Journal of the American Statistical Association*, 1963, no. 302, vol. 58, pp. 275–309. (In Eng.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 06.12.2024).
- Orehhov B. V. [Text and translation by Vladimir Nabokov through the prism of stylometry]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2021, no. 3, vol. 58, pp. 200–213. (In Russ.)
- Rybicki J., Eder M. Deeper Delta across genres and languages: do we really need the most frequent words? *Literary and Linguistic Computing*, 2011, no. 3, vol. 26, pp. 315–321. (In Eng.)
- Vvedenskii A. M. [Frequency of the preposition “na” in Old Russian texts]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2013, no. 3, vol. 53, pp. 26–27. (In Russ.)
- Zevakhina T. S., Filippova M. M. [On One Markemological Study, or Can Four Centuries of English Literature Be Reduced to Two Keywords]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2024, no. 1, pp. 111–124. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Заведующая редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru, rusrech@pran.ru

Сайт: <http://slavras.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. .

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+